Том 1, № 4 Volume 1, Number 4 2010

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ ТОМ 1 № 4 2010

СОЦИОЛОГИЯ
науки и технологий

Sociology of Science & Technology

Санкт-Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С. И. ВАВИЛОВА
23 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ
И ТЕХНОЛОГИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕСТОР-ИСТОРИЯ»

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК К 100-ЛЕТИЮ РОБЕРТА К. МЕРТОНА

2010

Том 1

№ 4

Санкт-Петербург

Главный редактор специального выпуска: *Н. А. Ащеулова*
Главный редактор журнала: *С. А. Кугель*
Ответственный секретарь: *В. М. Ломовицкая*

Редакционная коллегия:
Аблажей А. М. (Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск), *Аллахвердян А. Г.* (Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва), *Ащеулова Н. А.* (Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург), *Бао Оу* (Университет «Цинхуа», КНР, Пекин), *Богданова И. Ф.* (Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, Беларусь, Минск), *Богданова Н. Ф.* (Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, Беларусь, Минск), *Бороноев А. О.* (Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург), *Дежина И. Г.* (Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва), *Елисеева И. И.* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург), *Иванова Е. А.* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург), *Козлова Л. А.* (Институт социологии РАН, Москва), *Кугель С. А.* (Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург), *Лазар М. Г.* (Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург), *Ломовицкая В. М.* (Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург), *Мирская Е. З.* (Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва), *Никольский Н. Н.* (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург), *Паттнаик Б. К.* (Институт технологий г. Канпура, Индия, Канпур), *Сандстром Г.* (Канада, Ванкувер), *Скворцов Н. Г.* (Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург), *Сулейманов А. Д.* (Институт философии, социологии и права Национальной академии Азербайджана, Азербайджан, Баку), *Тамаш П.* (Институт социологии Академии наук Венгрии, Венгрия, Будапешт), *Тропп Э. А.* (Санкт-Петербургский научный центр, Санкт-Петербург), *Хименес Х.* (23 комитет социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, Мексика, Мехико), *Шувалова О. Р.* (Государственный университет — Высшая школа экономики, Москва), *Юревич А. В.* (Институт психологии РАН, Москва)

Журнал издается под научным руководством Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук.
Учредитель: Издательство «Нестор-История»
Издатель: Издательство «Нестор-История»
ISSN 2079–0910

Журнал основан в 2009 г. Периодичность выхода — 4 раза в год. Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77–36186 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 7 мая 2009 г.

Адрес редакции:
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5
Тел.: (812) 328–59–24. **Факс:** (812) 328–46–67
E-mail: school_kugel@mail.ru
http://ihst.nw.ru

Выпускающие редакторы номера: Н. А. Ащеулова, В. М. Ломовицкая
Редактор русскоязычных текстов: С. А. Душина
Редактор англоязычных текстов и переводчик: В. К. Кружков
Корректор: Н. В. Стрельникова
Подписано в печать: 20.12.2010
Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 14,1
Тираж 300 экз. Заказ № 2035
Отпечатано в типографии «Нестор-История», 198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21

© Редколлегия журнала «Социология науки и технологий», 2010
© Издательство «Нестор-История», 2010

The Russian Academy of Sciences
Institute for the History of Science and Technology
named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch
The Research Committee on Sociology of Science and Technology (RC23) of the
International Sociological Association (ISA)
Publishing House "Nestor-Historia"

SOCIOLOGY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

SPECIAL ISSUE ON THE 100th ANNIVERSARY OF ROBERT K. MERTON'S BIRTH

2010

Volume 1

Number 4

St Petersburg

Editor-in-Chif of Special Issue: Nadia A. Asheulova
Editor-in-Chief of Journal: Samuel A. Kugel
Publishing Secretary: Valentina M. Lomovitskaya

Editorial board:

Anatoliy M. Ablazhej (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk), *Alexandr G. Allakhverdyan* (Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Nadia A. Asheulova* (St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), *Ou Bao* (Tsinghua University, China, Bejing), *Irina F. Bogdanova* (Institute for Preparing Scientific Staff, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk), *Nina F. Bogdanova* (Institute for Preparing Scientific Staff, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk), *Asalhan O. Boronoev* (Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg), *Irina G. Dezhina* (Institute of Economics and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Irina I. Eliseeva* (Sociological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), *Elena A. Ivanova* (Sociological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), *Jaime Jimenez* (Autonomous National University of Mexico, Mexico City), *Larissa A. Kozlova* (Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Samuel A. Kugel* (St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), *Mihay G. Lazar* (Russian State Hydro-Meteorological University, St. Petersburg), *Valentina M. Lomovitskaya* (St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), *Elena Z. Mirskaya* (Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Nikolay N. Nikolski* (Institute of Cytology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), *Binay Kumar Pattnaik* (Indian Institute of Technology, Kanpur, India), *Gregory Sandstrom* (Vancouver, Canada), *Nikolay G. Skvortsov* (Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg), *Abulfaz D. Suleimanov* (Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Azerbaijan, Baku), *Pal Tamas* (Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest), *Eduard A. Tropp* (St. Petersburg Scientific Centre, St. Petersburg), *Olga A. Shuvalova* (State University, Higher School of Economics, Moscow), *Andrey V. Yurevich* (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The journal is published under the scientific guidance of the Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences. The founder: Publishing House "Nestor-Historia"

The publisher: Nestor-Historia
ISSN 2079-0910

The journal was founded in 2009. It is a periodical, published 4 times a year in Russia. The journal's certificate of registration PI № FC 77-36186 was given by the Federal Service of supervision in the sphere of mass communications, relations and the protection of cultural heritage on May, 7th, 2009.

The editor's address:
199034, St. Petersburg, 5 University nab.
Tel.: (812) 328-59-24 Fax: (812) 328-46-67
E-mail: school_kugel@mail.ru
http: // ihst.nw.ru

Managing editors: Nadia A. Asheulova, Valentina M. Lomovitskaya
Contributing editors: Svetlana A. Dushina, Victor C. Kruzhkov
Proof-readers: Natalia V. Strelnikova

© The editorial board of the journal "Sociology of Science and Technology", 2010
© Publishing house "Nestor-Historia", 2010

Robert K. Merton (1910–2003)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Роберт Мертон и отечественная социология науки 11

Х. Хименес. Роберт Мертон и 23 исследовательский комитет социологии науки и технологий (RC23) в рамках Международной социологической ассоциации (ISA) 24

Роберт Мертон и наука XX века

Е. З. Мирская. Человек в науке: социологические дискуссии XX века 26

Н. В. Мотрошилова. Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд из XXI века 45

М. К. Петров. Методологическая эволюция Р. К. Мертона 84

В. Н. Порус. На Мосту Интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология 104

И. В. Маршакова-Шайкевич. Встреча с Мертоном: дискуссия о картах социтирования в науке и оценке научных журналов 118

М. Г. Лазар. Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении 124

Г. Сандстром. Питирим Сорокин и эффект Матфея в Мексике: размышления о социологии науки Мертона 139

А. В. Юревич. Теневая наука в современной России 154

Воспоминания о Роберте К. Мертоне

Роза-Луиза Винклер. Краткие заметки (немецкого) бывшего ГДРовского социолога науки 170

В. А. Ядов. Как мы с Галиной Андреевой вступили в публичную дискуссию с Р. Мертоном 176

И. С. Кон. Воспоминания о Роберте Мертоне 177

Д. Н. Шалин. Встреча с Р. Мертоном (из архива Э. Гоффмана) 182

Документы. Переписка П. А. Сорокина и Р. К. Мертона

А. Ю. Долгов. Питирим Сорокин и Роберт Мертон в социологии и в жизни 185

П. А. Сорокин, Р. К. Мертон. Избранная переписка 193

Хроника научной жизни

Н. А. Ащеулова, С. А. Душина. XXVI сессия Международной школы социологии науки и техники: социология науки в XXI веке и идейное наследие Р. К. Мертона 215

Круглый стол Европейского университета в Санкт-Петербурге «Основание социологии науки: к 100-летию со дня рождения Роберта Мертона» 217

Информация для авторов и требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Социология науки и технологий» 222

Читайте в ближайших номерах журнала 226

CONTENTS

Editorial. Robert Merton and the Russian Sociology of Science 18

Jaime Jiménez. Robert K. Merton and the Research Committee on Sociology of Science and Technology 23 (RC23) of the International Sociological Association (ISA) 24

Robert Merton and Science in the 20th Century

Elena Z. Mirskaya. A Man in Science: Sociological Discussions in the 20th Century 43

Nelya V. Motroshilova. Robert Merton's Formulation of the Classical Paradigms in the Sociology of Science: Looking Back from the 21st Century 81

Mikhail K. Petrov. The Methodological Evolution of R. K. Merton 102

Vladimir N. Porus. On the Bridge of Interpretations: R. Merton and Social Epistemology 116

Irena V. Marshakova-Shaikevich. Meeting Robert Merton: Discussion of Co-citation Maps of Science and the Evaluation of Scientific Journals 118

Mihay G. Lazar. The Ethos of Science in the Sociology of Robert Merton: Fate and Status in the Science Studies 124

Gregory Sandstrom. Pitirim Sorokin and the Matthew Effect in Mexico: a Reflection on Merton's Sociology of Science 139

Andrey V. Yurevich. The Shadow Science in the Present-Day Russia 167

Recollections of Robert Merton

Rose-Luise Winkler. Short Notes of the Sociologist of Science from the Former German Democratic Republic 173

Vladimir A. Yadov. How Galina Andreeva and I got into public discussion with Robert Merton 176

Igor S. Kon. Remembering Robert Merton 180

Dmitri N. Shalin. A Meeting with R. Merton (from the Erving Goffman Archives) 182

Documents
Correspondence between P. A. Sorokin and R. K. Merton

Alexander Yu. Dolgov. Pitirim Sorokin and Robert Merton in Sociology and Life 187

P. A. Sorokin, R. K. Merton. Selected Letters 190

Scientific Life: Events

Nadia A. Asheulova, Svetlana A. Dushina. XXVI session of the International School for Sociology of Science and Technology and the Mertonian Issues 219

The Round table of the European University at St Petersburg (EUSP) "Foundations of Sociology of Science: the 100th Anniversary of Robert Merton" 221

Instructions for Contributors and Requirements for Manuscripts Submitted to the Sociology of Science and Technology 224

In the next issues 226

ОТ РЕДАКЦИИ

Ащеулова Надежда Алексеевна

главный редактор специального выпуска,
руководитель Центра социолого-науковедчесских исследований,
Учреждения Российской академии наук
Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург;
e-mail: simar@bk.ru

Роберт К. Мертон и отечественная социология науки

В июле 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения Роберта К. Мертона — социолога, сыгравшего одну из центральных ролей в мировой социологии XX века. В ознаменование этого события Центр социолого-науковедческих исследований Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН совместно с 23 исследовательским комитетом социологии науки и технологий (RC23) Международной социологической ассоциации подготовил специальный выпуск журнала «Социология науки и технологий». Обращение к Роберту Мертону обусловлено не только (и не столько) внешним обстоятельством — памятной датой. Имя этого выдающегося социолога неразрывно связано с социологией науки и ее легитимацией: Мертон стоял у истоков и был первым президентом RC23, формировал сети международных контактов социологов науки. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в 60-е годы прошлого столетия началась активная рецепция идей Мертона в отечественной социологии науки и многие представители советской научной элиты поддерживали с известным исследователем из США дружеские и профессиональные контакты. Мертон явился значительной фигурой для советской социологии.

Основные вехи биографии Роберта Мертона давно стали хрестоматийными. При этом важно отметить, что своими корнями и профессиональным становлением он связан с Российской империей: его отец был выходцем с Украины. Как известно, «Мертон» — псевдоним, настоящее имя — Мейер Школьник.

> And so, just as Ehrich Weiss, the son of Rabbi Mayer Samuel Weiss had become Harry Houdini, naming himself after the celebrated French magician, Robert Houdin, the 14-year-old Meyer R. Schkolnick fleetingly became Robert K. Merlin, after the far more celebrated magician of Arthurian legend. Merlin, in turn, soon became Merton when my mentor Hop gently observed that Merlin was a bit hackneyed. By the time I arrived at Temple

College, my close friends were more often than not calling me Bob Merton and I did not discourage them. I rather liked the sound of it, no doubt because it seemed "more American" back then in the 1920s. With the warm consent of my devoted Americanizing mother — she attended night school far more religiously than the synagogue — and the bland agreement of my rather uninterested father, this was followed by the legal transformation of my name some 65 years ago[1].

Он начал свою социологическую карьеру под руководством Джорджа Э. Симпсона. Встреча с П. А. Сорокиным во многом определила его судьбу: Р. К. Мертон работал в качестве научного сотрудника у Питирима Александровича. Вот как он сам вспоминает об этом в автобиографической лекции, прочитанной 28 апреля 1994 года в Филадельфии на ежегодной встрече Американского совета научных обществ (the American Council of Learned Societies):

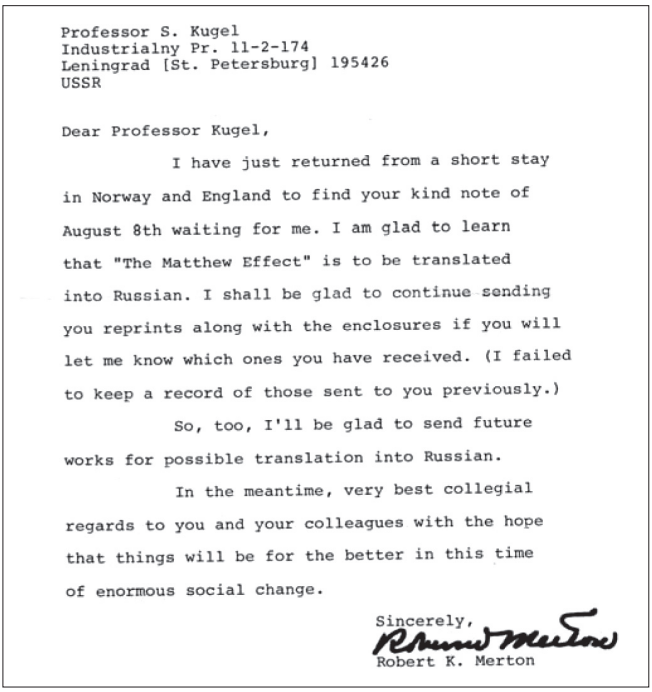
Taking his assistant in hand, George Simpson also saw to it that I would see and hear key figures at an annual meeting of the American Sociological Society. There I met Pitirim Alexandrovich Sorokin, the founding chairman of the Department of Sociology then being tardily established at Harvard. That too proved to be a consequential encounter. For I would surely not have dared apply for graduate study at Harvard had Sorokin not encouraged me to do so. After all, my college advisers had warned me that Temple was still not fully accredited. To which I replied, rather ineptly, that it was the scholar Sorokin, not the institution Harvard, that mattered most to me. For, as a rather arrogant undergraduate, I had brought myself to believe — not entirely without foundation — that I knew just about everything American sociology had to offer in the late 1920s, although I had to confess to having only peripheral knowledge of the older and, to me, more evocative European traditions of sociological thought. Sorokin had recently published his Contemporary Sociological Theories, a wideranging, contentious overview of, in the main, European sociology, and plainly he was the teacher I was looking for. Moreover, it was evident that Sorokin was not your ordinary academic sociologist. Imprisoned three times by czarists and then three times by the Bolsheviks, he had been secretary to Alexandr Kerensky, the Socialist Revolutionary Prime Minister of Russia, and had had a death sentence commuted into exile by the normally unsparing Lenin. That too was bound to matter to me since, like many another Temple College student during the Great Depression, I was a dedicated socialist. In the event, I did nervously apply to Harvard, did receive a scholarship there, and soon found myself embarked on a new phase in a life of learning[2].

Р. Мертон преподавал в Гарварде до 1938 года. В 1941-м он присоединился к университетской элите Колумбийского университета, с которым был связан до последних лет.

Роль, которую сыграл в интеллектуальном становлении Р. Мертона П. А. Сорокин, общеизвестна. Известно и то, с каким уважением и почтением относился знаменитый ученик к не менее знаменитому учителю. Вместе с тем его интересовало состояние советской науки в 1920–1930-е годы. Как свидетельствует исследовательница

[1] A Life of Learning by Robert K.Merton. Charles Homer Haskins Lecture for 1994 // ACLS Occasional paper. № 25. URL: http://www.acls.org/Publications/OP/Haskins/1994_RobertKMerton.pdf

[2] Ibid.



Professor S. Kugel
Industrialny Pr. 11-2-174
Leningrad [St. Petersburg] 195426
USSR

Dear Professor Kugel,

I have just returned from a short stay in Norway and England to find your kind note of August 8th waiting for me. I am glad to learn that "The Matthew Effect" is to be translated into Russian. I shall be glad to continue sending you reprints along with the enclosures if you will let me know which ones you have received. (I failed to keep a record of those sent to you previously.)

So, too, I'll be glad to send future works for possible translation into Russian.

In the meantime, very best collegial regards to you and your colleagues with the hope that things will be for the better in this time of enormous social change.

Sincerely,
Robert K. Merton

Письмо Р. Мертона профессору С. А. Кугелю

из Германии, он читал (конечно, в переводах) труды Бухарина, Гессена, Райнова. «Я просила его мне объяснить, с какими работами советского периода науки в России (Бухарина, Гессена и Райнова) он был знаком, и какие формы коммуникации велись. Он мне очень любезно ответил: "As it happens, I never met or corresponded with any of them. И дальше: I knew Bukharin`s Historical Materialism in its English translation, of course, and his later introductory essay to "Science at the Crossroads (1932). Checking my reference to B in my 1945 "paradigm for the sociology of knowledge" I find myself referring to "the questionable thesis" "only proletarian [social] science has valid insight into certain aspects of social reality." And of course, like my colleagues, I was disturbed — rather, outraged — by his execution after Stalin`s notorious purge trials"»[1].

Влияние Роберта Мертона на становление советской и постсоветской социологии в России было велико. Вряд ли будет преувеличением назвать Р. Мертона ключевой фигурой для российской социологии второй половины XX столетия. Начиная с 1960-х годов, труды Р. Мертона интенсивно осваиваются советскими обществоведами, структурный функционализм, несмотря на доминирование идеологически предзаданной концепции К. Маркса, становится востребованной объяснительной теорией в советской социологии. Книги американского социолога читают на английском, их привозят из зарубежных командировок, передают в машинописных версиях, постепенно произведения Мертона начинают переводить

[1] См. наст. изд.: *Винклер Р.-Л.* Краткие заметки (немецкого) бывшего ГДРовского социолога науки.

и издавать в СССР. Теоретические идеи Мертона оказали значительное влияние на развитие методологии социологических исследований в нашей стране, особенно социологии науки.

Готовя этот номер, редакция считала своей первостепенной задачей показать связи Р. К. Мертона с советской/российской социологией, выражающиеся не только в теоретической экспликации его идей отечественными социологами, но и в сети личных коммуникаций, тех неформальных дружеских контактах, которые установились между классиком американской социологии и отечественными исследователями.

В 1961 году в составе делегации американских социологов Р. Мертон приезжал в СССР, выступал с лекцией на философском факультете Ленинградского университета[1].

В 1966 году в Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе советские социологи встречались и дискутировали с Р. Мертоном[2].

Слева направо: Н. В. Новиков, А. Г. Здравомыслов, Г. В. Осипов, Е. В. Осипова, Р. Мертон в Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе, 1966 г.[3]

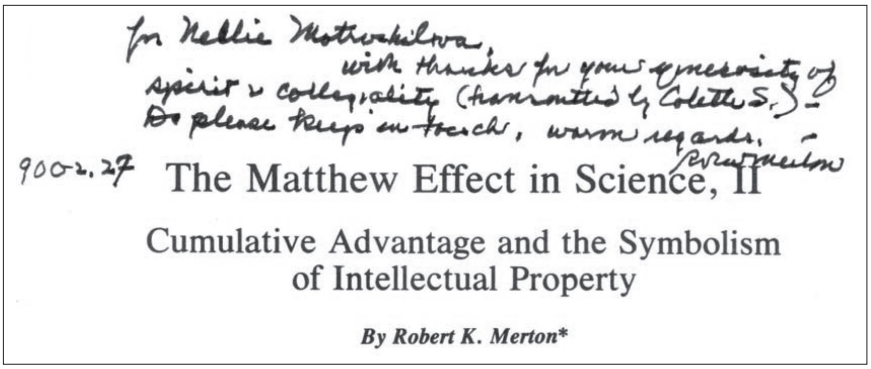
[1] А. Г. Здравомыслов: «Социология как жизненное кредо» // International Biography and History of Russian Sociology Projects feature interviews and autobiographical materials collected from scholars who participated in the intellectual movements spurred by the Nikita Khrushchev's liberalization campaign. The materials are posted as they become available, in the language of the original, with the translations planned for the future. Dr. Boris Doktorov, Dmitri Shalin are editing the projects. URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_06b.html

[2] См. наст. изд.: *Ядов В. А.* Как мы с Галиной Андреевой вступили в публичную дискуссию с Р. Мертоном; *Кон И. С.* Воспоминания о Роберте Мертоне.

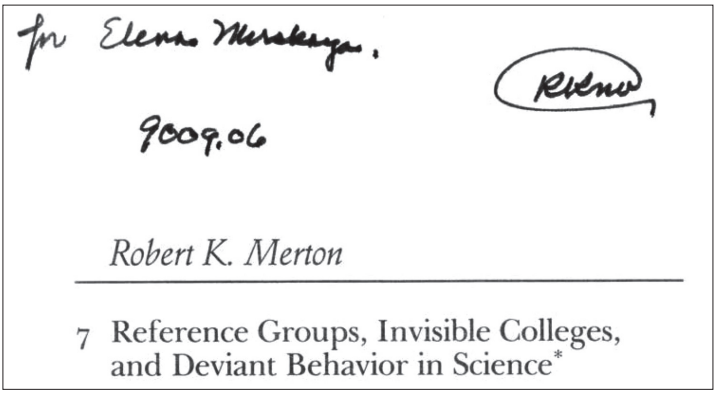
[3] Копия фотографии предоставлена Е. А. Здравомысловой (из архива проф. А. Г. Здравомыслова).

В разные годы Р. Мертона связывали тесные профессиональные отношения с российскими социологами — Ю. А. Замошкиным, Н. В. Мотрошиловой, А. Г. Здравомысловым, Е. З. Мирской, С. А. Кугелем, Н. Е. Покровским, выражающиеся в систематической и многолетней переписке, пересылке статей, книг и других материалов[1].

Можно сказать, что целое поколение российских социологов-шестидесятников, было воспитано «на Мертоне».


for Nellie Motroshilova,
with thanks for your generosity of spirit & collegiality (transmitted by Colette S.) –
Do please keep in touch, warm regards, –
Robert Merton
9002.27
The Matthew Effect in Science, II
Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property
By Robert K. Merton*

Дарственная надпись Р. Мертона профессору Н. В. Мотрошиловой


for Elena Mirskaya.
Rkmerton
9009.06
Robert K. Merton
7 Reference Groups, Invisible Colleges, and Deviant Behavior in Science*

Дарственная надпись Р. Мертона профессору Е. З. Мирской

А. Г. Здравомыслов пишет об этой встрече так: «Во второй раз я встретился с Мертоном в 1966 году в Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе: Т. Парсонс и Р. Мертон пригласили Г. В. Осипова с супругой, Н. В. Новикова и меня на обед в швейцарский ресторан на берегу Женевского озера. Сохранилась памятная фотография, которую я передал в Сообщество профессиональных социологов. Третья встреча с Мертоном состоялась в 1994 году в Нью-Йорке, у него дома». URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_06b.html

[1] Сайт Сообщества профессиональных социологов. URL: www.sociolog.net/inmemoriam.html

Бесспорно, Р. Мертон остается почитаемой фигурой как в российском, так и в международном социологическом сообществе, интерес к его творчеству не угасает: непросто охватить все работы, вышедшие уже после смерти великого социолога, так или иначе затрагивающие его наследие. Р. Мертону был посвящен один из номеров журнала "Social Studies of Science"[1], опубликовавший обширную библиографию американского социолога. Архив Роберта Мертона, переданный в 2006 году Х. Закерман библиотеке Колумбийского университета, является поистине «золотой жилой» для исследователей в области интеллектуальной истории и общественной жизни XX века[2]. В юбилейный 2010 год вышла коллективная монография двенадцати известных социологов под редакцией президента Научного совета по социальным исследованиям Крэйга Калхуна[3].

С именем Р. Мертона связаны многие направления социологических исследований, но прежде всего оно стало эпонимом для социологии науки, так что словосочетание «мертонианская социология науки» давно и прочно вошло в научный оборот. Особенно хочется подчеркнуть ту знаковую роль, которую сыграл американский социолог для институализации этой области социологии. В 1966 году Р. Мертон стал учредителем и организатором, а также первым президентом 23 исследовательского комитета социологии науки и технологий (RC23) в рамках Международной социологической ассоциации (ISA) и возглавлял его с 1966 по 1974 год. Деятельность Мертона на этом посту во многом определила теоретическое и институциональное развитие социологии науки в мировом масштабе. Российская социология медленно и непросто входит в мировое социологическое сообщество, социологи участвуют в международных социологических мероприятиях — конгрессах, конференциях, проектах — и организациях. Работа в 23 исследовательском комитете социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации — важный элемент этого процесса. Среди российских социологов особенной чести — быть членом Правления данного комитета — удостаивались в разные годы представители ленинградской/петербургской социологической школы С. А. Кугель и Н. А. Ащеулова, будучи в свое время руководителями Центра социолого-науковедческих исследований ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН.

Влияние Р. Мертона на развитие социологии показано в ряде статей номера. Хочется обратить внимание читателей на становление и развитие социологии науки в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Так, в 1992 году международный научный коллектив подготовил учебное пособие «Введение в социологию науки» — первое издание такого рода в нашей стране. В этой книге есть раздел, в котором помещены статьи некоторых западных социологов науки, и прежде всего знаменитая работа Р. Мертона «Эффект Матфея в науке II»[4].

---

[1] Social Studies of Science. 2004. December. 34 (6). URL:http://sss.sagepub.com/content/34/6.toc

[2] Papers of Robert K. Merton, Pioneer // American Sociology. Donated to Columbia's Rare Book & Manuscript Library in Columbia University Libraries. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/

[3] Robert K. Merton: Sociology of Science and Sociology as Science (2010) / ed. by Craig Calhoun. Columbia University Press/SSRC. URL: http://cup.columbia.edu/book/978-0-231-15112-2/robert-k-merton

[4] Эффект Матфея в науке II. Совокупное преимущество и символичность интеллектуальной собственности // Введение в социологию науки. Часть II. СПб.: Изд-во Санкт-Петербуршского университета экономии и финансов, 1992. С. 3–21.

Редакция надеется, что содержащиеся в номере материалы дополнят уже сложившийся у научной общественности образ известного ученого. Разнообразие исследовательских позиций и теоретических подходов авторов данного номера позволит составить целостную картину рецепции идей Р. Мертона в советской/российской социологии науки. Мы искренне признательны всем коллегам, принявшим участие в выпуске данного номера и оказавшим нам помощь в его подготовке. Редакция журнала благодарит за возможность публикации оригиналов писем П. А. Сорокина и Р. К. Мертона куратора семейного наследия Питирима Сорокина, доктора философии Университета Висконсина Павла Петровича Кротова[1].

[1] Оригиналы опубликованных писем хранятся в Специальной коллекции Питирима Сорокина в Саскачеванском университете (Канада)

3 Campus Drive
University of Saskatchewan
Saskatoon, Saskatchewan
Canada S7N 5A4
URL: http://library2.usask.ca/sorokin/Credits

EDITORIAL

Nadia A. Asheulova

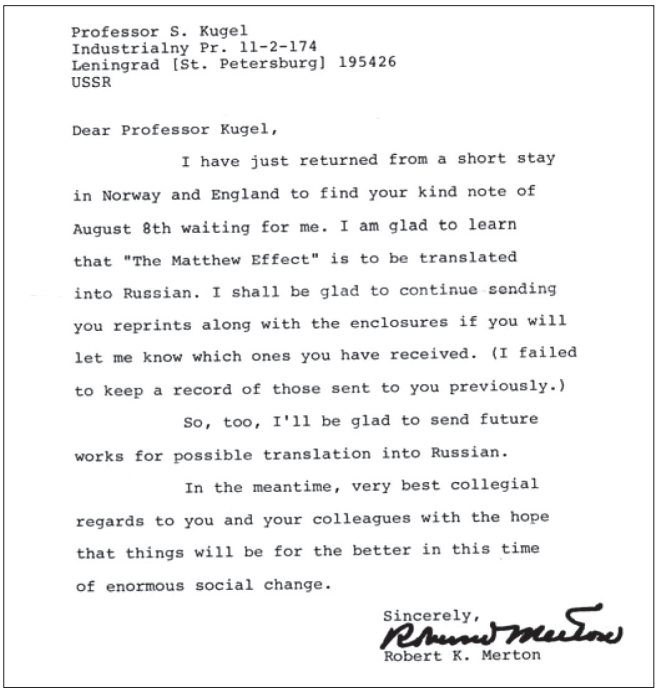
Director of the Centre for Sociology of Science and Science Studies,
St Petersburg Branch of the Institute for the History
of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, St Petersburg;
e-mail: simar@bk.ru

Robert K. Merton and the Russian Sociology of Science

The 100th anniversary of Robert Merton's birth was celebrated in July 2010. He was one of the leading sociologists of the 20th century. In honor of this event, **the Center for Sociology of Science and Science Studies, Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences** together with **the Research Committee on the Sociology of Science and Technology RC23 of the International Sociological Association** prepared a special issue of the journal "Sociology of Science and Technology". It was not only this date that made us look at Robert Merton, but also the fact that his name was so closely connected with emergence and legitimization of the academic subfield sociology of science. Merton was one of the founders and the first president of RC23. One should not neglect the fact that Russian sociology of science started to actively absorb Merton's ideas in the 1960s and that many of the Soviet scientific elite maintained friendly and professional contacts with this eminent scholar. Merton became an important personality for Soviet sociology.

Robert Merton's main biographical facts are available in standard textbooks. His upbringing and professional formation were connected with the Russian empire: his father was an immigrant from Ukraine. He was born Meyer Schkolnick and only later he changed his name to Merton:

> And so, just as Ehrich Weiss, the son of Rabbi Mayer Samuel Weiss had become Harry Houdini, naming himself after the celebrated French magician, Robert Houdin, the 14-year-old Meyer R. Schkolnick fleetingly became Robert K. Merlin, after the far more celebrated magician of Arthurian legend. Merlin, in turn, soon became Merton when my mentor Hop gently observed that Merlin was a bit hackneyed. By the time I arrived at Temple College, my close friends were more often than not calling me Bob Merton and I did not discourage them. I rather liked the sound of it, no doubt because it seemed "more American" back then in the 1920s. With the warm consent of my devoted Americanizing



Professor S. Kugel
Industrialny Pr. 11-2-174
Leningrad [St. Petersburg] 195426
USSR

Dear Professor Kugel,

I have just returned from a short stay in Norway and England to find your kind note of August 8th waiting for me. I am glad to learn that "The Matthew Effect" is to be translated into Russian. I shall be glad to continue sending you reprints along with the enclosures if you will let me know which ones you have received. (I failed to keep a record of those sent to you previously.)

So, too, I'll be glad to send future works for possible translation into Russian.

In the meantime, very best collegial regards to you and your colleagues with the hope that things will be for the better in this time of enormous social change.

Sincerely,
Robert K. Merton

R. Merton's letter to Professor S. A. Kugel

mother — she attended night school far more religiously than the synagogue — and the bland agreement of my rather uninterested father, this was followed by the legal transformation of my name some 65 years ago[1].

He started his sociological career under the guidance of George E. Simpson. An encounter with Pitirim A. Sorokin decided largely his fate: R. K. Merton worked as a research assistant to Sorokin at Harvard. These are his recollections from a biographical lecture delivered on April 28, 1994 at the annual meeting of the American Council of Learned Societies:

Taking his assistant in hand, George Simpson also saw to it that I would see and hear key figures at an annual meeting of the American Sociological Society. There I met Pitirim Alexandrovich Sorokin, the founding chairman of the Department of Sociology then being tardily established at Harvard. That too proved to be a consequential encounter. For I would surely not have dared apply for graduate study at Harvard had Sorokin not encouraged me to do so. After all, my college advisers had warned me that Temple was still not fully accredited. To which I replied, rather ineptly, that it was the scholar Sorokin, not the institution Harvard, that mattered most to me. For, as a rather arrogant undergraduate, I had brought myself to believe — not entirely without

[1] A Life of Learning by Robert K. Merton. Charles Homer Haskins Lecture for 1994 // ACLS Occasional paper. № 25. URL: http://www.acls.org/Publications/OP/Haskins/1994_RobertK-Merton.pdf

> foundation — that I knew just about everything American sociology had to offer in the late 1920s, although I had to confess to having only peripheral knowledge of the older and, to me, more evocative European traditions of sociological thought. Sorokin had recently published his Contemporary Sociological Theories, a wideranging, contentious overview of, in the main, European sociology, and plainly he was the teacher I was looking for. Moreover, it was evident that Sorokin was not your ordinary academic sociologist. Imprisoned three times by czarists and then three times by the Bolsheviks, he had been secretary to Alexandr Kerensky, the Socialist Revolutionary Prime Minister of Russia, and had had a death sentence commuted into exile by the normally unsparing Lenin. That too was bound to matter to me since, like many another Temple College student during the Great Depression, I was a dedicated socialist. In the event, I did nervously apply to Harvard, did receive a scholarship there, and soon found myself embarked on a new phase in a life of learning[1].

He taught at Harvard until 1938. He joined the academic guards of Columbia University in 1941 and sustained his relationship with it until his last years.

P. A. Sorokin's role in R. Merton's intellectual development is well known. It is also known that the famous pupil felt deep respect and veneration for his not less distinguished mentor. In the 1920s to 1930s he was interested in Soviet science. A German woman scholar provides evidence that he had read, in translation, works by Bukharin, Hessen and Rainov. «I asked him to explain me what works in the Soviet period of development of the sociology of science (Bukharin, Hessen, Rainov) he knew and whether some forms of communication existed. His answer was very kind: "As it happens, I never met or corresponded with any of them." And further: "I knew Bukharin`s Historical Materialism in its English translation, of course, and his later introductory essay to "Science at the Crossroads (1932). Checking my reference to B in my 1945 "paradigm for the sociology of knowledge" I find myself referring to "the questionable thesis" "only proletarian [social] science has valid insight into certain aspects of social reality." And of course, like my colleagues, I was disturbed — rather, outraged — by his execution after Stalin`s notorious purge trials"»[2].

Robert Merton's impact on the formation of Soviet and post-Soviet sociology in Russia was great. It would not be an exaggeration to call Merton the key personality for Russian sociology in the second half of the 20th century. Beginning from the 1960s, Soviet sociologists started to intensively explore Merton's writings. Soviet sociology came to vigorously use structural functionalism as an explanatory theory, despite Marx' dominant concept that had been pre-determined ideologically.

Books by the American sociologist were read in English; they were brought into Russia from professional trips abroad, handed over in typewritten copies, and gradually Merton's works came to be translated and published in the USSR.

When preparing this issue the editors' principal task was to show R. K. Merton's ties with Soviet/Russian sociology that found their expression not only in the theoretical explication of his ideas by Russian sociologists, but also in networks of personal communications, those informal friendly contacts that had been established between classic American sociology and Russian scholars.

---

[1] A Life of Learning by Robert K. Merton...

[2] See the present issue of Journal: *Winkler R.-L.* Short Notes of the Sociologist of Science from the Former German Democratic Republic.

From left to right: N. V. Novikov, A. G. Zdravomyslov, G. V. Osipov, E. V. Osipova, R. Merton at the Sixth World Congress of Sociology in Évian, 1966[1]

In 1961 as a member of the American sociologists' delegation, R. Merton came to the USSR, delivered a lecture at the Philosophy Department of Leningrad University[2]. At the Sixth World Congress of Sociology in Évian the Soviet sociologists had meetings and discussions with R. Merton[3].

At different times R. Merton sustained close professional relationship with Russian sociologists: Yu. A. Zamoshkin, N. V. Motroshilova, A. G. Zdravomyslov, E. Z. Mirskaya, S. A. Kugel, N. E. Pokrovsky which found expression in regular and long-standing correspondence, exchange of books, articles and other materials[4].

---

[1] The photo copy presented by E. A. Zdravomyslova (from Prof. A. G. Zdravomyslov's archive).

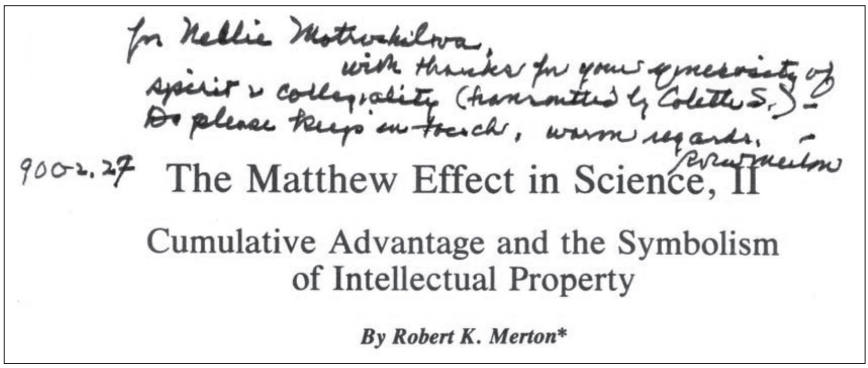
A. G. Zdravomyslov's description of the meeting R. Merton: "I met Merton for the second time at the Sixth World Congress of Sociology in Évian, 1966. T. Parsons and R. Merton invited G.V. Osipov and his wife, as well as N.V. Novikov and me for a dinner to a Swiss restaurant at the shore of Lake Geneva. I handed over this photo to the Community of professional sociologists. I met Merton for the third time in 1994, at his home in New York".

URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_06b.html

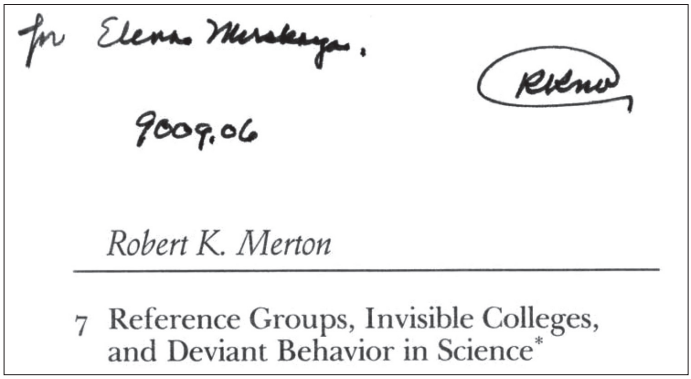
[2] A. G. Zdravomyslov: «Sociology as creed of life» // International Biography and History of Russian Sociology Projects feature interviews and autobiographical materials collected from scholars who participated in the intellectual movements spurred by the Nikita Khrushchev's liberalization campaign. The materials are posted as they become available, in the language of the original, with the translations planned for the future. Dr. Boris Doktorov, Dmitri Shalin are editing the projects. URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_06b.html

[3] See the present issue: *Yadov V. A.* How Galina Andreeva and I got into public discussion with Robert Merton; *Kon I. S.* Remembering Robert Merton.

[4] Professional sociologists' community. URL: *www.sociolog.net/inmemoriam.html*



R. Merton's commemorative inscription to Professor N. V. Motroshilova



R. Merton's commemorative inscription to Professor E. Z. Mirskaya

It would not be an exaggeration to say that the whole 1960s generation of Russian sociologists were brought up "on Merton".

No doubt, R. Merton remains a well-respected personality both in Russian and global sociologist communities. The interest in his activity does not weaken. It is not easy to encompass all works that have been published after the great sociologist's death that are related somehow to his legacy. One of *the Social Studies of Science*[1] issues was dedicated to R. Merton which included a comprehensive bibliography of the American sociologist. Robert Merton's archive, handed over in 2006 by H. Zuckerman to the library of Columbia University, is a rich vein for scholars of intellectual history and social life in the 20th century[2]. In 2010 Craig Calhoun, the President of the Social Science Research Council, gathering together twelve major sociologists, published the new book "Robert K. Merton: Sociology of Science and Sociology as Science"[3].

[1] Social Studies of Science. December 2004; 34 (6). URL:http://sss.sagepub.com/content/34/6.toc

[2] Papers of Robert K. Merton, Pioneer in American Sociology. Donated to Columbia's Rare Book & Manuscript Library in Columbia University Libraries. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/

[3] Robert K. Merton: Sociology of Science and Sociology as Science (2010) / ed. by Craig Calhoun. Columbia University Press/SSRC. URL: http://cup.columbia.edu/book/978-0-231-15112-2/robert-k-merton

R. Merton's name is connected with many directions in sociological research, but first of all it became the eponym for sociology of science, because the phrase the "Mertonian sociology of science" became widely accepted by the scientific community. That crucial role the American sociologist played in the institualization of this sociological field should be especially highlighted. In 1966, R. Merton became founder, organizer and the first President of The Research Committee on the Sociology of Science and Technology RC23 (International Sociological Association) until 1974. Merton's activity at this post was in many ways decisive for theoretical and institutional development of the sociology of science worldwide.

Russian sociology has been re-entering the global sociologists' community slowly and not without difficulties. Sociologists take part in international sociology events: congresses, conferences, projects, as well as in organizations. Working in the RC23 of the International Sociological Association is an important part of this process. Among Russian sociologists, a special honor on this Committee was conferred in different years to members of the Leningrad/St. Petersburg sociological school, who were selected as Board Members of RC23: S. A. Kugel and N. A. Asheulova. These two scholars have now been consecutively directors of the Center for Sociology of Science and Science Studies Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences.

The editors hope that this issue will supplement the image of this distinguished sociologist that the scientific community has already created. Diversity of research perspectives and theoretical approaches of this issue's contributors will enable a comprehensive picture of how R. Merton's ideas have been assimilated in the Soviet-Russian sociology of science. We are sincerely grateful to all colleagues who participated in the publication of this issue and to those who helped prepare it.

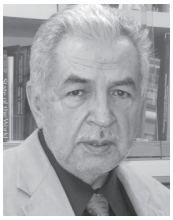
The editors thank Pavel Petrovich Krotov, (PhD, Philosophy, University of Wisconsin), curator of Pitirim Sorokin's family heritage, for possibility of publishing the original letters[1].

[1] The original letters are kept in The Pitirim A. Sorokin Collection, the Special Collections Department at the University of Saskatchewan Library, Canada:

3 Campus Drive
University of Saskatchewan
Saskatoon, Saskatchewan
Canada S7N 5A4
URL: http://library2.usask.ca/sorokin/Credits

Jaime Jiménez

Proffessor, Autonomous National University of Mexico, Mexico City,
President of the International Sociological Association (ISA),
Research Committee 23 (RC23), 2002–2010;
jjimen@servidor.unam.mx



Robert K. Merton and the Research Committee on Sociology of Science and Technology 23 (RC23) of the International Sociological Association (ISA)

Robert K. Merton is best known for founding the sociology of science and for his theoretical work analyzing social structures, particularly the intended and unintended consequences of social action. Merton became the first sociologist to receive the National Medal of Science, the USA highest scientific honor, in 1994.

By concentrating on "middle range" theory — rather than grand scale or abstract speculation- Merton established concepts that reached into everyday life. He coined the phrase "self-fulfilling prophecy," developed the idea of role models and created, with his colleagues, the "focused interview" that was used in "focus groups" — a distortion of Merton's intention.

In 1942, Merton gained much attention when he described the "ethos of science," and the consequences of these values for the behavior of scientists within institutional settings. He portrayed scientists as individuals who had regular motivations, desires and fears, thus offering insight into some of the most elusive and creative minds the world has known.

Merton's work had consequences beyond the academia, including his study of successfully integrated communities, which helped shape the case of "Brown vs. Board of Education," and led to the Supreme Court's ruling to desegregate public schools, in USA.

During Merton's life, a comment was made that if a Nobel Prize was awarded for sociology, he would have received it without question. Merton changed his name at the age of 14 from Meyer R. Schkolnick to Robert Merlin. However he was convinced by his peers that the name was a bit too unimaginative, and changed it finally to Merton.

The author, co-author and editor of more than 20 books and 200 scholarly articles, Merton is probably best known for his work *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*, and for *the Matthew effect* applied to the world of science and technology. *The Matthew* effect (or accumulated advantage) is the phenomenon where "the rich get richer and the poor get poorer". Those who possess power and economic or social capital can leverage those resources to gain more power or capital. The term was first coined by

Merton in 1968 and takes its name from a line in the biblical Gospel of Matthew: *For to all those who have, more will be given, and they will have in abundance; but from those who have nothing, even what they have will be taken away.* Matthew 25: 29.

Merton was the co-founder with J. Ben-David, and first President of the International Sociological Association (ISA), Research Committee 23 (RC23): Sociology of Science and Technology, in 1966. By then he had released most of his innovative concepts concerning S&T. Most probably, *the Matthew effect* was the result of his observations while serving as President of RC23. He continued in the presidency of RC23 until 1974, being the pioneer of such fructiferous section of ISA.

РОБЕРТ МЕРТОН И НАУКА XX ВЕКА

Мирская Елена Зиновьевна

доктор социологических наук,
заведующая сектором социологии науки
Учреждения Российской академии наук Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Россия;
elena-mirskaya@mail.ru

Человек в науке: социологические дискуссии XX века[1]

Когда в год столетия со дня рождения Р. К. Мертона в журнале по социологии науки появляется статья «Человек науки», то естественно, большая часть читателей предполагают, что статья эта о Роберте Кинге Мертоне – о его жизни и научных достижениях.
Автор же хочет рассмотреть не одного выдающегося человека, а феномен ученого: как он «делает науку»? в чем его функция в системе науки, в механизме порождения нового знания? Конечно, без обсуждения точки зрения и мнений Р. К. Мертона здесь не обойтись – ведь он *первым* поставил эти вопросы и дал на них свой вариант ответов. Но все-таки статья будет не о нем, а вообще о *человеке науки* и его специфической деятельности, точнее – об их моделях.

Ключевые слова: наука, научное знание, научное сообщество, профессиональная деятельность ученых, этос науки, Р. Мертон, нормы и модели, традиции и новации.

Вместо введения

Науку «делают» ученые. Кто же эти люди, создающие научное знание? В чем видят они свою цель, к чему стремятся? Что ими движет, что их волнует? Соответствуют ли существующие о них представления жизненным реалиям? Остаются ли неизменными их характерные черты?

Задача статьи состоит в том, чтобы хотя бы отчасти осветить эти вопросы. Однако заранее оговорим, что поскольку данное исследование не является эмпирическим, его предметом будет не сам феномен — реальные, «живые» ученые, а те представления о них, которые существуют в литературе. В таких случаях, когда феномен изучается через чью-то рефлексию, анализу должны быть подвергнуты не только

[1] Текст статьи подготовлен в рамках проекта «Традиции и новации в современной науке», поддерживаемого грантом РГНФ № 09-03-00132а.

сведения по данному вопросу, накопленные нашими предшественниками, но и те точки зрения, которые могли определить характер этих сведений. Так, если некоторый предмет возможно увидеть только отраженным в зеркалах, то необходимо попытаться отметить те искажения, которые возникают из-за кривизны стекол. Еще лучше — узнать и оценить искривляющую способность зеркала заранее.

Место и роль ученого в науке — анализ точек зрения

Изучение научной деятельности и ее субъекта — магистральное направление социальных исследований науки, поскольку определенные формы деятельности, поведение людей в науке являются и условием функционирования данного социального института, и его порождением.

Сам ученый как деятель (личность, конечно, сформированная социально) есть и «следствие», и «причина» развития науки — «следствие» предшествующего развития и «причина» последующего. Только через это единство, постоянно имея его в виду и ни в коем случае не разделяя на составные части, можно понять, как через деятельность ученых осуществляется развитие научного знания, как возникает новое научное знание, которое, с одной стороны, определяется объектом и предыдущим научным знанием, а с другой — отвечает потребностям общественной практики.

В исследовании проблемы «человек в науке» можно выделить три этапа, характеризующиеся разными подходами, которые, в свою очередь, связаны с динамикой самой науки.

Почти до середины XX века господствовало представление об ученом-творце, и первый этап исследований этой проблематики был связан с попыткой понять деятельность в науке — научное творчество через *специфику творческой личности* вне ее каких бы то ни было социальных связей. Личность ученого рассматривалась исключительно как психологическая индивидуальность и в таком качестве оказывалась *причиной* (и только причиной!) всех событий в процессе научной деятельности. Однако как только эти исследования стали более-менее систематическими, выяснилось, что при таком подходе нельзя установить каузальные связи, невозможно ответить на вопрос, почему ученый обладает таким, а не другим набором качеств, почему он интересуется этими, а не иными проблемами, руководствуется именно данными мотивами и т. д. Описание не обеспечивало понимания. Стало ясно, что понимание ученого как деятеля науки не может быть достигнуто путем рассмотрения отдельных конкретных лиц.

Поиск источника устойчивых закономерностей в научной деятельности привел к рассмотрению *научного сообщества*. Действительно, ученый осуществляет свой труд непременно как член научного общества. Те разнообразные отношения, в которые он при этом входит, очень существенны для него и в то же время весьма устойчивы: члены научного сообщества сменяются, а характерные для него формы социального взаимодействия сохраняются. По-видимому, чтобы понять человека в науке, надо проанализировать отношения, связывающие людей в их деятельности, и механизмы, составляющие основу развития этой сферы. Тогда феномены, обусловленные, на первый взгляд, только личностью ученого (и притом случайным образом), выступят как проявление необходимых условий функционирования науки.

Такой подход оказался характерным для второго этапа изучения человека в науке (60-е годы XX века), немалые достижения которого принадлежат в основном американской социологии. Однако сформировавшаяся здесь социологическая парадигма в итоге оказалась слишком жесткой и односторонней. Р. К. Мертон и его школа сделали предметом изучения именно *деятельность в социальном институте науки*: по каким правилам действуют люди; какими нормами они руководствуются; какие роли выполняют; чем стимулируются (система ценностей и наград); в какие объективные структуры (стратификации, коммуникации) включены. В данной концепции научное знание не подлежало социологическому исследованию, так в этой модели содержание знания развертывается по собственной логике.

Такая точка зрения вела к представлению, что наука идет вперед, следуя неким своим законам движения, независимым от людей, которые своей повседневной деятельностью это движение осуществляют. Готовя людей на предусмотренные им роли, формируя необходимым образом их интеллект и интересы, развивая определенные способности (или подбирая свой контингент по наличию таких способностей), самоорганизующаяся и саморегулирующаяся наука — по мнению сторонников таких представлений — обеспечивает и всегда будет обеспечивать свое непрерывное и оптимальное функционирование.

Ясно, что при такой абсолютизации объективной детерминации всех процессов в науке, при акцентировании в научной деятельности автоматического взаимодействия безличных сил социальной системы науки ученый оказывался *следствием* и только следствием этой системы. Результатом развития этого типа представлений о человеке науки явилась «утрата человека»: встроенный в систему механизмов науки ученый оказался в принципе лишен своей основной формы существования — творческой самодеятельности. Рассматривая ученого как «винтик» (или даже более существенную деталь) надежно отлаженной системы науки, функционалистски ориентированные исследователи науки фактически зачеркнули вторую сторону неразрывного единства, характеризующего человека: детерминированный общественным бытием, он в то же время является активной силой, порождающей и изменяющей это бытие. Без творческой активности человек не является человеком в полном смысле этого слова.

В 1970-е годы в представлениях о науке произошли существенные изменения, в основе которых лежало новое понимание характера научного знания. Т. Кун обратил внимание исследователей науки на то, что в разных парадигмах ученые «видят по-разному», и тем подчеркнул релятивность научного знания, которое теперь стали понимать, в основном, как элемент сознания профессиональной группы. Начались попытки включить в социологический анализ и содержание научного знания. В результате этого возникла *социология научного знания*, а с нею и совершенно иное понимание роли субъекта в научном познании.

Позитивистски ориентированная мертоновская социология науки, полностью исключавшая из научного знания влияние субъекта, была подвергнута критике с позиций «интерпретивной социологии», которая на первое место ставила субъект познания. Для интерпретивной социологии в науке нет никаких объективно существующих структур — ничего, кроме взаимодействующих ученых. Их поступки, мотивы, ориентации первичны, а структурирование социальных событий производится ими самими в повседневной совместной деятельности. Понятно, что такие представления потребовали принципиально иных эмпирических исследований деятельности ученых: подробных наблюдений за течением повседневной работы в

группе или лаборатории, детальной фиксации всех обсуждений, дискуссий, процесса выработки общей точки зрения и т. п.

В это время широко распространилась *интерпретивная социология науки* — вариант «понимающей социологии» (verstehende Soziologie), которая стремилась рассматривать человека как активную силу и сделала автономию человека относительно социальных структур одной из своих основных теоретических посылок. Однако ни та, ни другая сторона не смогли удержаться от абсолютизации своих рациональных интенций: одни абсолютизировали значимость активной роли субъекта в науке или вообще в социальной жизни, а другие продолжали придерживаться чисто объективистского подхода, который они противопоставили субъективистскому.

Ученый вновь принят за *причину* всех событий в науке, но теперь рассматривается не как психологическая индивидуальность, а как член социально функционирующей научной группы. Тем самым сделана попытка учесть его зависимость от разнообразных социальных воздействий и от принятой к текущему моменту системы научного знания. Но здесь возникает другой «перегиб»: ученого принимают за *единственную* «причину», которая определяет содержание научного знания. Такое понимание роли ученого опиралось на ставшую в то время популярной релятивистски-конструктивистскую концепцию научного знания, которая создавала возможность исследовать социальную обусловленность знания, но снимала вопрос о его объективной истинности.

Даже беглый аналитический обзор развития представлений о человеке в науке показывает, насколько тесно связаны они с пониманием сущности научной деятельности и характера научного знания — то есть с фундаментальными методологическими установками. Однако три подхода и, соответственно, три «образа» человека науки были прослежены здесь не ради этого вывода. Дело в том, что каждый из них отражает какой-то реально существующий срез, аспект проблемы. Можно сказать, что мы увидели *человека науки в трех зеркалах*: с позиции психологического подхода[1], с позиции нормативной социологии науки и с позиции интерпретивной социологии науки. Конечно, мы не рассмотрели его детально, а только зафиксировали главные линии каждого силуэта.

Человек в науке — очень многогранный феномен, и может быть, удачнее сравнить его со сложной многоцветной картиной. Каждый подход создает как бы монохроматическое освещение, и тогда одна и та же картина выступает как иной вариант изображения. К тому же и сама картина не остается неизменной: меняющиеся условия оказывают воздействие и на характер научной деятельности, и на ее субъекта — значимость одних черт убывает, других, напротив, возрастает. Поэтому возникновение каждого подхода исторически не случайно: лишь на первый взгляд изменение рефлексии может показаться ее естественным саморазвитием, в действительности же оно связано и с социально обусловленной эволюцией самого феномена.

Конечно, развитие исследований ведет к прогрессу в понимании самой проблемы: в рассмотрение вовлекаются все новые факторы[2], влияющие на деятельность

---

[1] Это название условно: оно относится к определенному периоду времени и не означает, что подход опирается на исследования психологов научного творчества.

[2] Факторы могут быть и «объективно новые» — ранее не существовавшие или несущественные, и «субъективно новые» — ранее существовавшие, но не «высвеченные» прежним подходом.

человека науки и определяющие его суть. Но хочется подчеркнуть, что в каждом изображении была своя доля истинности и поэтому от каждого из них остается «работающая часть» — они сосуществуют, влияют друг на друга и на реальную деятельность ученых. Анализ всех вопросов о человеке науки должен строиться с учетом этого вывода, тем более что в некоторых случаях вполне возможно интегрировать рассмотренные подходы как взаимодополняющие.

Эволюция стереотипа ученого: образ и действительность

Первой дисциплиной, которая начала собирать данные о развитии научного знания, была история науки. С ее позиций, процесс развития науки теснейшим образом связан с деятельностью тех конкретных ученых, которые его осуществляли. «История химии — это история химиков», говорил выдающийся немецкий химик XIX века Фридрих Кекуле. Поэтому естественно, что в течение длительного времени именно история науки формировала образ человека науки, опираясь в существенной части на сведения, исходившие от самих творцов науки (мемуары крупных ученых, их высказывания о себе и коллегах, представления о конкретных творческих процессах и т. п.).

На основе подобных материалов, как «побочный продукт», постепенно выявилась *традиционная* (или *классическая)* модель ученого и его деятельности. Она сформировалась к началу XX столетия, но в определенной степени сохраняется до сих пор. На первый взгляд ее основание — обобщение тех свидетельств, которые оставлены самими учеными, — представляется надежным: кто же лучше знает, как протекает деятельность ученого, чем он сам? Однако для понимания истинной ценности модели необходимо учесть все следствия ее «историко-научного происхождения».

Для истории науки ученым является тот человек, чье имя зафиксировано в какой-либо науке, следовательно, тот человек, который внес в свою науку нечто новое (что зачастую «заверено» включением его имени в научное знание). Для истории науки ученый — непременно творец, а его деятельность — научное творчество. Существовавший взгляд на ученого как выдающуюся личность, ставшую таковой благодаря своим исключительным внутренним качествам, заставлял искать основу этой экстраординарности только в нем самом или, в крайнем случае, его ближайшем окружении. Научное знание воспринималось как простая сумма личных вкладов.

Отсюда понятно, что даже в тех работах, в которых творческая личность исследовалась в социальном контексте, влияние социальных факторов рассматривалось или слишком узко (как влияние семьи, школы), или «внешним образом» (участие в общественно-политических движениях, борьбе идеологических сил и т. д.) по отношению к научной деятельности ученого, а потому социальная среда неизбежно выступала лишь *фоном* профессиональной деятельности индивида. Таким образом, для «классической» модели характерно сосредоточение интереса на *личности* ученого без выяснения всесторонних (непосредственных и опосредованных) связей его научной деятельности с социальной средой. В соответствии с таким подходом, основным текстом подобных исследований являются историко-научные материалы. Методы их обработки можно назвать качественно-биографическим и статистико-биографическим.

Качественно-биографический метод состоит в исследовании имеющихся в архивах науки материалов, касающихся жизни ученых прошлого. При этом из указанного материала извлекаются отдельные фактические данные, по которым затем строится целостная концепция[1]. Объективность результатов таких исследований не может оказаться безупречной по двум причинам: во-первых, уже в изучаемом источнике, поскольку он является «рукотворным» документом, неизбежно влияние субъективного подхода его автора; во-вторых, для самого исследователя практически невозможно подходить к изучаемому материалу без предвзятой идеи, а особенно к материалу, в котором приходится читать между строк. Оперирующая данными самосознания ученых, традиционная модель не может дать объективного описания ни научной деятельности в целом, ни даже процесса научного творчества: в нее неизбежно проникает *научная мифология*.

Дело в том, что ученые не могут предоставить действительных «свидетельских показаний» о самом процессе творчества. Этот процесс характеризуется, прежде всего, поглощенностью объектом, полной «погруженностью» в него, что связано с забвением всего остального вплоть до собственной личности. Сознание в этом процессе действует как целое, что исключает возможность самоконтроля.

Иногда ученые не хотят оставлять «свидетельских показаний» о том, как в действительности протекал творческий процесс. Гельмгольц отмечал, что ученые обычно показывают «царственную дорогу» открытия, обнаружившуюся после получения нового результата, а не те реальные тропы, по которым они «карабкались в поисках нового, тропы, отмеченные муками их мысли». С одной стороны, такова традиция естественных наук, в которых ценят лишь результат, а не путь к нему. С другой стороны, это вопрос престижа у широкой публики: необъяснимый комплекс свойств творческой личности выглядит куда эффектнее, чем рутинная исследовательская работа.

Это отмечали многие исследователи научной деятельности. Например, Роберт Мертон писал: «Считая, что наука олицетворяет главные ценности мировой цивилизации, ученых возносят на пьедесталы (где они — по крайней мере, величайшие из них — не имеют никакого желания находиться). Людей науки изображают *сверх*людьми, лишенными страстей, отношений и социальных связей. У них отнимают обычные человеческие качества, доводя порой идеализацию образа ученого до идолизации. В эти процессы искажения, длившиеся веками, большой вклад внесли благочестивые биографы, которые неизменно переделывали великих людей науки в чудовищ совершенства» (Merton, 1965: 114). В результате люди науки, которые ищут истину и пытаются показать вещи такими, каковы они в действительности, отделить факт от фикции, сами оказываются укутаны в покровы мистики и мифа в глазах общественного мнения (Eiduson, 1962: 3).

В рамках классической модели ученый — непременно творец, а его деятельность — научное творчество. Высшие ценности — Истина и Творчество, основной мотив — постижение истины и стремление быть творцом, социальная ориентация — Истина, несмотря ни на что, и, быть может, даже вопреки всему. Этот *образ ученого-творца*, занимающегося научным творчеством вне связи с функциониро-

[1] Статистико-биографический метод не отличается принципиально от предыдущего, но частично преодолевает его качественный характер путем использования достаточно обширного исходного материала, который допускает статистическую обработку.

ванием науки как социального института, в значительной мере сформировался и закрепился за счет научной мифологии. Является ли он изображением реальности хотя бы для времени так называемой «малой науки», когда ученые действовали в основном как одиночки? Действительно ли такова была фигура ученого? Конечно, традиционная модель в какой-то мере отражала существовавший феномен, но главное — она воплощала в себе *требования* науки: тот эталон деятеля, который ей (науке) нужен.

Характерной особенностью науки является «запрет на плагиат»: все, что создается, должно непременно отличаться от уже накопленного, и потому для ее существования необходимо *творчество.* Естественно, что ее система норм и ценностей построена таким образом, чтобы сосредоточить на творчестве все внимание. Такова роль эпонимической традиции[1], таковы социальные истоки приоритетных конфликтов, такова же направленность и традиционной модели. Нельзя сказать, что ученые полностью мотивируются стремлением быть творцами или даже, что все они хоть отчасти имеют подобный мотив. Понятно, что это далеко от реальности, но это — *научный идеал*, и нормативная структура науки строилась с ориентацией именно на этот идеал, а не на описание эмпирической реальности.

Производя с помощью действующих ученых новые знания, наука в процессе получения знаний «производит» и новых ученых. Традиционная модель — образец, который должен принять и освоить новый ученый, образцом, через который передается ритуал научной деятельности или, в более современных терминах, «профессиограмма» ученого. Поэтому ее наиболее существенная роль — роль аксиологического ориентира в процессе образования ученого, а не феноменологическое описание научного творчества.

Переход к «большой науке», совершившийся после Второй мировой войны, те изменения, которые произошли как внутри самой науки, так и в ее взаимосвязях с производством и обществом в целом, не могли не повлечь за собой изменения характера труда в науке, и, следовательно, субъекта труда — ученого. В новых условиях функционирования науки, когда влияние социальных факторов стало крайне существенным (а нередко даже решающим), традиционная модель, построенная как раз без учета этих факторов, оказалась совершенно непригодной для описания как современного ученого, так и его деятельности. Новые условия выдвинули на передний план проблемы деятельности в научных коллективах. Интерес к *Личности* показался анахронизмом: в гигантском механизме «большой науки» любой ученый выглядел маленьким винтиком. Неудивительно, что проблема человека в науке стала исследоваться чисто социологически, причем в ключе нормативной социологии. Изменения, действительно, произошли радикальные. Вместо ученого-одиночки появился коллектив, трудовая деятельность которого полностью зависит от внешних инвестиций. Типичным ученым стал узкий специалист, работающий в профессиональной организации. По сравнению с ученым «малой науки» он оказался поставлен в совершенно новые условия, и это не могло не отразиться на его деятельности. Участие в организованных исследованиях наложило на большинство ученых сложную сеть обязанностей, которые ограничили их независимость в выборе проблемы, свободу следовать в работе по пути, подсказанному любознательностью и воображением. Противоречия между специфическими чертами, целями и инте-

[1] Традиция называть основные открытия именами совершающих их ученых.

ресами самого ученого и организации, в которой он работает, вели к изменению характера ученого, сдвигая его внутреннюю систему ценностей и, соответственно, ориентацию. Как же повлияло изменение аксиологической ориентации работников науки на их профессиональную эффективность? Рассмотрим этот вопрос.

Превращение науки в массовую сферу деятельности (1930–1950-е годы) выдвинуло на передний план проблемы организации науки, поиска новых институциональных форм ее существования и развития. Функционирование современной науки настолько сильно связано с финансированием, техническим оснащением, организацией, планированием и т. д., что сам вопрос о творческой личности естественным образом ушел на второй план. В ходе становления «большой науки» у лиц, ответственных за научную политику в западных странах, появилась даже иллюзия, что наука может быть эффективной без ярких индивидуальностей, за счет удачной организации, и что наука — это простая сумма аппаратуры, зданий, денег, научных программ и набора научных учреждений, в которых действует определенное количество научных работников, различающихся лишь должностями и размерами жалования. Однако уже в 1960 году С. Дедьер писал, что организаторы науки «на болезненном опыте и неизмеримых убытках убедились, что эта формула не согласуется с фактами, что в ней не учтено действие некоего скрытого параметра» (Dedijer, 1961: 2052). Эта неучтенная сила — личность творца, эффективность которой неоднозначно определяется накопленным запасом знаний и обеспеченностью материальной базы исследований. Для успешной работы в науке недостаточно соответствующего образования, аппаратуры, зарплаты — человеку необходимо быть ориентированным на *научные* ценности, на продвижение и на признание в науке.

В тот период было принято (особенно в американской социологии науки) разделять научных работников по различиям в ориентации на два типа: «специалист» и «институционалист». «Специалист» ищет одобрения как можно большего круга равных себе представителей своей профессии, где бы они ни работали; «институционалист» ищет поощрений только внутри локальной организации, института. Исследования показали, что людям, работающим в современной науке, присуща и та, и другая ориентация: первая — как традиционная, вторая — как следствие новых форм организации науки. Но истинно научной деятельности соответствует ориентация «специалиста». Более того, если одновременно у научного работника с достаточно четкой ориентацией «специалиста» заметно проявлялась и институциональная ориентация, то высокого уровня научной деятельности не отмечалось.

Оказалось, что для успехов в науке человеку необходимо *чувствовать себя ученым,* обладать *самосознанием ученого,* то есть в определенной мере относить к себе тот образец, который содержится в традиционной модели и в свое время был воспринят им как эталон. В этом плане можно сказать, что традиционная ориентация играет роль своеобразного «охранного механизма»: в том многообразии ролей, которые приходится играть современному работнику науки, она сохраняет его как ученого.

Проявившаяся зависимость профессиональной эффективности ученого от меры его ориентированности именно на научный успех привела в науке 1960–1970-х годов к парадоксальному результату. Получилось, что наиболее «удобные» для организации работники, отождествляющие свои интересы с ее интересами, оказались для нее наименее ценными. «Специалистам» же важны не интересы организации,

а только те возможности, которые она им предоставляет, но их высокая «пронаучная» мотивация обеспечивает значительную профессиональную продуктивность.

Итак, личная научная эффективность ученого зависит не просто от уровня мотивации, но и от ее «направленности»: от степени ориентированности на науку. Поэтому для функционирования современной науки столь важно стимулирование именно *научной* мотивации ученого, введение системы поощрений, повышающей удельный вес *профессиональных* ценностей.

Здесь, конечно, могут напомнить мнение А. Эйнштейна (Эйнштейн, 1967: 39), что большую часть науки построили люди, работавшие ради удовлетворения собственного честолюбия или ради денег; то есть компетентное свидетельство того, что эти не слишком привлекательные с этической точки зрения мотивы имели достаточно высокий «коэффициент полезного действия». Не вдаваясь пока в обсуждение того, насколько свойственны эти мотивы сегодняшнему научному сообществу, можно с уверенностью утверждать, что они присущи и современным ученым. Может быть, проще и эффективнее стимулировать эти мотивы?!

Дело в том, что форма организации научной деятельности, возникшая в связи с переходом к «большой науке», резко снизила «КПД» этих мотивов по отношению к развитию научного знания. Раньше, в «малой науке», ученый мог достичь своей цели только через *научное* достижение: честолюбие удовлетворялось научным открытием — тем признанием, авторитетом, престижем, которые оно приносило с собой; деньги платили за полученный результат. В современных условиях удовлетворение честолюбивых наклонностей работника науки может осуществляться и через административную карьеру; деньги в основном даются не за достижение, а под ожидаемый результат коллективных исследований. Произошедшее снижение действенности «корыстных» мотивов оказалось не в пользу науки.

На чем могут основываться попытки усилить *про*научную ориентацию ученого? Первая возможность связана с тем фактом, что к ориентации «специалиста» более расположены люди, принадлежащие к профессии с высоким общественным престижем. Недаром западные социологи, анализируя причины поразительного для них прогресса советской науки в 60-х годах, с завистью отмечали невероятно высокий в то время престиж ученого в Советском Союзе, глубокое уважение общества к его труду (Rabinowitch, 1966: 17) и даже «героический ореол вокруг ученого». В настоящее время профессия ученого не относится к числу наиболее почитаемых видов деятельности. Достаточно длительное время во многих развитых странах общественность акцентировала антигуманные применения науки и опасность, исходящую от деятельности ученого. В постсоветских государствах в общественном сознании распространилось представление о бесполезности науки и ученых. Понятно, что подобное отношение к науке и ее представителям не способствует стремлению идентифицировать себя с профессией ученого и ориентироваться на ранее принятую в ней систему ценностей. Высокий статус ученых — залог успешной научной деятельности.

Другая возможность усилить ориентированность ученого на научные ценности связана с тем, что традиционная ориентация на науку определяется тоже традиционными представлениями и ожиданиями (острая увлеченность работой, получение новых знаний, глубокое внутреннее удовлетворение от своей деятельности и т. д.). Следует по возможности сохранять или даже вводить в организацию те факторы, которые выглядят для ученого атрибутами науки и нормами «истинно научной»

деятельности, создавая у него впечатление, что никакие объективные причины не мешают ему идти путем творца.

Если ожидания ученого не выполняются, если реальные условия в организации далеки от его представлений, возникает неудовлетворенность, «отчужденность» от своей работы (Miller, 1967). С возрастанием отчужденности обычно связано падение эффективности научного труда. Это снижение эффективности возникает в определенной мере как результат конфликта между *реальными условиями* работы ученого и тем *образом* научной деятельности, который существует в его сознании. Ликвидировать идеал нельзя — именно в зависимости от степени его реализации вступающий в науку становится или не становится ученым. Построить деятельность организации на таких началах, которые бы полностью соответствовали идеалам ученого, — тоже реально невозможно. Однако ситуация не является неразрешимой. Ряд исследований показал, что оптимальный для научной работы климат связан не с полным воплощением на практике условий, представляющихся желательными ученому, а с определенным (для каждого отдельного случая своим) уровнем организационной координации, уравновешивающей «свободу». Опыт российских академических институтов показал, что для большинства организаций существуют компромиссные варианты, которые, с одной стороны, удовлетворяют ученого, а с другой — не входят в противоречие с основными интересами организации.

Таким образом, деятельность людей в современной науке оказалась связанной с традиционной моделью научного творчества, и эта «асоциальная» модель в качестве существенного элемента самосознания ученых приобрела *социальное значение*. Однако она ни ранее, ни теперь не может служить основой для моделирования реальной научной деятельности.

Однако не могут ли составить основу новой модели те результаты, которые были получены в рамках третьего подхода, то есть интерпретивной социологией науки, развернувшей свои исследования в 80-х годах XX века? Для обоснованного ответа кратко напомним, как выглядит научная деятельность в интерпретивистской концепции.

С точки зрения социологов нового направления, научное сообщество представляет собой не единую структуру, а «гранулированную» среду. Все существенное для развития научного знания происходит вначале внутри «гранулы» — сплоченной научной группы, коллективно создающей новый элемент знания, а затем — в борьбе и компромиссах с другими аналогичными группами. Радикальные изменения претерпел и образ ученого: человек науки превратился в своего рода «двуликого Януса» с совершенно различным поведением в двух разных сферах действий — «узаконенной» и «ситуативной» (Collins, 1983)[1]. Прежние нормы научного сообщества исполняются учеными только в первой из них — сфере формальных коммуникаций (публикации, официальные доклады и т. п.), во всех остальных случаях люди науки отстаивают научные интересы своей группы, не соблюдая каких-либо универсальных правил, а используя любые реальные возможности. В интерпретивистской концепции научной деятельности возрождена ценность *творчества,* но она не просто возрождена, а превращена в доминанту, поставлена выше ценности истины: творчество ученого не ограничено требованием объективной истинности добываемого им научного знания.

[1] По терминологии Н. Коллинза, «конституционной» и «контингентной».

Этот схематический абрис картины научной деятельности и образа человека науки, какими они выявляются в интерпретивистских исследованиях функционирования науки, показывает, что подвергать их анализу для наших целей здесь нецелесообразно. По настоящее время остается неясным, являлись ли эти новые представления 1980-х годов следствием изменения самого рассматриваемого феномена или только точки зрения части социологов науки. В любом случае эти представления имели и имеют столь незначительный ареал распространения и поддержки, что нет оснований считать интерпретивистский образ ученого новым «стереотипом». Здесь нужна новая модель, основанная на комплексном подходе к изучению этих вопросов, но она складывается лишь постепенно, в ходе изучения актуальной жизни науки и ее тенденций.

Этические регулятивы научной деятельности

Продолжая выяснять механизмы, регулирующие поведение ученых, сохраним нашу исходную предпосылку, что ученые и «делают» науку, и «делаются» ею: определенные формы деятельности, определенное поведение людей науки являются и условием функционирования и его следствием. Также очень важно учесть, что наука создается не как «сумма» действий индивидуальных ученых, а как результат их взаимодействия, причем не только прямого, в совместном труде, но и опосредованного — в масштабах определенного научного сообщества или даже всего социального института науки. Без процессов взаимодействия, лишь через рассмотрение отдельных лиц, сколь бы представительной ни казалась статистика, понимания личности ученого достигнуть невозможно. Получаемые при таком исследовании характеристики неизбежно носят налет случайности и неустойчивости. Действительно, личности ученых сменяются, а формы социального взаимодействия в научном сообществе остаются (разумеется, не навечно, но на существенно более длительное время). Чтобы понять «конкретную личность», надо проанализировать *взаимоотношения,* связывающие людей в их деятельности, механизмы, составляющие основу развития этой сферы деятельности. Поскольку эти взаимосвязи проявляются в широком круге явлений научной жизни, их рассмотрение можно вести в различных аспектах. Нам представляется перспективным подойти к указанным вопросам с позиции этики науки, опираясь на анализ этических регуляторов научной деятельности.

Наука, как и любая сфера деятельности, предполагает определенные человеческие отношения, включающие в себя нравственный аспект. Ученые — живые люди из плоти и крови: они наделены всеми человеческими слабостями и страстями и вовлечены в сложные социальные отношения, в которых неизбежно оказывается каждый член общества. Занимаясь научным исследованием, ученый не может отбросить свои общечеловеческие качества, оценочные способности и установки. В результате в научную деятельность неизбежно вносятся этические проблемы, выбор решения которых зависит, с одной стороны, от тех обычных человеческих качеств ученого, которые он не может оставить за порогом лаборатории, а с другой стороны, — от того исторически сформировавшегося набора моральных стандартов, своеобразного «кодекса», который действует в научных кругах.

Как и другие социальные институты, наука имеет свой «кодекс» — свод принципов, правил и норм, которыми должны руководствоваться ученые, — исторически сложившийся *этос* науки[16]. Как и в других сферах жизни, в науке возникает немало конфликтов между реальным поведением ученых и тем, что требуется по нормам. Обсуждения вопросов этики большей частью посвящены случаям отклонения от предписанных правил, то есть нарушениям этоса. Однако гораздо продуктивнее рассмотреть его роль в формировании тех особенностей профессионального поведения, которые обеспечивают функционирование науки как социального института, то есть уделить основное внимание не нарушениям, а самим *нормам* как этическим регулятивам взаимоотношений внутри научного сообщества.

Нормы науки, понятие о которых ввел в социологию науки Р. Мертон (Merton, 1972) производны от цели и методов науки: все, что способствует развитию научного знания, утверждено как норма. Первая — принцип *универсализма,* утверждающий универсальную достоверность научного знания независимо от места совершения открытия и личных характеристик его автора. Норма *коллективизма,* предписывающая ученым немедленно передавать свои достижения в общее пользование, связана с тем, что знание растет пропорционально сумме уже имеющихся знаний и, если быстрее пополнять эту сумму, рост ускорится. Чтобы уравновесить действие второго императива и обеспечить качественность научных вкладов, вводится в действие норма *скептицизма,* обязывающая ученых постоянно уделять критическое внимание работам своих коллег. Все установленные предписания имеют силу, если сохраняется автономность науки, единственной целью которой признано получение и накопление истин. Норма *бескорыстности* ориентирует ученых в желательном направлении.

Нормы науки обязывают ученого к определенному поведению не только потому, что они эффективны в научных процедурах. В них верят не только как в методические, но и как в моральные рекомендации. Выраженные в них предписания предпочтения, запрещения, передаваемые наставлением и примером, а также подкрепленные санкциями, составляют «эталон» профессионального поведения. Как регуляторы поведения ученых, согласующие это поведение с потребностями социального института науки, они действительно должны быть первоочередными объектами анализа, причем более разностороннего, чем у Мертона.

Мертоновская концепция научного этоса господствовала безраздельно все 60-е годы XX века. Первые возражения появились с начала 1970-х годов. В это время наиболее распространенный вариант критики состоял в том, что оппоненты последовательно разбирали основные нормы научной деятельности и набором примеров показывали их несоответствие реальной практике ученых (Hagstrom, 1974; Mulkay, 1976; Rothman, 1972). Однако такая критика связана с непониманием сущности норм: нормы — это не статистически наблюдаемое поведение, а его «идеал»[27]. У. Хирш в свое время трактовал мертоновский набор императивов как «правила игры», которые наука устанавливает для тех, кто избрал эту сферу деятельности. Всегда находятся «игроки», которые пытаются не соблюдать правила, однако на

---

[1] В современной коллективной монографии «Этос науки» рассматриваются различные аспекты этого феномена (см. библиографию).

[2] В ходе изложения этоса науки Мертон сам привел множество примеров отхода ученых от норм.

достаточно длинной дистанции нарушители оказываются отстраненными от игры, а правила действуют по-прежнему (Hirsch, 1965: 29).

Более серьезное возражение Мертону состояло в том, что «провозглашаемые» им нормы не имеют никакой корреляции с подлинной научной деятельностью и вообще не служат образцами, по которым в реальных противоречивых ситуациях ученые выбирают свое поведение. «Это нормы, провозглашаемые для других в ситуациях прославления или оправдания, извинения или конфликта. Они (эти нормы) являются терминами идеологии, которая не обладает готовностью превратиться в рекомендации к определенному поведению» (Barnes, 1970: 13).

Действительно, серьезным недостатком мертоновской концепции научного этоса является оторванность нормативных и ценностных компонентов общественного сознания от реальной жизни общества. Какие обстоятельства действительной жизни стимулировали возникновение этих норм? В силу каких побуждений ученые поддерживают их, и какие движущие силы скрываются, в свою очередь, за этими побуждениями? Концепция Мертона не имеет ответа на этот вопрос, более того, в его системе и сам этот вопрос невозможен.

Мертон сформулировал свои императивы, опираясь преимущественно на интуицию и проверяя свои идеи на высказываниях ученых-естественников XVII–XIX веков. Основным недостатком его концепции является неизменность правил научной деятельности в ходе развития науки. Научный этос Мертона независим от изменений в жизни общества, и это исключает теоретическую возможность качественных изменений в науке как социальном институте; если же они все-таки наступают, то представляются как «противоестественные» и, соответственно, «угрожающие». Но поскольку изменение условий деятельности изменяет ценностные установки людей, то в действительности этические нормативы тоже обязательно меняются.

Формулируя нормы научного этоса, Р. Мертон исходил из вполне определенного «образа» науки как социального института. Положенная в основу его концепции наука — это автономное сообщество профессиональных ученых, занятых бескорыстными исследованиями. Образ этот был скопирован в основном с немецких университетов второй половины XIX века и потому близок только к одной из форм научной деятельности — профессиональной академической науке. Но «большая наука» XX века, в высшей степени зависимая от материальной поддержки общества, оправдывает себя через свои приложения и осуществляется в разнообразных организационных формах. Место ученого-одиночки в ней занимает коллектив, трудовая деятельность которого организована в зависимости от внешнего финансирования. На современного ученого участие в организованных исследованиях налагает двойную сетку обязанностей, так как на систему ценностей и норм, характерную для науки, накладывается еще система ценностей и норм, специфическая для организации.

Новые условия функционирования науки делают невозможным исполнение некоторых норм для широкого контингента работников науки. О какой «бескорыстности», независимости от вненаучных целей может идти речь для ученых, занятых прикладными исследованиями, которые предпринимаются специально для использования их результатов?! Огромные масштабы «закрытых» исследований с засекреченными результатами разрушают действенность нормы «коллективизма». Массовый характер современной науки усиливает конкурентный дух в

атмосфере сотрудничества-соперничества, внутренне присущей науке. Прежняя система этических норм науки может быть соотнесена (да и то с рядом оговорок) лишь с условиями научной деятельности в академических организациях, ведущих фундаментальные исследования, но отнюдь не со всеми современными организационными формами. Уже много лет назад стало ясно, что даже в чисто теоретическом плане «отношение к науке как к гомогенному институту, понимаемому (и описываемому) по образцу „чистых“ университетских исследований[18], должно придти к концу» (Barnes, 1970: 7).

За последние десятилетия накопилось большое количество литературы, посвященной фактам отступления от традиционных норм научного этоса. Позиции авторов были различны: от возмущенного морализирования в адрес «нарушителей» до объективного описания и поиска закономерностей в этих нарушениях.

Тем не менее «традиционный» (отраженный в мертоновской формулировке) научный этос продолжал (и продолжает — хотя и в меньшей степени) существовать в самосознании ученых. Разумеется, это набор провозглашаемых, а не статистически выполняемых норм — классический идеал поведения в науке. «Традиционный этос» в значительной мере смыкается с «традиционной моделью» ученого, рассмотренной в предыдущем разделе. Классический образ предполагал наличие у ученого всех ценимых в науке добродетелей и уж, естественно, следование этическим нормам. Цель и функции этих двух институциональных феноменов сходные, в целом почти одинаковые — поддерживать ту форму деятельности и тот вид исследований, которые максимально ориентированы на творчество и потому представляются «сердцевиной» науки; сохранить их — значит обеспечить «выживание» науки в изменяющихся условиях.

В этом плане научный этос мертоновского типа (независимо от степени его адекватности/неадекватности истинному положению вещей) является некоторым «охранным механизмом» для исследований (и, следовательно, для науки как системы знаний о мире). Возводя в «норму» правила, адекватные именно для этого вида исследований, он поддерживает престиж и привлекательность фундаментальных исследований в глазах новых поколений, вступающих в науку в условиях массового развертывания прикладных исследований. Однако его сохранение в самосознании ученых имеет и другую сторону: он создает конфликтную ситуацию и вызывает психологическую напряженность у ученых, вынужденных как-то совмещать требования, связанные с реальными условиями своей работы, и тот образец научной деятельности, который — закрепленный научным этосом, — существует в их сознании.

Здесь очень уместно сделать небольшое отступление, демонстрирующее, что этос науки, сформулированный Мертоном, классическая модель ученого, который делает свое профессиональное дело, опираясь на самосознание, пропитанное императивами этого этоса, — все это не так уж далеко от нашего времени и нашей жизни. Для этого введем в статью небольшую порцию эмпирической информации.

Сектор социологии науки ИИЕТ РАН проводил социологический мониторинг состояния научной деятельности и самосознания академических ученых в самое тяжелое для российской науки десятилетие (1994–2002). Сразу оговоримся, что

---

[1] Это исследования такого типа, которые у нас называются фундаментальными, академическими.

все пилотажные исследования проводились в элитных академических институтах естественнонаучного профиля. Из всех регистрировавшихся индикаторов для нашей темы наиболее интересны *характеристики самосознания ученых*. Так, важно отметить, что в каждом опросе четверть респондентов неизменно фиксировали *удовлетворенность* своей деятельностью (устойчиво коррелировавшую с возможностью продолжать исследования), а о явной *неудовлетворенности* заявляли около 60 % ученых. При этом 90 % были твердо намерены продолжать оставаться в сфере науки, а о своем решении покинуть науку всегда сообщал лишь 1 % опрошенных. Очень показательны *причины неудовлетворенности*. Естественно, что низкую оплату труда всегда отмечала наибольшая часть ученых (порядка 73 %), но далее указывались такие чисто научные претензии, как невозможность вести полноценные исследования (от 52 % до 68 %) и сокращение экспериментальных возможностей (50–60 %). Причем об удовлетворенности своей работой регулярно заявляли заметно больше ученых, чем следовало бы ожидать по их критическим высказываниям. Дополнительный заработок имели около 90 % опрошенных научных работников, а вот *вне науки* дополнительный доход получали только около 20 % ученых. В свете обсуждаемой в статье проблемы, пожалуй, наиболее показательны *мотивационные приоритеты* продолжения научной деятельности. Из девяти предложенных мотивировок первое место постоянно занимала «невозможность изменить свою ориентированность на науку» (порядка 50 %), второе место — «реальная возможность продолжения исследований» (около 50 %), третье — «нежелание изменить свой образ жизни» (порядка 40 %). Надежда на улучшение личной исследовательской ситуации или ожидание завершения значимого этапа своей работы мотивировали только около 20 % ученых.

Объяснить эти результаты, игнорируя представление об интериоризации ценностей и норм науки, которая происходит в процессе профессионального становления ученого, достаточно трудно. Какую-то часть эмпирически выявленного феномена, по-видимому, следует отнести на счет известной инерционности менталитета вообще и менталитета ученых в частности. Естественно, что у российских академических ученых весьма сильны ориентации и навыки, имеющие корни в советской науке, где норма личной бескорыстности в исследовательской деятельности была абсолютно органичной. Тем не менее, результаты эмпирического исследования российского академического сообщества, включая информацию о ценностной ориентации, мотивации, самооценках и намерениях ученых, выступают *подтверждением* сохранения классической модели человека науки и его профессионального поведения.

1970-е годы привели к повышению оценки роли прикладных исследований. Во всяком случае, стала очевидной ненормальность положения, при котором численно подавляющее большинство ученых — «прикладники», а образ (и соответственно *образец* науки) воссоздается по «фундаменталистам». Тут уже начала проявлять себя не регулятивная функция научного этоса, а деструктивная: она создавала основу неудовлетворенности у людей, пришедших в науку, чтобы стать *учеными,* а вынужденных действовать в качестве «частичных» научных работников.

Ученые, занимавшиеся прикладными исследованиями, особенно сильно ощущали разрыв между традиционными нормами науки и реальной ситуацией. Для них этот конфликт был настолько силен, что в среде ученых-прикладников появилась новая нормативная структура, более подходящая к условиям их деятельности. Она

была ближе к профессиональной этике инженера и сфокусирована более на моментах, относящихся к *приложению* специализированного знания, чем на ценности знания самого по себе. Эта новая сеть норм изначально, возможно, была вспомогательной, но в последующие десятилетия она подтвердила как свою жизненность, так и способность к сосуществованию с традиционным этосом. В настоящий момент на передний план выходят требования социальной ориентации научных исследований и гуманизации науки.

Мертоновские нормы ориентируют ученого в социальном аспекте его деятельности и никоим образом не затрагивают ее содержательную сторону. От Т. Куна (Кун, 1977) пошло и после него (хотя и с большим запозданием) установилось другое представление — нормы стали пониматься гораздо шире: во-первых, они регулируют не только социальное, но и «содержательное» поведение ученых[19], во-вторых, нормы не постоянны, а подвержены изменениям, и поэтому у каждой парадигмы они свои, иные. Кун утверждал, что логика и эксперимент едва ли способны продиктовать ученому выбор определенной теории. Не логика, а психология или социология могут пролить свет на эту проблему: лишь поняв систему ценностей группы ученых, можно предугадать, что они предпочтут в ситуации выбора (Швырев, 1984: 21).

Куновские представления отвергали универсальную эпистемологическую рациональность, которая гарантировала бы прогресс научного знания, не взирая на смену парадигм. В разных парадигмах, имеющих разные нормы, знание оказалось различным и даже неодинаково приемлемым. Исходя из этого, социологическому анализу следовало подвергнуть саму рациональность коллективных решений. Однако Кун продолжал считать, что в рамках «нормальной» науки деятельность по производству знания происходит в соответствии с неизменными правилами, то есть сам он остался в этом вопросе в традициях нормативного подхода, не отвергая, а дополняя мертонианскую традицию.

Дальнейшее развитие куновских представлений о характере научного знания и проведении социологического анализа процесса достижения коллективных решений в науке привели к появлению радикально иной теоретической платформы. Возникшая в конце 1970-х — начале 1980-х годов интерпретивная социология науки приняла за основу такую форму анализа, которая вообще снимала проблему «правил», «норм» и «деятельности по правилам», то есть отвергала не детали, а суть мертоновской концепции.

С точки зрения интерпретивистов, в реальной научной жизни нет ничего, кроме всегда уникального взаимодействия ученых, занятых интерпретацией и пере-интерпретацией значений, «уговариванием» и «отговариванием» друг друга в стремлении достигнуть согласованного мнения. Выше уже упоминалось, что согласно этой концепции, поведение ученого демонстрируется на двух различных «сценах». На одной (ее называют «конституционной») каждому ученому с помощью определенных, институционально отработанных методов удается изобразить классическое «законопослушное» поведение и «создать убедительное впечатление, будто его голос и голос природного мира — это одно и то же» (Гилберт, Малкей, 1987: 120). Но при этом они считают, что на самом деле наука делается не здесь, а на другой —

[1] Т. Кун подразделял нормы на три типа: относящиеся к «технологии» получения знания, методологические и этические.

«контингентной» сцене, которая названа так потому, что события, происходящие на ней, зависят от личных особенностей *контингента,* занятого в данном эпизоде, а поведение диктуется не нормами, а конкретной ситуацией.

С такой позицией трудно согласиться. И если абсолютизация роли норм в функционировании социального института науки может быть охарактеризована как «романтический сциентизм», то тут имеет место явное проявление антисциентизма. В то же время из всего нашего анализа прямо следует, что разведение и противопоставление логико-гносеологического и социального аспектов научного знания не может быть продуктивным. Стремление избежать «вульгарного социологизма» привело к неправомерному игнорированию некоторых сторон развития знания, но и абсолютизация социальной детерминированности научного знания дает негативные результаты.

Вопрос о формировании регулятивных структур в научной деятельности и их последующем воздействии на нее должен быть исследован не только на современном уровне понимания социальности науки, но и с учетом постепенного перехода науки к «постиндустриальной» форме существования. Радикально новый характер информационного общества ведет к возникновению «органической парадигмы», которая, по-видимому, не в последнюю очередь проявится в науке, и тогда многое будет выглядеть совершенно иначе.

Литература

Barnes S., Dolby R. The scientific ethos: A deviant viewpoint // Archive of European Sociology. 1970. Vol. 11. № 1.

Collins H. M. An empirica1 relativist programme in the sociology of scientific knowledge // Science observed: Perspectives on the social study of science. L., 1983.

Dedijer S. Why did Daedalus leave? // Science. 1961. Vol. 133. № 3470.

Eiduson B. T. Scientists: Their psychological world. N. Y., 1962.

Hagstrom W. O. Competition in science // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 1.

Merton R. K. The institutional imperatives of science // Sociology of science. L., 1972.

Merton R. K. The ambivalence of scientists // Science and society / ed. by N. Kaplan. N. Y., 1965.

Miller A. Professionals in bureaucracy // American. Sociological Review. 1967. Vol. 32. № 5.

Mulkay M. Norms and ideology in science // Sociological Science Information. 1976. Vol. 15. № 3.

Rabinowitch E. Soviet science. Belmont, 1966.

Rothman R. A dissenting view on the scientific ethos // British Journal of Sociology. 1972. Vol. 23. № 1.

Гилберт Дж. Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М. : Прогресс, 1987.

Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд., М. : Прогресс, 1977.

Hirsch W. Knowledge for what? // Bulletin of Atomic Science. 1965. Vol. 21. № 5.

Современная западная социология науки. М. : Наука, 1988.

Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М. : Политиздат, 1984.

Эйнштейн А. Мотивы научного исследования / Собр. науч. тр. в 4 т. М., 1967. Т. 4.

Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М. : Academia, 2008.

A Man in Science: Sociological Discussions in the 20th Century

Elena Z. Mirskaya

Head, Department of Sociology of Science,
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, Moscow;
elena-mirskaya@mail.ru

When exploring the problem of "a man in science" one can distinguish three stages that involve different approaches which in turn are connected with the dynamics of science itself. The first stage sees an attempt to understand activity in science — scientific creativity, through *specific qualities of a creative individual* outside of his or her social relations. But with this perspective it is impossible to identify causal links or to answer the question of why a scientist has a particular set of qualities, is interested in specific issues, is guided by distinctive motives, and so on. It looks like in order to understand a man in science one should analyze the relationships that tie people in their activity and the mechanisms that constitute the basis for development in a given field.

This perspective characterized the second stage of explorations of a man in science in the 1960s. Robert K. Merton and his school made *activitiesregarding the social institute of science* the main subject of their studies. This point of view led to the idea that science advances according to its own laws of motion independently of people who produce this movement by their everyday activity. The evolution of this type of a conception of a man in science resulted in "the loss of man".

Views on science, however, changed dramatically in the 1970s. Kuhn attracted the attention of those who studied science to the fact that in different paradigms scientists see things differently. With this he highlighted the relativity of scientific knowledge. This resulted in the field known as *sociology of scientific knowledge*, which led to a new understanding of the role of the human subject making a particular scientific inquiry. The Mertonian positivist sociology of science that excluded entirely an agent's influence from the production of scientific knowledge was criticized sharply by advocates of *interpretive sociology* that placed the agent of knowledge in the priority. Interpretive sociology ignores structures that exist objectively; it only takes into account scientists who interact as they do science. We could thus say that we have seen *a man of science in three mirrors*: those of the psychological perspective, normative sociology of science and interpretive sociology of science.

The first discipline that started to collect data on the progress of scientific knowledge was the history of science. From that perspective, the advancement of science was related very closely to the actions of particular scientists. The history of science created an image of scientists based on biographies and memoires. So by the beginning of the XX century, a traditional (classical) model of a scientist and his or her actions emerged that did not take into account comprehensive ties with social setting. The transition to "big science" highlighted the problems of scientific work in research teams, and the problem of a man in science came to be explored purely sociologically, and precisely from the perspective of normative sociology. An illusion then emerged that science can be efficient without bright individuals, thanks to good organization, that science is a mere sum of equipment, facilities,

money, scientific programs and a set of research institutions where a certain number of scientists work who differ only in positions and earnings.

This view did not consider the activity of a hidden factor in the personality of a scientist, as a creator. Successful work in science needs not only appropriate education, equipment, salary, etc. Rather, a man must also pursue scientific values, his or her own advancement and recognition in science which means to have a scientist's consciousness. A scientist's personal research efficiency depends not merely on the level of motivation but on his or her "orientation" toward science. A "pro-scientific" orientation can be reinforced by the public prestige of science, traditional images and expectations (fascination with work, acquisition of new knowledge, deep internal work satisfaction). So, human activity in present-day science seems to be related to traditional patterns of scientific creativity. This "asocial" pattern is a significant part of scientists' consciousness, which acquires a social meaning.

When identifying further the mechanisms governing scientists' behavior it is important to remember that science is created not as a "sum" of individual scientists' actions but as a result of their interaction. Since this interrelationship is manifested in a wide range of scientific phenomena it seems promising to look at these issues from the ethos of a scientific point of view, drawing on an analysis of ethical regulators in scientific work.

Like other social institutions science has its own code — a set of principles, rules and norms that scientists should follow — that is the scientific ethos that has been formed in the course of human history. Special attention must be paid to analyses of scientific community norms. 'Norms of science' — the concept that Robert Merton introduced into the sociology of science — are derivatives of scientific aims and methods: everything that is conducive to developing scientific knowledge is considered a norm.

The first one, *universalism,* establishes scientific knowledge as universally valid irrespective of the place of a discovery and the personal characteristics of its author. The norm of *communalism* requires that scientists should submit their achievements to public use. The norm of *skepticism* requires that scientists should constantly pay critical attention to their colleagues' findings. The norm of *disinterestedness* leads scientists in a certain direction.

The Mertonian concept of the scientific ethos dominated throughout the 1960s. The first objections emerged in the early 1970s. In the most common version of criticism, the opponents, using a set of cases, pointed to the discrepancy between them and the real practice of scientists. But this kind of criticism results from a failure to understand the essence of norms: these norms do not describe mass behavior but its "ideal". The main deficiency of this concept is that the rules of scientific work do not change in the course of scientific advancement, and they are presented as being immune to changes in social life. But since changes in working conditions lead to changes in human attitudes and values, in reality ethical norms in science are also unavoidably changing.

When formulating the norms of the scientific ethos, Merton assumed that the institution of science was an autonomous community of career scientists who were engaged in research in a disinterested manner (on the model of the German university of the XIX century). The "traditional ethos" comes largely close to the "traditional model" of a scientist. New circumstances (the growing role of applied research) make it impossible, however, to observe certain rules for the majority of scientists. The demands for socially-oriented research and 'humanizing science' are currently of paramount importance.

T. Kuhn advanced a new social-historical understanding of science which later became prevalent in the field, namely, that norms came to be perceived much more widely. First, they were said to govern not only the social but also the *substantive* behavior of scientists

as well; second, norms are not constant, they are subject to changes, so each paradigm has its own distinctive norms. The Kuhnian perspective rejected universal epistemological rationality. Nevertheless, Kuhn continued to think that within the "normal" science, knowledge was produced according to constant rules. This meant that on this point he remained in the normative approach tradition. In this sense, he did not refute, but instead complemented the Mertonian tradition.

Ensuing developments of Kuhn's understanding of the character of scientific knowledge led to the emergence of a radically new theoretical basis for the field. Interpretive sociology of science that had come into existence in the late 1970s — early 1980s, adopted as its basis a form of analysis that lifted altogether the problem of "rules", "norms" and "working to the rules". So it was not just the details that this later work rejected in Kuhn, but also the essence of the Mertonian concept, i.e. the norms.

The question of how regulative structures in scientific work emerge and their influence on science should be more fully examined in light of the background image of a gradual transition on-going in science to a "postindustrial" form of existence. A radically new quality in the information society leads to an "organic paradigm" that is likely to appear, not in the last instance, in science. At that time much will look absolutely different in the realm of sociology of science than it does now.

Мотрошилова Неля Васильевна

доктор философских наук, профессор,
заведующая отделом историко-философских исследований
Учреждения Российской академии наук Института философии РАН,
Москва, Россия

Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд из XXI века

Статья является предпубликацией из новой книги. Презентируются идеи классической социологии науки, которые неразрывно связаны с творчеством выдающегося социолога XX столетия Роберта Мертона (1910–2003). Оценивается вклад Р. Мертона и его ближайших коллег в теоретическую культуру прошлого столетия, в научное и практическое понимание социального смысла науки.

Ключевые слова: Роберт Мертон, наука, социология науки, научная деятельность, этос науки, нормы, антинормы.

Предисловие

Мною подготовлена к печати книга «Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль», один из разделов которой посвящен проблеме содержания и развития зарубежной социологии науки, а также ее освоения в философии и

социологии нашей страны. В ходе работы над этим разделом возникла настоятельная задача современного презентирования идей, достижений классической социологии науки, которые неразрывно связаны с творчеством выдающегося социолога XX столетия Роберта Мертона (1910–2003). В XXI веке существует достаточная историческая дистанция, позволяющая — на основе большого массива фактов, текстов, вторичных исследований — более основательно и достоверно оценить вклад Р. Мертона и его ближайших коллег в теоретическую культуру прошлого столетия, в научное и практическое понимание социального смысла науки в этот век ее бурного и противоречивого развития.

Основные идеи моего исследования, которые воспроизводятся далее, были (в сокращенной форме) представлены в виде доклада на XXVI сессии Международной школы социологии науки и техники, состоявшейся 1–3 ноября 2010 года в Санкт-Петербурге. Саму возможность выступить с докладом в Санкт-Петербурге расцениваю как большую честь: ведь питерское сообщество социологов науки внесло и сейчас вносит заметный вклад в нашей стране в развитие этой важной дисциплины. Работы И. А. Майзеля, С. А. Кугеля хорошо известны в России и за рубежом.

В данной статье (по отношению к названной книге это предпубликация) я, однако, вынуждена отвлечься от проблем развития социологии науки в нашем отечестве и сосредоточиться главным образом на исследовании классической, то есть мертоновской, стадии ее развития.

Общие оценки

Скажу заранее, что мне придется вступить в спор с распространенными в литературе, в том числе отечественной, оценками итогов развития социологии науки, в которых есть отдельные оправданные наблюдения и характеристики, но с которыми не могу согласиться в целом. Суть этих оценок: отдельные авторы — что важно, в 70-х и особенно в 80–90-х годах XX века — говорили и писали не просто о спаде влияния, но даже о «провале» господствовавшей целые десятилетия в социологии науки «мертоновской парадигмы»[1]. Поскольку в 1970–1980-х годах я активно занималась западной социологией науки, а также разрабатывала такие ее центральные проблемы, как нормы науки, политика в отношении науки в западных странах и вплоть до сегодняшнего дня продолжаю держать руку на пульсе проблематики этой дисциплины, —позволю себе достаточно подробно высказать и подтвердить свою

[1] «Бурная дискуссия о нормативной системе науки явно снизила интерес к этой проблематике. Одни остались при убеждении, что мертоновский этос никогда не отражал реальной жизни людей... другие пришли к выводу, что в условиях малой науки этос обладал заметной регулятивной силой, но в большой науке его воздействие стало, напротив, деструктивным. Так или иначе, исследователи, изучавшие науку как социальный институт и как специфическую сферу деятельности, поставили мертоновскому этосу науки диагноз „несовместимости с жизнью“, тем самым, вынеся этой концепции „смертный приговор“», — пишет Е. З. Мирская, суммируя критическую реакцию ряда авторов XX века на концепции Мертона и его учеников, одновременно указывая, что мертоновский этос, тем не менее, «продолжает существовать в самосознании ученых» (*Е. З. Мирская*. Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этос науки. М., 2008. С. 136, 137).

оценку исторического опыта и значения этой важнейшей для XX–XXI веков области исследований. И вот для начала — моя оценка в кратком, суммарном виде.

Представляется, что тот вид, который социология науки – действительно, во многом благодаря таланту главы ее американской школы Роберта Мертона, спаянности, активности объединившихся вокруг него исследователей, а также благодаря удивительной своевременности проведенной работы, ее теоретико-методологической глубине и практической значимости – благодаря всему этому данная форма социологии науки как специальной социологической дисциплины (с хорошим историко-философским и общеисторическим оснащением) стала своего рода образцом *классически разработанной, парадигмальной, объемной, широко подтвержденной, внутренне самокритичной и постоянно обогащаемой дисциплины, сначала больше концептуальной, а потом еще и поставляющей, объединяющей целые массивы конкретных исследований*. Не могу согласиться и с теми авторами, которые полагают, будто в паре-другой работ 80–90-х годов XX века «парадигмы» Мертона и его школы, относящиеся к нормам науки, были опровергнуты и будто взамен были предложены «более адекватные» концепции норм (вернее, антинорм) науки. Далее намереваюсь, в свете уточненных оценок, более подробно, но все же по необходимости сжато представить этот — в моем понимании, классический — опыт западной социологии науки[1]. Надо также принять во внимание, что накал «негативно-критических» страстей в отношении Мертона и его идей был наиболее сильным в конце XX века. В XXI веке он сменился более взвешенными оценками и подходами. Их пора настала после 2003 года, когда Роберт Мертон в 92-летнем возрасте ушел из жизни.

Ниже представляю некоторые из таких оценок.

Современные оценки вклада Р. Мертона в развитие социологии науки

Под современными подходами и оценками я подразумеваю те, которые относятся к нынешнему столетию. Это своего рода «новая волна» и более взвешенное, чем в конце XX века, осмысление вклада Р. Мертона и его школы в развитие социологии вообще и социологии науки в частности.

Ситуационным поводом и побуждением к вынесению таких обновленных оценок стало печальное событие — смерть Р. Мертона в 2003 году, на 93-м году жизни. Этот выдающийся человек прожил долгую жизнь (хотя в первой половине 1970-х годов он серьезно заболел и даже готовился к близкой смерти). Важно подчеркнуть, что не одна «поминальная» почтительность побуждала различных авторов сбить не

[1] Это, кстати, приходится сделать еще и потому, что в последние десятилетия отечественные специалисты, по моему мнению, работают в данной области теории не так успешно и интенсивно, как в 1970–1980-е годы, когда они сумели достаточно широко и глубоко, притом критически, освоить тогдашний опыт западной социологии науки. Сегодня они, в основном, повторяют ими же сделанное, утрачивая, к сожалению, самое существенное — теоретическую оснащенность конкретных исследований. К тому же не могу порекомендовать отечественному читателю уже опубликованный у нас *целостный современный очерк* социологии науки, приближенный к литературе и взвешенным оценкам сегодняшнего дня, и предлагаю данную работу в качестве попытки восполнить образовавшийся пробел.

просто критический, а уничтожительный в отношении работ Мертона напор «антинормативистов» конца XX века. Главное же состояло в том, что прошло необходимое и, пожалуй, уже достаточное время для того, чтобы лучше разглядеть масштаб поистине классической — для социологии науки, да и не только для нее — и до сих пор остающейся уникальной фигуры Мертона, чтобы охватить испытующим, включающим и критику, исследовательским взором теоретические и эмпирические достижения мертоновской социологии науки, впервые родившейся в его работах и также не только дожившей до сего дня, но и образовавшей фундамент для дальнейшего развития этой дисциплины. Кстати, такому новому позитивному осознанию способствовал и тот факт, что негативистский «антимертонизм», как будет впоследствии показано, несмотря на произведенный шумовой эффект, в основном не породил действительно перспективных творческих импульсов. В теоретическом отношении он всеми содержательными нитями, если таковые вообще были, оказался связанным с концепцией норм науки Мертона, как бы вывернув ее наизнанку.

Вернемся к оценкам, *существующим* в литературе XXI века. Хочу отметить, что выборочные оценки, которые будут приведены ниже, намеренно взяты мною не у еще оставшихся верных последователей Мертона, а у тех, кто судит о его социологии науки как бы со стороны. Когда же слово будет предоставлено действующим и сегодня бывшим ученикам Мертона, то в моем тексте его получат самостоятельные, даже критически настроенные и работающие на своих «полях» исследователи.

Буду опираться на публикации, взятые из декабрьского номера одного из основных на сегодня периодических изданий по социологии науки — журнала “Social Studies of Science” (далее — SSS) за 2004 год. И это совсем не «промертоновский» журнал. Ст. Коул, о котором еще будет идти речь, считает его рупором Эдинбургской школы социальной эпистемологии и ее «сильной программы» изучения социальной обусловленности науки. Тем ценнее и показательнее высочайшие оценки авторов журнала. В редакционной статье Майкл Линч справедливо напоминает об общесоциологическом значении мертоновских исследований: «Мертона особенно часто выделяли благодаря его работам в сферах социологии науки и социологии познания, но в более широком поле социологии он всего известнее как универсальный теоретик, внесший вклад в различные сферы социологии. Его концепция теорий среднего уровня и функциональный анализ, его особая теория бюрократии, концепция отклоняющегося поведения (deviance) и учение о социальном времени (например, о самореализующемся пророчестве и непредвиденных последствиях социального действия) — все это до сих пор читаемо и изучаемо в социологии, политических науках и учениях о менеджменте» (SSS, 2004: 828). Приведенная характеристика, подчеркивающая исключительную проблемную и дисциплинарную широту самого диапазона творческой работы Мертона как социолога, в целом верна, хотя и ее нельзя считать исчерпывающей.

Нас здесь в первую очередь будет интересовать, естественно, социология науки Мертона. Его роль в инициации и развитии социологии науки, еще шире — в исследовании науки, научного знания как социального явления, столь грандиозна, что отрицать ее решаются либо плохо осведомленные, либо совсем безответственные, люди. Ст. Коул пишет: «23 февраля 2003 года Роберт К. Мертон умер, достигнув 92-летнего возраста. Перед смертью он, несомненно, был не только самым известным из живших тогда социологов науки, но и вообще самым известным в мире социологом. Именно потому, что Мертон был столь широко известен и что

главным полем исследования в его поздние годы была наука, он обеспечил замеченность и легитимность само́й этой специальности — социальному исследованию науки» (SSS, 2004: 829). Важно, что Ст. Коул, один из наиболее замеченных и продуктивных бывших учеников и ассистентов Мертона, написал свою статью о бывшем учителе не в парадно-поминальном, а в критическом ключе. И все-таки заключительный тезис его весьма содержательной критической статьи звучит так: «Мертон, несомненно, — самый важный социолог науки. Его работа, со всеми ее неудачами, обладает способностью пробудить интерес в других людях — интерес, который часто ведет этих других к проведению эмпирических исследований» (SSS, 2004: 843).

Еще один известный автор, многим обязанный Мертону, Ю. Гарфильд вспоминает, даже исповедуется: «В течение более чем 40 лет моего сотрудничества (association) с Бобом Мертоном, он стал для меня не только ментором, учителем, советчиком, но и „суррогатным отцом“. В самом деле, когда в 1985 году родился мой младший сын, моя жена Катрин и я решили дать ему имя — Александр Мертон Гарфильд» (SSS, 2004: 845). В данном случае важны, конечно, не только личные воспоминания Ю. Гарфильда, но и специальная работа, которую он провел применительно к сочинениям учителя — провел как признанный исследователь в фактически основанной им и широко развернувшейся к сегодняшнему дню области — это “Social Science Citation Index”, то есть «Индекс цитирования по социальным наукам». Гарфильд пишет: «То, что Мертон один из наиболее цитируемых ученых XX столетия — это трюизм. Его воздействие на социологию очевидно; его влияние за пределами этого домена менее очевидно, но оно достаточно значительно, как подтверждают соответствующие данные» (SSS, 2004: 848). Входить в освещение и анализ этих данных (р. 848 и далее в статье Ю. Гарфильда) здесь не представляется возможным. Достаточно сказать, что они убедительно подтверждают вывод Ю. Гарфильда об исключительно широком признании вклада Р. Мертона как внутри социологии, так и за ее пределами. (Очень важно также и то, что исследование Гарфильда не ограничивается учетом влияния в более ранние периоды творчества Мертона, но охватывает и первые годы XXI века.)

Что касается воздействия исследований Мертона на сопредельные, скажем, философские области, то здесь дело обстоит, что естественно, сложнее. Ибо в таких случаях предполагаются осведомленность, добрая воля, интердисциплинарный интерес к социологии науки — например, философов науки. В книге, которую я готовлю к печати, приведен конкретный материал, свидетельствующий скорее в пользу интердисциплинарного интереса Мертона, чем известных философов науки. А именно: если Мертон хорошо знал работы, идеи философов науки, прежде всего Т. Куна, или науковедов, например Д. С. Прайса и др., и на них содержательно откликался, то другая сторона, (поверхностно) зная о социологии науки, не имела привычки на них своевременно и продуктивно реагировать. (Есть интересный пример: Т. Кун, введя общую и расплывчатую по содержанию отсылку к социальному феномену «научного сообщества», объективно игнорировал основательную работу с этим феноменом социологов Мертона и его ученика Хэгстрома.) И все же в философии науки имеются современные авторы, которые не просто знакомы с идеями Мертона, но и позитивно, содержательно учитывают их в своей работе, хотя и они фиксируют существование вышеописанного парадокса. Процитирую Алана Ричардсона, работающего в сфере философии науки (в частности, известного своими

исследованиями логического эмпиризма Р. Карнапа): «Как-то было замечено, что философы науки, как правило, не слишком высоко чтят социологов науки. Лишь один социолог науки, который в значительной степени избежал недоверия философов — и даже время от времени завоевывал их одобрение — был Роберт Мертон. Филипп Китчер (Kitcher), например, в 1992 году утверждал, что произведения Мертона, собранные в его книге „Социология науки“, составили „наиболее значительный труд по социологии науки“[1] XX века» (SSS, 2004: 855). (Ф. Ричардсон поясняет, правда, что Китчер в 1998 году, тем не менее, счел социологию науки Мертона «умирающей» и предложил ревальвировать ее. В данной работе нет возможности входить в интересные детали противостояния или сближения философов науки и социологов науки, хотя материал для этого имеется.)

Полагаю, приведенных свидетельств высокого признания особой роли Р. Мертона и созданной им социологии науки уже в XXI веке достаточно. Будучи солидарной с самим духом таких оценок и подходов, вижу свою сегодняшнюю задачу в таком *обновленном* анализе социологии науки Мертона, который опирается как на мои более ранние работы, так и на исследования зарубежных и отечественных коллег.

Западная социология науки: исторический опыт, теоретическое содержание и эмпирические исследования западной социологии науки

Предлагаю здесь *свое современное* обобщение проблематики, обозначенной в заголовке. **Возникновение социологии науки** само может и должно быть рассмотрено *в свете социологии познания и науки*, ибо оно было социально обусловлено — как с точки зрения влияния развития *цивилизации*, ибо наука — древняя, с какого-то времени неотъемлемая структура цивилизации и культуры, так и воздействия *эпохи* научно-технической революции. У самых ранних мертоновских разработок, что отчетливо подтверждают и исторические факты, и само содержание соответствующих работ, была, кроме того, конкретная, *ситуационная социальная обусловленность*.

Последнее относится, прежде всего, к двум ранним произведениям Р. Мертона, которые четко фиксируют влияние и характер ситуации и в которых социология науки уже выступает в ее первоначальном теоретическом облике. Большая статья «Наука и социальный порядок» (Science and Social Order), выросшая из доклада, сделанного Мертоном в 1937 году на заседании Американской социологической ассоциации, была опубликована в 1938 году в журнале “Philosophy of Science” (№ 5). Р. Мертон прямо пишет о конкретной «социальной ситуации» в нацистской Германии с 1933 года — о влиянии на судьбы науки и ученых чудовищных идеологических «догм о расовой чистоте», об изгнании ученых «неарийского происхождения» из немецких университетов и научных институтов. (Merton, 1938: 255). В качестве примера расистских идеологических требований в статье Мертона обильно приводятся характерные и весьма одиозные формулы из публикаций А. Розенберга,

[1] Цитировалась работа: *Kitcher P.* The Naturalists Return // Philosophical Review. 1992. Vol. 101. № 1. P. 53–114.

фашиствующих философов Э. Крика, А. Боймлера и других проводников нацистской идеологии — в той части этой последней, в какой она была направлена на тоталитарное внешнее регулирование деятельности ученых. Подобный же пласт имеется в опубликованной в 1942 году, то есть в разгар Второй мировой войны, работе Р. Мертона «Нормативная структура науки» ("The Normative Structure of Science").

Обе названные работы Мертона отличает гуманистический, антифашистский пафос. Основная их цель состоит в демонстрировании того, что имманентные для науки как социального института нормы действия ученых (институциональные нормы) вступают в непримиримое противоречие со всей практикой и идеологией национал-социализма. Мертон справедливо подчеркивал, что атака против научного знания, предпринятая фашистским государством и его идеологами, стала кризисным этапом в развитии науки как института, когда вновь потребовалось подвергнуть анализу особенности науки, задуматься над проблемой ее отношения к обществу. (В примечании, сделанном для более поздней публикации, автор упоминает о другом кризисном этапе — трагедии Хиросимы.) В более общем смысле необходимо, пишет Р. Мертон, осознать всю сложность и противоречивость изменившегося положения науки и ученых в современном обществе. «Три столетия назад, когда институт науки еще в самой малой степени мог требовать самостоятельных гарантий социальной поддержки, философы естествознания были склонны оправдывать науку как средство реализации культурно значимых целей — экономической полезности и прославления бога. Развитие науки не было самоочевидной ценностью. Однако вместе с бесконечным потоком достижений инструментальное превратилось в конечное, средства — в цель. Побуждаемые этим процессом, ученые стали считать себя независимыми от общества и рассматривать науку как самоценную деятельность, которая существует в обществе, но не зависит от него. Фронтальная атака на автономию науки потребовала, чтобы этот оптимистический изоляционизм был заменен реалистическим участием в революционном конфликте культуры. Объединение проблем привело к новому прояснению и утверждению этоса современной науки» (Merton, 1938: 268).

Итак, мы видим, что Мертон здесь борется против фашизма как политического «тоталитаризма», по его терминологии. Но как он это делает? Ответом исследователя на фашистско-тоталитаристские выпады против науки и ученых стали не абстрактные отстаивания некоей автономии науки, а конкретная разработка социологии науки, то есть дисциплины, с одной стороны, признающей и изучающей *взаимозависимость науки и социально-исторического развития*, а с другой, доказывающей, что наука как социальный организм (с некоторого времени — как особый социальный институт) только тогда успешно выполняет свои функции в обществе, когда вырабатывает строго отвечающие этой функции *внутренние нормы* регуляции деятельности индивидов, групп, научных сообществ, во многом долженствующие определять и работу науки как института. Совокупность таких норм, принципов, регулятивов и была обозначена понятием «этос науки». Понятие «этос», примененное здесь к науке, было заимствовано Р. Мертоном у В. Самнера, Н. Шпейера и М. Шелера. *Этос науки* — это, по Мертону, «комплекс ценностей и норм, которые удерживаются и становятся обязательными для человека науки. Нормы выражаются в форме предписаний, осуждений, предпочтений и разрешений. Они узакониваются в терминах институциональных ценностей. Эти императивы, передаваемые через *предписание и пример* и *усиливаемые санкциями*, в разной степени усваиваются, интернализуются учеными. Хотя этос науки не кодифицирован, его можно выявить

из согласия (consensus) ученых, найти его проявление в установившихся обычаях, в бесконечных произведениях о научном духе и в моральных негодованиях, обращенных против нарушений этоса» (Merton, 1938: 269).

Мы видим, что для целей *самоопределения* и самозащиты науки Р. Мертон считает необходимым выявить не просто некоторые частные требования «чистоты» истины, научного знания, а более общие, именно основные «институциональные нормы» науки — неписаные, однако все же действующие, настоятельные для ученых правила, ценности, предписания, специфические для научно-исследовательской деятельности. Такая постановка вопроса вполне обоснованна. В самом деле, наука, подобно другим сферам и областям человеческой деятельности, подчиняется различным формам социальной регуляции — и среди них той, которую можно назвать *ценностно-нормативной*. Можно до известной степени отвлечься от особенностей исторического процесса формирования норм современной науки и исходить из того, что определенная структура норм и ценностей (в какое-то время) уже складывается, приобретает значение для индивидов, работающих в науке, то есть в целом обладает институциональным характером. Мертон исходит из того, что нормы, ценности науки как социального института обусловлены, прежде всего, и главным образом двумя факторами: *спецификой научного знания и его методов* («технические нормы» в его терминологии), а также целями и социальными функциями науки.

«Институциональные императивы (mores), — пишет он, — выводятся из цели и методов. Целостная структура технических и моральных норм обеспечивает выполнение конечной цели. Техническая норма эмпирической очевидности, адекватная и надежная, является предпосылкой для доказательного точного предсказания; техническая норма логической последовательности также есть основание для систематического и значимого предсказания. Нравы (mores) науки обладают методологической рациональностью, но они становятся обязательными не только потому, что они эффективны в процедурном смысле, а и потому, что они *считаются правильными и хорошими*. Они одновременно являются моральными и техническими предписаниями» (Merton, 1938: 270). С этой констатацией также можно согласиться: нормы, ценности, значимые для науки как социального института, отражают особый характер научной деятельности и в то же время, будучи нормативными предписаниями, регулирующими поведение людей, приобретают моральное — в известном смысле — выражение, воплощаются в виде ценностных представлений и регулятивов.

Верно фиксируя в ранних работах некоторые особенности институциональных норм науки, Р. Мертон, однако, пока не задается важным, необходимым в данном контексте вопросом — и это обстоятельство, как мы увидим, в дальнейшем приведет к существенному пробелу в анализе, к его незавершенности и противоречивости. (Это впоследствии подметят не только критики, но осознают сам Мертон и его последователи.) Мы имеем в виду вопрос о том, что имманентные нормы науки формируются под воздействием конкретно-исторического развития вполне определенного общества. У раннего Мертона по существу получалось (и это противоречило вполне резонному опровержению «оптимистического изоляционизма»), что нормы науки формируются, развиваются и существуют как бы «в себе», автономно по отношению к обществу, и лишь в периоды грубых, насильственных внешних вторжений сталкиваются с противоположными устремлениями социальной системы, государства, тех или иных политических сил. Хотя некоторые общие

нормативные структуры института науки были описаны Р. Мертоном верно, на наш взгляд, подобная предпосылка исследования впоследствии должна была обнаружить свою ошибочность.

Каковы же эти нормы в изображении Мертона?

«Универсализм» (Universalism). Здесь имеются в виду необходимость отвлечения от сугубо личных особенностей ученого и его ориентация на критерий объективности знания. Или, в объясняющей формулировке Н. В. Деминой: «U — Universalism — Универсализм: оценка научного результата должна основываться всецело на внеперсональном уровне, без каких-либо предрассудков по отношению к этнической или расовой принадлежности исследователя, его полу, научной репутации, отнесенности к научной школе и т. д.» (Демина, 2008: 148). По содержанию это похоже на требования, которые мы находим в работах Бэкона, Декарта, Спинозы, Гегеля. У Мертона отличие заключается в том, что он, подводя итоги длительного развития, называет требование объективности (как и другие нормативные критерии) «*институциональной* нормой», уже господствующей в науке и укореняющейся в сознании ученых, что тоже вполне обоснованно. Именно формулируя норму «универсализма», Мертон в 1942 году с тревогой писал о постоянных ее нарушениях в практике фашистских государств, особенно гитлеровской Германии[1].

Вопиющее нарушение нормы «универсализма», которая — в соответствии с логикой развития научного знания, науки как социального института — должна была бы просто господствовать, Мертон видит в разгуле расизма и шовинизма, обрушившегося на науку в условиях нацизма. В статье приводятся убедительные примеры — откровенные высказывания фашистских лидеров, формулировки национал-социалистических идеологов, суждения немецких «ученых», добровольно или под давлением силы соглашавшихся с расистскими идеями. Вот одно из характерных для нацистских идеологов высказываний, которое приводит Мертон: «Изучая историю науки, можно убедиться, что основатели физических исследований и великие первооткрыватели от Галилея и Ньютона до пионеров физики нашего времени почти исключительно были арийцами, преимущественно нордической расы» (Merton, 1938: 272). В. Гейзенберг, осмелившийся заявить, что теория относительности А. Эйнштейна является «очевидной базой для дальнейших исследований в физике», был подвергнут в национал-социалистической печати настоящей обструкции. Подобно этому, осуждению подверглись Шредингер и Планк, отказавшиеся, как писали в нацистских сочинениях, «порвать с еврейским физиком Эйнштейном» (Merton, 1938: 256).

В статье 1938 года Р. Мертон констатирует: «В этих случаях чувства национальной и расовой чистоты превалировали над утилитарной рациональностью» (Merton, 1938: 256), но подчеркивает, что национал-социалисты все же вынуждены были с течением времени все настоятельнее обращать внимание на развитие естествознания. Так, национал-социалистская, расистская атака на науку (которая, скажем, была более резкой по отношению к физике, чем к химии) лишь

[1] Впрочем, эта проблема беспокоила Мертона, как и многих ученых США и Европы, раньше — как только стал ясен смысл реальных мер, предпринятых по отношению к науке фашистской государственной машиной и закрепившихся в идеологической практике. В статье «Наука и социальный порядок» (1938) он четко и резко выразил свое осуждение антиинтеллектуализма фашистского режима.

вначале осуществлялась в четкой, однозначно декларативной форме (ибо отвечала задаче «тотального» идеологического наступления и манифестации целей, линии нацистской политики). В дальнейшем отношение фашистского государства к естествознанию (в том числе и к «еврейским физикам») стало, как правильно отмечает Р. Мертон, «амбивалентным и нестабильным», ибо обнаружилась необходимость использовать научные открытия для военных, экономических и политических целей. А в этом случае, естественно, пришлось опираться и на открытия «неарийских» ученых.

Но как и почему случилось, что, казалось бы, твердая, обусловленная логикой науки норма «универсализма» (объективный подход в противовес субъективизму, «партикуляризму») в стране с давними и глубокими научными традициями грубо попиралась, уступая место прямо противоположному, очевидно нелепому критерию «расовой чистоты»?

Пытаясь ответить на эти вопросы применительно к особой проблеме фашизма, Мертон правильно подмечает, что обращенный против науки антиинтеллектуализм национал-социалистической практики и идеологии коренится в более широких изменениях политической структуры, является неотъемлемым, хотя и «побочным продуктом» фашистской идеологии в целом. В изложении Мертона имплицитно содержится и такой аспект: из высказываний национал-социалистических идеологов видно, как грубо и вульгарно трактуют они саму по себе правильную идею социальной обусловленности науки и научного знания, превращая науку в несамостоятельный придаток господствующего строя и его идеологии. Красноречиво, например, заявление присяжного гитлеровского идеолога Эрнста Крика: «В будущем уже не станут больше принимать вымысел о демобилизующей нейтральности науки в правовой, экономической, государственной или, в целом, общественной жизни. Ведь метод науки есть лишь отражение метода правительства» (Merton, 1938: 259). Мертон, наконец, высказывает ряд интересных соображений о том, что ученые в известной мере причастны к осложняющимся социальным ситуациям — хотя бы потому, что в более спокойные времена они, как правило, успокаиваются различными мифами об «абсолютной свободе» науки, психологически противятся неудержимому процессу технологического и социального применения науки. И хотя «экзальтацию по поводу чистой науки» можно понять как реакцию против вторжения чуждых научному исследованию давлений и мотивов, все же, подчеркивает Р. Мертон, такие мифы разоружают ученых и снижают их чувство социальной ответственности.

Все эти замечания верны и достаточно интересны. Однако в ранних работах Мертон скорее полагал, что «этос науки», ее ценности сами по себе безупречны. Они-де достаточно четко детерминируют действия самих ученых, но вот цели общества могут вступать в конфликт с нормами науки, что случается, главным образом, при «тоталитаристских», «антидемократических» режимах. В наибольшей степени принципу «универсализма» науки на социально-политической арене отвечает, согласно Мертону, «демократический порядок». Ибо «каким бы неадекватным он ни был на практике, этос демократии включает универсализм как доминирующий руководящий принцип» (Merton, 1938: 273).

Подобную схему объяснения Р. Мертон использует, когда он рассматривает другие институционные нормы науки. Он обозначает их словами *«коммунизм», «незаинтересованность», «организованный скептицизм»*.

Слово «коммунизм» (communism), здесь взятое Р. Мертоном в кавычки, чтобы отличить от его привычного смысла, означает: «Достижения науки являются продуктом социального сотрудничества и принадлежат сообществу (community). Они образуют общее наследие, в котором доля индивидуального творца строго лимитирована» (Merton, 1938: 273). Речь идет, следовательно, о той специфической черте науки и научного исследования, которая связана с проблемой всеобщности научного знания и общественного характера его производства. Очень ценно, что в связи с данной нормой Р. Мертон четко ставит вопрос о конфликте между нормой «коммунизма» и частной собственностью, в том числе в капиталистической экономике. Как бы предвосхищая последующие дискуссии по проблеме «кризиса науки», Р. Мертон пишет: «Современные работы о „фрустрации науки“ отражают этот конфликт. Патенты провозглашают исключительное право использования, а часто и неиспользования. Давление, оказываемое на изобретения, отрицательно влияет на рациональность производства и распространения научных знаний».

Далее Мертон ссылается на текст решения американского суда по одному из конфликтных патентных дел: «Изобретатель — человек, который создал нечто ценное. Это его абсолютная собственность. Он может изъять и скрыть от публики знание, связанное с его изобретением... Ответы на данную конфликтную ситуацию различны. В качестве защитной меры некоторые ученые приходят к необходимости патентовать свою работу, чтобы сделать ее доступной для общественного использования... Другие видят разрешение конфликта в защите социализма (Мертон здесь упоминает о Дж. Бернале и его группе. — *Н. М.*)» (Merton, 1938: 277, 275).

Норму «*незаинтересованности*» (Disinterestedness), напоминает Мертон, нельзя отождествлять ни с альтруизмом, ни с эгоизмом. Она означает требования, включающие «страсть к получению знаний, бескорыстное любопытство, альтруистическую заботу о благе человечества» и т. д. Р. Мертон полагает, что эта норма «работает» в рамках науки как социального института главным образом благодаря тому, что ученые, в конечном счете, «подответственны» друг другу, и поэтому нарушение данной нормы ведет к внутренним психологическим конфликтам, изоляции и т. д. Понятие «незаинтересованность» релевантно данной норме лишь в том смысле, что призывает если не исключить (что невозможно), то минимизировать влияние на научные исследования вненаучных (религиозных, политических, чисто личных) интересов самих исследователей. Вместе с тем американский социолог уже в ранних работах был вынужден признать, что норма «незаинтересованности» скорее может быть приписана науке в целом, чем повседневному поведению конкретных ученых. Ибо и в сфере наук существует конкуренция, которая усиливается из-за того, что приоритет в науке является своеобразным подтверждением продуктивности. В условиях конкуренции, отмечает Мертон, вполне может возникать побуждение именно защитить личные интересы, обмануть конкурентов при помощи недозволенных приемов. «И все же такие импульсы могут находить в сфере научного исследования лишь ограниченные возможности для выражения. Склонность к культу, неформальные клики, профилирующие, но тривиальные публикации — эти и другие методы могут использоваться для самовозвеличения. Но в целом обнаруживается, что такие фальшивые претензии отвергаются и являются неэффективными» (Merton, 1938: 276). Здесь Мертон приоткрывает завесу над конкурентной борьбой, которая проявляется и в рамках института науки.

Но едва зафиксировав вторжение противоположной нормы (зародыш антинормы), Мертон спешит заверить, что в науке она неэффективна.

При рассмотрении нормы, обозначаемой словами «организованный скептицизм», по существу повторяется то, о чем подробно говорят Бэкон и Декарт, призывая «очиститься от призраков» и осуществить «методическое сомнение». Данная норма, отмечает Р. Мертон, получает одновременно и методологический, и институциональный мандат.

Суть такой нормы, как «*организованный скептицизм*»[1], хорошо прояснена в работах видного отечественного специалиста по социологии науки Е. З. Мирской. В одной из последних работ (опираясь на свои ранние исследования по данной тематике) она пишет, обобщая и ранние разработки Мертона, и вклад последующих авторов: «Это одновременно и методологическая, и институциональная норма. Сам Мертон рассматривал именно первый аспект — организованный скептицизм метода естественных наук, требующего по отношению к любому предмету детального объективного анализа и исключающего возможность некритического приятия (тех или иных утверждений, постулатов. — *Н. М.*). Для науки нет ничего „святого“, огражденного от критического анализа. В то же время норма организованного скептицизма является и директивным требованием по отношению к ученым. В таком аспекте данная норма рассматривалась Н. Сторером. ... Норма скептицизма предписывает ученому подвергать сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность» (Мирская, 2008: 127). Е. З. Мирская справедливо увязывает эту норму с нормой «незаинтересованности» (предпочитая последнему термину слово «бескорыстие», что с моей точки зрения тоже далеко не идеально отражает суть нормы). Для людей, знающих историю философии, опять-таки отчетливо видна связь этой нормы с материалом классической философии — теорией сомнения Р. Декарта, учением об «очищении разума» Ф. Бэкона, Б. Спинозы и других мыслителей.

Трудности, на которые объективно натолкнулся ранний Р. Мертон в своем анализе институциональных норм науки, могут быть сформулированы следующим образом. Нормы, о которых говорил Р. Мертон, в самом деле принадлежат к нормативным структурам науки как института, к исторически определенным «ценностям» науки; они в самом деле каким-то образом (но вот каким? — в этом вся проблема) детерминируют сознание и действия ученых, превращаясь также и в ориентации индивида. Однако здесь анализ проблемы только начинается. Тему «Наука в условиях фашизма» Р. Мертон абсолютно правильно рассматривает в связи с более широкими проблемами отношения науки и общества, науки и политики, науки и идеологии. Однако на ранних этапах это делается в самой общей форме. К тому же применительно к проблеме норм и ориентаций личности было бы явным упрощением представлять дело так, будто собственные, имманентные нормы науки чисто внешним образом «поражаются» антиинтеллектуализмом фашистско-тоталитарного режима, то есть государством и его идеологией, тогда как в условиях «добропорядочной» (например, буржуазной демократии) дело обстоит вполне нормально: устанавливается оптимальный баланс в отношениях между наукой и обществом. Разумеется, Мертон прав, когда он подчеркивает несомненную предпочтительность демократии для развития науки по сравнению с диктатурой.

[1] Термин опять-таки не идеален из-за многозначности понятия «скептицизм».

Однако конкурентная борьба вокруг науки и внутри ее, вынужден признать Мертон, существует и в условиях демократии. Но до поры до времени американский социолог склонен затушевывать ее остроту.

Итак, Мертон ставит вполне конкретную и действительно важную социальную проблему (наука в фашистской Германии), приводит немало фактов и данных, свидетельствующих о действительно трагическом положении науки. Но ведь для объяснения социальных проблем требуется *социологический анализ*, позволяющий понять положение науки, деятельность ученых в условиях данного общества, в данной стране и в определенный исторический промежуток времени. Несмотря на то что формально в ранних работах Мертона как будто бы присутствуют внешние атрибуты социологической работы, социологическое исследование в специфическом смысле здесь пока еще не предпринимается. И не случайно некоторые характеристики институциональных норм науки у Мертона лишь повторяют идеи Бэкона и Декарта[1]. Это означает, что Мертон, переходя от фактов к теоретическому размышлению, сначала почти не выходил за пределы абстрактного философского и абстрактно-социологического подходов. Поэтому поставленные им социально-исторические проблемы, приведенные им конкретные факты и теоретические размышления на том этапе часто не сопрягались друг с другом.

Что касается *историко-философских и историко-научных предпосылок* мертоновского способа анализа в социологии науки, то в общем и целом они были солидными и неплохо проработанными. Немного и кратко скажем об этой тематике — и потому, что, как отмечено, разработки ученых и философов XVII–XVIII веков (в виде наиболее развитых образцов, например, у Ф. Бэкона) правильно расценены Мертоном как предыстория социологии науки, но еще и потому, что данные темы тесно связаны с отечественной рецепцией западной социологии науки. Обращение к историческому материалу было обусловлено историей становления Мертона как ученого. Его докторская диссертация «Наука, технология и общество в Англии XVII века» (1933) — солидная работа, выполненная на стыке истории общества, в частности истории Англии, истории философии и истории науки, науки о науке, философии науки, социологии познания. Она испытала на себе влияние соответствующих новых, социально ориентированных дисциплин — в том виде, какой они приобрели в первой половине 30-х годов XX века. (И в дальнейшем исследования Мертона и его группы постоянно перекликались с наиболее важными идеями Д. С. Прайса, Т. Куна и др.) Из названых влияний и взаимовлияний надо особо выделить один конкретный феномен, о котором упоминают гораздо реже: это работа молодого Мертона под руководством Питирима Сорокина, нашего соотечественника, изгнанного с родины и впоследствии ставшего видным «американским социологом» (вот так мы выбрасывали, да еще и сегодня «бесплатно» раздаем, а вернее разбазариваем, едва ли не лучшие умы нашей нации!). В первом томе своего фундаментального четырехтомного труда «Культурная динамика», формально посвященного новому социологическому анализу европейской культуры первых столетий нового времени, выражая благодарность целому ряду помощников, коллег, П. Сорокин специально называет и Р. Мертона (Sorokin, 1962). Молодому Мертону же работа в группе Сорокина дала поистине несравненные знания многочисленных

[1] См. об этом: *Мотрошилова Н. В.* Ориентации новой личности и их выражение в философии человека XVII столетия // Историко-философский ежегодник '86. М., 1986. С. 84–103.

фактов, обстоятельств истории человеческого духа, включая науку, а также приобщила к исследованиям науки, культуры в социально-философских, социально-исторических, отчасти и социологических аспектах.

Поэтому упомянутое собственное исследование Р. Мертона по истории взаимодействия науки с более широкими социальными реалиями Англии (также и других стран Европы) XVII века вообще-то может и должно представлять огромный специальный интерес для соответствующих научных областей. Но оно, увы, в специальной литературе как бы потерялось из-за последующей фундаментальной деятельности Мертона по созданию и разработке социологии науки.

Что касается науки и философии Нового времени, в частности XVII–XVIII веков, их воздействия на формирование этоса науки, то Мертон и в упомянутой работе, и в собственно социологических произведениях нередко (и легко) ссылался на хорошо известный ему философский материал, в целом признавая воздействие на его социологию науки формул, принципов, так или иначе запечатленных в произведениях великих и выдающихся философов, ученых Нового времени. Однако специальных и систематических разработок на темы (по размаху и фундаментальности сравнимые с исследованиями глубоко уважаемого им учителя П. Сорокина) Мертон не предпринял. В этом отношении его работу не очень-то дополняли и соотечественники, и европейские ученые и философы. Между тем в нашей стране подобные исследования в 50–80-х годах XX века проводились, — в том числе и в целях подкрепления, уточнения усилий социологии науки[1].

Для полного освещения истоков и контекста возникновения мертоновской парадигмы в социологии науки необходимо также принимать в расчет идеи и дисциплины, которые возникли уже в XIX веке, но в особенности те, которые приобрели определенное влияние в 20–30-х годах XX века. Общей целью последних было активное изучение духовных продуктов и форм человеческой деятельности, имеющих социально-историческую природу. Такое подробное освещение невозможно в ограниченных рамках данной работы. Замечу лишь, что немецкая классическая философия пусть и редко, но упоминается в работах представителей мертоновской школы, . Есть отсылки к Марксу, но и они довольно немногочисленны. А вот из старших современников Мертон — не без влияния упомянутого сотрудничества с П. Сорокиным — в своей ранней работе всего определеннее учитывал исследователей социологии знания и познания. Е. З. Мирская отмечала: «Вообще, в это время основные интересы Мертона были связаны с социологией знания (которая тоже находилась тогда в стадии интенсивного развития. — *Н. М.*). В 1935 г. он опубликовал обзор новых работ М. Шелера, К. Мангейма, А. Шелтинга и Э. Грюнвальда по социологии знания; в следующем году — статью „Цивилизация и культура“, в которой сделал знание предметом социологического анализа в соответствии с концепциями А. Вебера и Р. Макайвера» (Мирская, 1988: 43).

---

[1] Упомяну следующих авторов: М. К. Петров — работы об исторических, в том числе и философских предпосылках науки о науке; Ю. Тищенко, Г. Старк, А. Ерыгин и др. Позволю себе напомнить здесь и о моих собственных, рано начатых исследованиях в данной области, также имеющих связь с корректированием социологии науки: *Мотрошилова. Н. В.* Познание и общество. Из истории философии XVII–XVIII веков. М., 1969; *Она же*. Учения о разуме и мышлении в философии XVII–XVIII веков и их социальная обусловленность // Социальная природа познания. М., 1979. С. 139–167.

* * *

Подведем предварительные итоги, которые касаются облика западной социологии науки на ранней стадии ее развития. При этом речь не случайно идет о мертоновской ее парадигме, ибо ни тогда, на ранней стадии, ни после в этой области не появилось ничего такого, что было бы сопоставимо с нею по глубине и систематичности. Многие авторы, возражавшие Мертону, тоже — мы это увидим, — остались «прикованными» к его теориям. Главный фактор сохраняющихся силы и влияния данного направления состоял в том, что автор парадигмы не только не возражал против ее корректировки, усовершенствования, но и сам уже в ранних работах (мы отчасти пытались это показать) как бы высветил непроясненные или уязвимые пункты своей концепции, *по существу наметил будущие проблемные линии и теоретико-методологические тенденции развития социологии науки*.

Поэтому не могу согласиться с той точкой зрения, что Мертон столкнулся с неприятием своей теории слишком «идеальных» норм науки и под влиянием критики взялся за выписывание ее «реальных» норм.

На самом деле ситуация — и конкретно-историческая, и теоретическая — во многом была иной. Во-первых, социология науки уже в 1930—1940-х годах сделала *первые и вполне успешные теоретические шаги*. Ведь учение о нормах науки, хотя бы и вчерне, уже было «сбито» в первых работах, то есть в 1940-е годы. Примем в расчет, что и впоследствии *ядро этого учения* (позднее его назвали CUDOS — аббревиатура английских слов, обозначавших каждую из норм: C — Communism, U — Universalism, D — Disinterestednes, OS — Organised Scepticism) очень мало изменялось, несмотря на целый ряд как терминологическо-грамматических, так и содержательных замечаний. Высказывая эту частную оценку, я отчасти иду «против потока» тех, кто утверждает (думаю, неверно и несправедливо), что мертоновское формулирование норм было отвергнуто и, будучи неудачным, кем-то отменено, заменено или «обогащено» чем-то другим, например учением об антинормах. Во-вторых, трудности, противоречия, пробелы, заключенные в этой первоначальной мертоновской концепции, лучше всего видели ее создатель и его близкие ученики. Поэтому наиболее успешные корректировки в учение о нормах науки внесли сам Мертон и ученые его группы, такие как Б. Барбер, Х. Закерман. В-третьих, нужно более основательно разобраться с распространенным в литературе упреком-утверждением, будто ранний Мертон излагал только «идеальные», «чистые», «светлые» нормы науки и *лишь впоследствии и под влиянием критики извне* он стал задумываться о «реальных» научных нормах. Я считаю данные утверждения неверными, поскольку выше уже приводились цитаты из ранних работ Мертона, свидетельствующие о том, что его формулировки, расшифровки норм науки (каждой нормы и их совокупности) включают:

a) «*идеальный*», то есть именно: *нормативно-указующий аспект*: что и как следует, дóлжно делать ученому;

a_1) *целевой, аргументативный аспект*, иными словами — разъяснения, *почему* ученому следует поступать именно так (ибо это благоприятствует поискам истины) и что такую норму наука по сути укоренила, став социальным институтом;

b) и напротив, *предостерегающие установления*, показывающие, *чего и почему не следует делать в науке*, но что в реальной жизни науки и в действительном поведении ученых нередко встречается;

с) общее обозначение того, что эти нормы соответствуют внутренним технико-инструментальным задачам науки и в то же время соотносятся с морально-ценностными, идущими от общества регулятивами.

Итак, уже и у раннего Мертона рассмотрение норм науки носит своего рода *комплексный характер*, включает понимание зависимости деятельности ученого от внутренних целей, задач науки и функционирования ее как социального института, а также изначально содержит необходимое, понятное допущение, согласно которому «идеальные» нормативные установки и реальная деятельность ученых объединяются совсем не «идеально». Однако необоснованно упрекать раннего Мертона в том, что он будто бы вообще не видел этого факта и что его вразумили лишь критики[1]. Есть еще одно важное обстоятельство, относящееся не только к Мертону или к материалу по социологии науки, но и вообще к природе норм, идеалов, общих целей и ценностей любой сферы деятельности.

Проблема противоречивого взаимодействия норм, идеалов какой-либо деятельности (здесь: научно-исследовательской) и самой этой деятельности во всей ее реальной конкретике стара, как мир, стара, как стары культура и философия. В зарубежной и отечественной литературе, в частности посвященной науке, проблема эта в исследуемый период разрабатывалась (как ранее упоминалось) достаточно глубоко и последовательно. Ясно, если не банально, что при общем, изначальном формулировании каких-либо норм *разработка их в качестве «идеальных», «чистых» является обязательной, ничем не заменяемой предпосылкой*. В свете этого было бы нелепо, противоестественно предполагать, будто Мертон, когда он вознамеривался создать *систему норм науки*, должен был с самого начала поставить свое исследование исключительно на почву изучения всех сложных контекстов, ситуаций реального поведения ученых. Поскольку при изучении любых норм общего или более конкретного характера надо — как бы по определению — начинать именно с идеальных, потому и нормативных требований. Что для своей области вполне обоснованно сделал ранний Мертон. И он осуществил это, опираясь на достаточно глубокое понимание *философии норм*. Произошло это совсем не случайно. Я не могу вникать сейчас в релевантный теме вопрос о довольно высокой *философской* культуре тогдашней мировой, в частности американской, социологии, что можно видеть на примере Т. Парсонса, П. Сорокина, П. Лазарсфельда, Ч. Р. Миллза и многих других социологов, в частности, эмигрировавших из Германии (они, кстати, были друзьями, коллегами Мертона). Да и философская грамотность самого Мертона была достаточно хорошей.

---

[1] Считаю верным следующее возражение мертоновским критикам, которое приводит Е. З. Мирская: «С начала 70-х годов возникают первые возражения. Наиболее распространенный метод критики заключается в том, что оппоненты последовательно разбирали основные нормы научной деятельности и набором примеров показывали их несоответствие реальной практике ученых... Однако такая критика непродуктивна, ибо она не принимает во внимание характер норм: это не статистически наблюдаемое поведение в науке, а его образец, „идеал“. У. Хирш в свое время трактовал мертоновский набор императивов как „правила игры“, которые устанавливает наука для тех, кто избрал себе эту сферу деятельности. Всегда находятся „игроки“, которые пытаются не соблюдать эти правила, однако на достаточно длинной дистанции нарушители оказываются отстраненными от игры, а правила действуют по-прежнему» (*Мирская Е. З.* Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки. М., 1988. С. 50).

Когда речь шла о нормах, идеалах научного исследования, общая культура понимания нормотворчества, которая традиционно шла от философии, была благоприятной предпосылкой. Например, было совсем небесполезно учитывать опыт кантовской мысли. Во всяком случае, Кант сначала строго и неуступчиво формулировал принципы, «категорические императивы» (прежде всего морали и права) (Соловьев, 2005: 52). И когда Мертон особо, в «чистом виде», выделял *аспекты необходимого, должного* в научно-исследовательской деятельности, и когда исходил из того, что институт науки интериоризирует нормы как раз в силу внутренней их необходимости, обязательности для осуществления главной функции науки, а именно добывания проверяемых, доказуемых, то есть «истинных» знаний, — то действовал совершенно правильно, в духе Канта и других гениальных теоретиков нормативной культуры человечества. Вот почему я полагаю, что «классический» характер мертоновской концепции был обусловлен глубоким (правда, недостаточно эксплицированным) пониманием им природы норм и нормативно-ценностного творчества, глубоко запечатленной в классической философии.

Но подобно тому, как Кант в этике разграничил и *по отдельности исследовал* сферу поступков «истинно моральных», согласуемых «только» с должным, и поступков «легальных» (то есть по внешнему облику «нормативных», а на деле подчиняющихся изменчивой «материи желаний»), Мертон, запечатлев нормы науки как сумму требований необходимого, должного (и для науки, и для общества), зафиксировал: *реализация* норм в сфере действительной, повседневной деятельности ученого должна являть собой специфические, весьма многообразные и противоречивые черты, и это вторая, после нормативной, система исследовательских шагов применительно к общему исследованию норм науки. Проверке этого подхода и были посвящены работы Мертона и его школы в 1950–1970-х годах. К их анализу мы теперь и переходим.

Идеи Мертона и его школы в 1950–1970-х годах

В работах 1950–1970-х годов Р. Мертон стремился рассмотреть деятельность ученых уже как более конкретную и реальную, связанную с их повседневным поведением. Ибо только такую деятельность можно было сделать объектом конкретно-социологических подсчетов, наблюдений, сравнений, рекомендаций, чего настоятельно требовало социальное развитие в эпоху НТР. И вот эта сфера ориентаций и поведения предстает как проникнутая противоречиями, колебаниями между различными и даже прямо противоположными нормами.

После рассмотрения институциональных норм науки (а они в ценностном отношении могли вызывать лишь одобрение и уважение), движимые, как говорилось, необходимостью более подробно анализировать *реальное поведение конкретных ученых*, Р. Мертон и социологи его школы досконально изучили целый ряд специфических для науки нормативно-ценностных проблем. Например, анализировался вопрос о приоритете в науке — главным образом в свете острых, подчас драматических споров о приоритете, в которые порой были втянуты и выдающиеся ученые. По сути дела, Р. Мертон пришел к выводу, который сначала не был выражен резко и четко, но определенно вычитывался из ряда его работ: в сфере науки, в рамках этого

специфического института, господствует жесткая конкуренция, возникают споры и конфликты, в частности по поводу приоритета. Вместе с тем, проблема норм не была устранена из сферы анализа. Ведь стремление к утверждению приоритета диктуется существом и даже конкретными нормами научно-исследовательской деятельности: приоритет есть осевой стержень системы вознаграждения — поощрения (reward system) в науке. Но конкуренция, борьба, часто неприглядная по своим средствам, тоже, увы, неотъемлема от науки. (Это Мертон неоднократно подчеркнет и в поздних работах.) К ней надо привыкнуть, и не следует заниматься морализированием. Но все же вопрос о нормах встает по-новому. Ибо позволительно спросить: как же обстоит дело с «универсализмом» и «коммунизмом» — этими, казалось бы, незыблемыми институциональными нормами науки и внутренними критериями поведения ученого?

Стремясь к описанию реального поведения ученого, Р. Мертон формулирует ключевое — по сути своей уточняющее — понятие *амбивалентности*. Это весьма интересный пункт концепции (хотя, как мы увидим, и здесь вновь возникают трудности, аналогичные только что сформулированной).

Рассмотрение институциональной обусловленности деятельности ученого, полагает Р. Мертон, заставляет ввести понятие *социологической амбивалентности* (sociological ambivalence). При этом речь идет о поведении, поскольку оно определяется не одной нормой и даже не четырьмя общими критериями (универсализм, «коммунизм», незаинтересованность, организованный скептицизм), а совокупностью различных *более конкретных нормативных принципов*, нередко расшифровывающих основные нормы системы CUDOS; они объединены в пары прямо противоположных норм. Ибо поведение ученого — таково содержание мертоновской идеи амбивалентности — не определяется однозначно некоторой нормой из целостной совокупности; ученый «колеблется», точнее пребывает в напряжении, в состоянии выбора между полюсами нормативных противоположностей.

Чтобы оценить смысл и значение концепций амбивалентности, необходимо рассмотреть подробнее те пары норм, которые на данном этапе специально разбирает Мертон. В работе «Амбивалентность ученого» он рассматривает следующие 9 групп противоположных норм.

1. Ученый (в силу действия норм универсализма, «коммунизма») должен как можно скорее сделать полученные им новые знания доступными для своих коллег, но избежать при этом нежелательной тенденции — поспешности публикаций (ср. лозунг Фарадея: «Работать — оканчивать работу — публиковать» с лозунгом Эрлиха: «Много работать — мало публиковать»).

2. Ученый не должен становиться жертвой интеллектуальных фантазий — тех модных идей, которые возникают лишь на время и обречены на вымирание, но должен быть восприимчивым, чутким к многообещающим новым идеям; он не должен считать себя всего лишь хранителем интеллектуальных традиций.

3. Новое научное знание должно получать (высокую) оценку, но ученый должен работать, не обращая (слишком сильного) внимания на оценки других.

4. Ученый должен повышать требования к новым знаниям, пока они находятся вне пределов дискуссии, но он должен защищать уже разработанные новые идеи и открытия, невзирая на то, сколь велико противодействие (ср. научное кредо Янга: «Я не хочу поспешности в опрометчивых заключениях» с лозунгом Пастера: «Не

бойтесь защищать новые идеи, даже наиболее революционные»). (Здесь Мертон по существу говорит о норме «оригинальности», позднее добавленной им к CUDOS.)

5. Ученый должен делать все возможное, чтобы знать относящиеся к его области работы предшественников и современников, но слишком большое внимание к ним, эрудиция как таковая вряд ли удовлетворяют требованиям творческой работы.

6. Ученый обязан уделять скрупулезное внимание формулировкам и деталям, но он не должен быть слишком изощренным педантом, в угоду формальной строгости забывающим о содержании.

7. Научное знание универсально, оно не принадлежит ни одной нации, но всякое научное открытие делает честь нации, которая ему благоприятствовала.

8. Ученый должен признавать, что его первейшая обязанность — воспитывать новое поколение ученых, но он не должен допускать, чтобы обучение отнимало всю его энергию, необходимую для получения нового знания. (Фарадей никогда не учил молодых так, как его самого учил Дэви, и часто критиковал тех, кто предпочитает обучение исследованию.)

9. Для молодого ученого нет большего счастья, чем учиться у выдающегося мастера научного труда, но он должен стремиться стать самим собой, приобрести автономию и не довольствоваться тем, чтобы оставаться тенью великого человека. (Достаточно вспомнить «амбивалентность» поведения Кеплера по отношению к Тихо Браге и т. п.)

Нельзя не заметить, что речь фактически идет о поведении, действии ученых после, вне и наряду с процессами научного исследования. И здесь есть свои нормы, пусть и неоднозначные.

Подытожим, о каких амбивалентных нормах идет речь в перечне Мертона:

— противоречивое отношение к скорости опубликования новых результатов (то есть приоритету);

— осторожное отношение к интеллектуальной моде, но восприимчивость к новым идеям;

— внимание к оценкам новых идей, но стремление к независимости от колебания оценок;

— необходимость тщательного выбора момента, когда идеи могут стать предметом обсуждения, но в случае, если они уже стали предметом дискуссии, умение защищать разработанные идеи;

— постоянное ознакомление с работами других ученых, но понимание того, что наука не тождественна эрудиции;

— тщательное отношение к формулировкам и деталям, но не пустой педантизм;

— всеобщность знания, но гордость нации за достижения науки;

— участие в обучении молодых, но не в ущерб научным исследованиям;

— зависимость молодых от учителя, но их стремление к интеллектуальной автономии.

(Понятно, что к мертоновскому перечню можно, в принципе, добавить и другие пары подобных более конкретных норм.)

Р. Мертон описывает пары норм в императивной форме (ученый «должен» или «не должен»). Обсуждаются, согласно Мертону, такие нормативные критерии, которые порождаются специфическими условиями науки как социального института и в то же время *реально* заданы личности, ибо *фактически* стимулируют, детерминируют ее поведение. Сама по себе идея об амбивалентности, противоречивости,

напряженности, порождаемой ориентацией на противоположные нормы, представляется верной. Если речь идет о реальной деятельности ученого, о ее формировании, развитии и преобразовании, то, скорее всего, справедливо утверждение, что определенная нормативная тенденция действует на ученого не однозначно, прямолинейно и бесконфликтно, а через противоречия, столкновение нормативно-ценностных ориентаций и напряженный выбор, осуществляемый личностью.

Нельзя также не согласиться с тем, что перечисленные Мертоном проблемы нормативного выбора, амбивалентности в большей степени вводят нас в реальный мир поведения ученого, его разноплановых ориентаций и разносторонней, многоаспектной деятельности. Можно сказать, что принцип амбивалентности применим и к другим сферам человеческой деятельности, поскольку она регулируется нормами, принципами, вырабатываемыми для этих сфер.

Конкретная идея «амбивалентного механизма» иллюстрируется у Мертона при помощи материалов о приоритете, причем споры о приоритете, о которых он писал ранее (в 1957 году), теперь приводятся в связь с проблемой противоречивого, сложного, конфликтного выбора, осуществляемого ученым. В статье “Singletons and Multiples in Science” (Merton, 1973: 343–370) Р. Мертон собрал большой фактический материал из прошлой и современной истории науки для доказательства довольно простой мысли: одно и то же (или родственное) открытие в силу единой логики развития научных дисциплин может быть одновременно сделано и часто делается в разных местах различными авторами. Поскольку же сама наука как социальный институт делает сильнейший акцент на оригинальность, признание открытия другими (это тоже норма, требование, стимул, ценность), то создается предпосылка для остро конфликтной, стрессовой ситуации. Ученому трудно смириться с тем, что его собственный, претендующий на оригинальность вклад в науку, результат многолетнего тяжелого труда — только повторение или дублирование чьего-либо открытия. (Наблюдать такие ситуации для социолога важно и полезно, считает автор теории «аномии»: «отклоняющееся» поведение в состоянии стресса позволяет понять и некоторые другие, более нормальные ситуации.) В результате: секретность на ранних стадиях работы сменяется резким конфликтом в связи с приоритетом; потоки поспешных, незрелых публикаций предназначены для того, чтобы «застолбить делянку» и непременно «быть первым» (Merton, 1973: 80–81). «Все это, я полагаю, — пишет Мертон, — нормальный ответ на плохую интегрированность института науки, так что мы можем лучше понять, почему в моделях американского „человека науки, увенчанного наградами“, „личное любопытство“ как стимул его труда часто соседствует с „конкуренцией“» (Merton, 1973: 80–81).

Такого рода высказываний, выводов в работах Р. Мертона немало. От описаний исторических примеров внутренних конфликтов ученых, их споров о приоритете (например, известных разногласий Лейбница и Ньютона по поводу открытия дифференциального исчисления) Мертон прямо переходит к современным случаям, взятым из практики американской науки. Тогда он с большой убедительностью пишет об острейшей конкуренции, погоне ученых за престижем, влиянии карьерных соображений, стремлении к более высокому «социальному статусу» и т. п. Порою Р. Мертон в самой общей форме утверждает мысль о связи этих явлений с социальной системой. Однако тщетно искать в его работах сколько-нибудь обстоятельный социологический анализ, вскрывающий связи и взаимозависимости между ориентациями ученых и характером социальной системы (например, капиталистического общества).

Когда Р. Мертон в ранних работах рассматривал особенности «этоса» науки, претендуя на исследование институциональных норм, то его размышление нередко было абстрактно-философским, социально-философским, по сути дела повторяющим идеи, высказанные много раньше мыслителями Нового времени. Мы отнюдь не хотим сказать, что философское размышление об ориентациях ученых, принимающее во внимание в основном проблему истинного знания, не имеет значения. Напротив, оно имеет теоретическое значение и исторический смысл — более глубокий, чем это выразилось в работах по социологии науки. Но ведь Мертон претендовал на то, что рассматривает *институциональные нормы*, то есть нормы, обусловленные развитием науки в обществе, общением людей в процессе научно-исследовательской деятельности. Такой анализ в его полноте не был осуществлен в ранних работах американского социолога. Исследование почти не выходило на социологический уровень. Это произошло позже, в 1960–1970-е годы.

Прежде чем проанализировать работы этого этапа, хочу поставить — в виде резюме к предшествующему рассмотрению — общий вопрос: устарела ли мертоновская концепция норм науки? На него я отвечаю (в целом) отрицательно: нет, концептуальная парадигма не устарела и не отброшена. Считаю, что социология науки сегодня и в будущем имеет все основания *положить в основу своих концепций*, обращенных к этой теме, *мертоновскую парадигму*. Что в принципе соответствует исторической реальности развития науки вообще, в которой любые сильные парадигмы, *центральные* для определенного периода (не навечно, конечно), ни тогда, ни тем более позднее не воспринимаются буквально, неизменно, некритически; но объективные, поверенные — именно «парадигмальные знания» — не отбрасываются и тогда, когда иные парадигмы («неклассические» по отношению к первым) приходят им на смену. Кстати, в социологии науки другие парадигмы, по-моему, пока не просматриваются. (О чем скромно говорил сам Мертон: в социологии науки, по его мнению, не вырос свой Эйнштейн, потому что в ней еще не было своего Галилея). Более того, Мертон предлагает *критические* замечания, уточнения, указания на слабые места и трудные проблемы. Иными словами, здесь тоже соблюдается норма организованного скептицизма. Однако не только она, а целый ряд внутринаучных эвристических норм, которые касаются оценки, использования подтвержденных, признанных научных теорий, сохраняют свою значимость *и при условии* их продолжающегося критического уточнения, даже перехода на другой (скажем, постклассический) этап научного развития. Ведь и законы Ньютона, сохраняя ядро знаний, выработанных «первым» и «главным» автором, в дальнейшем развитии науки, как известно, дополнялись и даже модифицировались, однако на следующих, в том числе неклассических, этапах развития не были «отменены». Правда, некоторые авторы, например Н. Сторер, предсказывали: когда-нибудь в самой социологии науки произойдет миниатюрная «научная революция», и она утвердит какие-то иные парадигмы (что такой «революцией» не стала и не могла стать концепция антинорм, будет показано впоследствии).

Итак, возникает вопрос: что же действительно произошло с теорией норм науки уже после того, как она была развита и предъявлена коллегам и публике?

Обращу внимание на следующие обстоятельства, которые, кстати, демонстрируют самокритичность Мертона и его готовность так или иначе учитывать замечания критиков.

1. Среди критических замечаний были *терминологически-лингвистические*. Так, рано стали говорить, что, скажем, обозначение одной из норм словом «коммунизм»

неудачно, ибо оно, как известно, приобрело иное опорное значение. В принципе замечание было правильным. Но здесь, как и в ряде других случаев, легче было сделать замечание, нежели найти другой термин, более удачный, приемлемый для спорящих сторон. Были предложены другие обозначения для той же нормы. Б. Барбер вместо термина «коммунизм» предложил «коммунализм» (communalism). Мертон, кстати, сам признавал, что термин «коммунизм» в данном контексте совсем не идеален, тем более что маккартизм сделал его употребление опасным. (О других терминологических затруднениях, например с понятиями «незаинтересованность» или «организованный скептицизм», говорилось ранее). Однако вновь предложенные термины не привились. И не случайно. Здесь есть своего рода «закон», относящийся к научной (и не только научной) терминологии. Вспомним о термине «атом», что по-гречески, как известно, означает «неделимый». Сразу после того, как обнаружилась делимость того, что назвали атомом, о неадекватности термина заговорили, но «отменять» его уже было поздно. Нечто подобное случилось с мертоновскими обозначениями норм системы CUDOS: *они все-таки закрепились скорее в первоначальных обозначениях, причем вместе с* достаточно *ясными рационально-логическими пояснениями*.

Среди работ мертоновцев 1950-х годов, уже содержавших другие уточнения, стоит упомянуть произведения того же Б. Барбера — его книгу «Наука и социальный порядок» (1952), которую теперь также причисляют к «классике» социологии науки. Цель Барбера состояла, с одной стороны, в подкреплении основоположений мертоновской концепции норм науки, а также в особом прояснении ценностных, в частности моральных, регулятивов научной деятельности. С другой стороны, Барбер внес некоторые критические уточнения в фундаментальную концепцию учителя. Одним из главных мотивов обновления стало стремление придать всей концепции, которая была осознана как «социальная *статика* норм науки», более динамический характер (сам Мертон, написавший прекрасное предисловие к книге Барбера, и другие члены группы фактически признали это правильной идеей). Кроме того, оставив без изменения нормы и термины «универсализм» и «незаинтересованность» и изменив неудобный термин «коммунизм» на «коммунализм» (communalism)[1], Барбер предложил добавить также другие нормы: «индивидуализм» (принимающий форму антиавторитаризма); «вера в моральную добродетель рациональности» и «эмоциональная нейтральность». Дальнейшая история показала, что предложения Барбера, при их внешней оправданности и замеченности со стороны специалистов, в целом не были приняты. Правда, поправку — «коммунализм» вместо «коммунизма» — некоторые авторы приняли, особенно, как показывает Н. Демина, в 1950-е годы, в период маккартизма, когда само слово «коммунизм» в США стало неудобным по идеологическим причинам (Демина, 2008: 163). Итак, поправки не закрепились. И понятно почему. Во-первых, «коммунализм» — слово, в данном контексте еще более неудобное, чем «коммунизм» (по противоположной причине — оно не общеупотребительное). Во-вторых, некоторые из них так лапидарно сформулированы, что с ними трудно согласиться. Так, термин «индивидуализм» (верно фиксировавший неотменимую роль ученого как индивидуальной личности)

[1] Е. З. Мирская в данном контексте предлагает термин «коллективизм», но мне лично он кажется не более походящим, чем «коммунизм» — оба сильно перегружены своими специфическими значениями.

как бы «побивал» норму «коммунизма» и т. д. Другие же добавленные Барбером нормы носили скорее характер частных дополнений-расшифровок, каковых можно было бы сделать немало. Перед ними обобщающие, лапидарные формулировки и расшифровки Мертона имели куда больше преимуществ.

Но даже сам Мертон, как бы уступая ученикам и критикам, в 1957 году добавил к своей системе норм еще две — оригинальность (originality) и скромность (humility) (так что в научной литературе дополненную систему CUDOS порой называют CUDOS+). Правда, это тоже выглядело прибавлением, прояснением частностей — пусть возможным, но совсем не необходимым для ядра концепции. В дальнейшем при формулировании оснований концепции эти и подобные добавления, в сущности, не прижились и тем более не привели, по моему мнению, к опровержению или существенному изменению концепции, обозначенной как CUDOS.

Далее для доказательства справедливости этих оценок я захвачу не только 1950–1970-е годы, но и более поздний период, чтобы кратко разобрать вопрос о том, стали ли таким эффективным опровержением концепции Мертона *учения об «антинормах» науки*. Имеются в виду конструкции, предложенные Р. Богуславом (1968), И. Митроффом (1974) и С. Фуллером (1997)[1].

Сходство между этими концепциями заключается в том, что генетически, *по происхождению*, они имели своим источником как раз теории Мертона, Барбера и др., однако своей задачей ставили не подтверждение, а наоборот, противопоставление каждой из норм системы CUDOS+ и всем им в совокупности прямо альтернативных норм, или *антинорм*. Так, Р. Богуслав противопоставил «коммунизму» miserism, расшифровывая это понятие как стремление ученых единолично владеть знаниями (то же у И. Митроффа); С. Фуллер в данном случае употребил слово mafiosism, имея в виду «мафиозность» отношений в науке. «Универсализму» были противопоставлены «партикуляризм, этноцентризм» (Р. Богуслав, И. Митрофф), «культурный империализм» (С. Фуллер); «незаинтересованности» — напротив, «заинтересованность» (Р. Богуслав, И. Митрофф), «оппортунизм» (С. Фуллер); «организованному скептицизму» — «организованный догматизм» (Р. Богуслав, И. Митрофф), «коллективную безответственность» (С. Фуллер). Кроме того, с учетом дополнений Мертона и Барбера «оригинальности» противопоставляется «лимитированная оригинальность» (Р. Богуслав), а «эмоциональной нейтральности» (Б. Барбер) — «эмоциональная вовлеченность» (И. Митрофф).

Концепции антинорм науки и их отношение к мертоновской социологии науки

Концепции антинорм науки появились не случайно. Как мы видели, идеи Мертона и его школы (и в их ранних, и в более поздних вариантах) сначала рождались на волне необходимой, благородной защиты науки, ученых от гитлеровской политики, а потом — в эпоху развернувшейся научно-технической революции — отражали *высокие и светлые ожидания* общества, возлагаемые на научно-технический прогресс.

[1] Краткое изложение их в виде удачной таблицы см.: *Демина Н. В.* Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки. М., 2008. С. 156–157.

А концепции антинорм воплотили в себе накапливавшиеся в обществе, мощно прорвавшиеся в 1968 году (когда, кстати, вышла книга Р. Богуслава) и далее закрепившиеся *разочарования* в науке как определенном социальном институте, в поведении ученых как *реальных* субъектов особых социальных групп. Итак, социально-историческая, в том числе ситуационная, обусловленность соответствующих акцентов, концептуальных поворотов в обоих случаях отчетливо выявляется, когда мы конкретно анализируем развитие социологии науки в свете социологии познания.

С теоретико-идеологической точки зрения оправданность и значимость концепций антинорм науки заключается в том, что она вскрывает совсем не благостную картину *реального поведения* ученых, в том числе и в сферах научного поиска, а также многие противоречия, трудности в *действительном функционировании института науки*. Отмеченные поправки были связаны с постановкой действительно важных проблем, отчасти с дополнениями (по крайней мере) к ранней социологии науки, в которой господствовала мертоновская парадигма. Но те авторы, которые полагают, будто именно формулирование антинорм привело к опровержению мертоновской парадигмы и как бы поставило на ее место в социологии науки названные антинормы, по-моему, серьезно заблуждаются и с проблемно-содержательной, теоретико-методологической, и с историко-фактической точек зрения.

Мои аргументы здесь таковы:

1. Полная зависимость этой *негативной* (анти)концепции от (в некоторой мере) *позитивной* мертоновской теории совершенно очевидна: каждая норма — просто антипод мертоновской нормы даже по главным названиям-обозначениям, не говоря о содержании.

2. Частичная (но только и именно частичная) оправданность таких антиремарок и антиформул имеет место лишь в случаях замеченных (в том числе самими мертоновцами) и доказанных терминологических и содержательных пробелов учения Мертона, но не в случаях, когда просто предлагаются замещающие термины. Пусть мертоновский термин «незаинтересованность» в целом не вполне удачен, но и предложенное понятие «заинтересованность», как его расшифровывает Богуслав, тоже вряд ли приемлемо, ибо у последнего речь идет главным образом о заинтересованности ученых в прибыли, вознаграждении и признании. (Кстати, у Мертона и в мыслях не было отрицать такую заинтересованность; он и его ученики, как мы увидим далее, посвятили всем таким темам обстоятельные исследования.)

3. Что касается вообще расшифровки *негативных сторон* поведения ученых и реальной деятельности института науки, то еще до Богуслава, *задолго* до Митроффа и тем более Фуллера их наиболее масштабно, честно, требовательно *зафиксировали... как раз Р. Мертон, ученые его школы и сторонники CUDOS* в многочисленных конкретных исследованиях (о некоторых уже шла речь; о других мы будем подробно говорить в следующем разделе). Если иметь в виду сказанное в первом и втором пунктах, то можно сделать предварительный вывод: концепции антинорм по существу *не вносят принципиально нового проблемного и информативного содержания по сравнению с мертоновским учением*, как оно сформировалось уже к началу, а особенно к концу 1970-х годов. Еще сомнительнее обстоит дело, когда мы учитываем ранее обозначенные центральные функции теории CUDOS как нормативного учения, которое (как показано выше) обязано формулировать нечто «идеальное»: что *должны делать* ученые и вокруг каких принципов *следует* объединяться институту науки. Эту функцию мертоновская концепция выполнила и даже перевыполнила,

ибо, как мы видели, наряду с чисто позитивными принципами дóлжного в ней было «альтернативно» упомянуто о предупреждающих, остерегающих функциях и акцентах норм, показывающих, чего *не следует, не дóлжно* делать ученым и науке в строгом смысле этих слов (а ведь в рамках института науки могут действовать также и люди, которые вообще не имеют отношения к добыванию истинных знаний).

4. Мы показали также, что Мертон разработал наряду с чисто нормативным учением и теоретическую, а потом конкретизированную на уровне практической социологии концепцию, демонстрирующую, по крайней мере, *противоречивость, амбивалентность*, неоднозначность *реального поведения* ученых и *действительного* функционирования института науки по ряду существенных для нее измерений и параметров. С теоретико-методологической точки зрения концепция антинорм была, по моей оценке, *шагом назад*, ибо ее создатели в критическом запале изобразили это поведение одномерно, однозначно, притом сугубо негативно (подобное изображение, кстати, было бы неверным по отношению к любому открыто функционирующему социальному институту, а не только к науке).

При изучении концепций антинорм мог возникнуть и до сих пор не устарел весьма существенный вопрос: как же индивиды, ориентированные исключительно или по преимуществу такими, с позволения сказать, «нормами», как «мизеризм», корыстолюбие, догматизм, «мафиозность», способны производить — и ведь исправно производят! — объективное, подтверждаемое, именно всеобщее знание? На почве подобных анти-концепций ответ давался, но после разоблачающего пафоса выглядел весьма неубедительным. Правда, шумный пафос разоблачения всегда производит особый эффект. Вот почему у целого ряда авторов (конечно, далеко не у всех) и сформировалась идея о «провале» мертоновской парадигмы социологии науки — учения о нормах науки. А все-таки атака «антинормативистов» захлебнулась, и не случайно.

Более интересен взвешенный современный материал — например, подтверждающие-корректирующие работы Дж. Зимана (J. Ziman), который признает, что концепция Р. Мертона «представляет „наилучшую теоретическую рамку“ для понимания сути академической науки, производящей „знание, которое мы называем *чисто научным*“». Это с одной стороны. С другой же стороны, Зиман выступил за модификацию мертоновских норм применительно к «неакадемическим» областям и институциям научной деятельности. Имея в виду особенности этих структур, Зиман предложил модифицированную и дополнительную нормативную систему PLACE. Ее нормы: P — proprietary work, то есть акцентирование *права собственности*; L — local work, то есть необходимость решения *локальных* задач; A — authoritarian work, то есть особая, «начальственная» система управления в ряде научных областей; C — commissioned work, то есть *работа на заказ*; E — expert work, то есть *решающая роль групп экспертов* (Демина, 2008: 159, 160). В самом деле, конкретизация, модификация норм применительно к различным разновидностям научно-исследовательской деятельности нужна. (И не случайно подобная конкретизация и стала одной из точек роста конкретной социологии науки в последние годы.) Но она в целом не противоречит мертоновской парадигме и уж во всяком случае не отменяет ее. Небезосновательна и идея Зимана о том, что парадигма Мертона стоит ближе к «академическим» формам, областям научного труда и лучше коррелируется с жизнедеятельностью соответствующих типов ученых, занятых по преимуществу именно в академической науке, чем сфер, где наука становится бизнесом.

В целом же я думаю, что сегодняшним объективным результатом развития социологии науки все-таки является подтверждение очень высокого — по моей оценке, «классического» — статуса мертоновской концепции норм науки. Из чего, конечно, не вытекает никакой ее догматизации с моей стороны или со стороны тех, кто дает оценку, сходную с только что высказанной. Есть пункты, в которых, как я пыталась показать уже в ранних своих работах, обнаруживается необходимость серьезного критического дополнения к тому, что сделано Мертоном, его учениками и последующими критиками. Одну линию дополнения обнаружила сама эта школа (хотя не только она), когда предложила целую *массу первоклассных конкретных работ по социологии науки*, в которых, разумеется, уже нельзя было не осуществлять тщательный анализ поля реального поведения ученых, реальной практики функционирования института науки, но в которых (скажу, забегая вперед) мертоновцам также удалось доказать, что — при всей противоречивости реального опыта — нормы науки не только действуют, но даже *не могут не проявлять свою власть*, во всяком случае там, где удается реализовать главные цели и задачи науки, то есть добывать знания, которые мы имеем обыкновение именовать «истинными». Но сопряжение «идеальных» норм и реальности действия, поведения оказывается самым проблемным, трудным как для самой науки, так и для ее осмысления в социологии науки, что попытаюсь показать ниже.

Далее перейдем к анализу конкретных исследований Мертона и его школы в 60–70-е годы XX века.

Конкретные исследования западной социологии науки

Постановка проблемы

Целостное освещение данной темы в рамках нашего исследования невозможно. Ограничимся следующими задачами: 1) покажем, в каком социальном и исследовательском контексте развивалась конкретная социология науки; 2) дадим общую характеристику теоретического значения ряда работ 60–70-х годов XX века для развития мертоновских концептуальных парадигм; это значение представляется оправданным видеть в их подкреплении, уточнении, обогащении; 3) покажем, как параллельно расширяется исследовательское поле социологии науки, вводятся новые темы, проблемы, методы.

В работах и самого Мертона, и ученых его школы в 60-х, 70-х, 80-х годах XX века исследования часто выходили именно на уровень *конкретной социологии науки*, обладая вместе с тем немалыми теоретическими достоинствами. Надо отметить, что весьма благоприятным фоном, а часто и подспорьем для социологии оказывались исследования в уже названных ранее сопредельных областях. Так, большое значение приобрела работа Т. Куна «Структура научных революций». В 1963 году вышла в свет знаменитая книга Д. С. Прайса «Малая наука, большая наука» (в 1966 году она уже имелась в русском переводе). Широко развернулись исследования, в том числе и социологические, в востребованной капиталистическими, а также и социалистическими государствами сфере science policy, то есть политики по отношению к науке. В эти же годы сильным потоком прорвались работы, в которых придирчиво исследовались предпосылки, возможности и препятствия для развития

науки именно в условиях капитализма; высокого уровня в капиталистических странах достигло изучение общественного мнения по отношению к науке, в том числе и изучение протестных мнений самих ученых.

Изучению и осмыслению такого рода зарубежной литературы были, кстати, посвящены основательные работы отечественных ученых, науковедов, страноведов, философов. В связи с этим позволю себе личное замечание. В 1970–1980-е годы я плотно занималась и этими аспектами проблематики науки, science policy, продолжая анализировать социологию науки, что получило отражение во второй части моей книги «Наука и ученые в условиях современного капитализма» (1976) и ряде других публикаций, посвященных политике США в отношении науки. В то время, кстати, это позволяло находиться на переднем крае дискуссий по означенной проблематике.

Ряд отечественных специалистов на очень высоком уровне освоили и сообщили нашим читателям о наиболее важных достижениях различных — новых тогда — дисциплин. Хороший обзор этого этапа конкретного исследования науки со стороны разных дисциплин (науковедения, социологии науки, в частности социологии организации науки и управления ею и т. д.) дали отечественные авторы А. А. Игнатьев[1], С. Д. Хайтун, Э. М. Мирский, Б. Г. Юдин — особенно объемно в более поздней книге «Современная западная социология науки» (1988), которую считаю лучшим, до сих пор не превзойденным критическим отечественным трудом на данную тему. Можно рекомендовать эти обобщающие работы тем, кто хочет представить в едином контексте одновременные, так или иначе увязываемые самой логикой понимания науки исследования и усилия известных авторов — П. Лазарсфельда, Т. Куна, М. Полани, Д.С. Прайса, Д. Пельца и Ф. Эндрюса, А. Койре, Д. Блура, Ю. Гарфильда, А. Мидоуса, Д. Крантца и Н. Маллинза, Т. Алена и его группы, Д. С. Лонга, К. Кнорр-Цетины, Д. Линдсея, К. Стадера и Д. Чубина, Г. Смола и др.

В дальнейшем анализе главное внимание будет сосредоточено на конкретных и одновременно теоретических исследованиях самого Мертона. Из мертоновских исследований тоже придется выделить только те, которые — по прошествии целых десятилетий — кажутся и наиболее глубокими в теоретическом отношении, и не утратившими практической актуальности.

Проблемы приоритета и множественности открытий

Среди самых ранних конкретных исследований Мертона уже упоминавшиеся работы 1950–1960-х годов: “Priorities in scientific discovery: a chapter in the sociology of science” — «Приоритеты в научном открытии: глава по социологии науки» (1957); “Singletons and Multiples in scientific Discovery” (перевести непросто: речь

[1] Например, в статье А. А. Игнатьева «Полевые исследования исследовательского труда: эволюция проблем и методов» (См. в кн.: Современная западная социология науки. М., 1988. С. 120–161 (с превосходной библиографией)) дается, в частности, хорошо обоснованная оценка вклада в конкретную социологию науки принадлежавших к школе Мертона ученых. (Например, это анализ исследований У. Хэгстрома, который в начале 60-х годов — почти одновременно с куновской чисто отсылочной апелляцией к научному сообществу — разработал многостороннюю социологическую концепцию такого сообщества.) Далее при упоминании работ других социологов школы Мертона, мы также кратко скажем об их оценках отечественными учеными.

идет о единственном и множественных, параллельных научных открытиях, 1961) и “Resistanse to the systematic study of multiple discoveries in Science” (Merton, 1963: 237) — «Сопротивление по отношению к систематическому изучению множественных (параллельных. — *Н. М.*) открытий в науке».

Мертон обратил внимание своих читателей на двойной факт, подтверждаемый «тысячью примеров»: речь идет а) об «одновременности» или параллельности, словом — о множестве (multiple) открытий, сделанных в науке разными учеными независимо друг от друга, и о связанных с этим и вообще типичных для науки ожесточенных спорах ученых, научных школ о приоритете; б) о сопротивлении (resistance), которое с разных сторон оказывается по отношению к научному социологическому изучению такого рода открытий и споров вокруг них.

Мертон сослался на имевшуюся к тому времени литературу по вопросу о множественных открытиях, особенно на работы Уильяма Ф. Огборна и Дороти С. Томас, зафиксировавших, описавших 150 таких открытий (их работы появились еще в 1922 году). А отсюда — один из острых вопросов, который в данной связи поставил Мертон: почему понадобилось 40 лет для того, чтобы проблему стали основательно исследовать на конкретном социологическом уровне? Общий ответ и состоит в ссылке на отмеченный ранее факт сопротивления (resistance) и в его подробном исследовании.

Что для нас особенно важно: Р. Мертон использует данную, как бы специальную статью еще и для того, чтобы подвести итог своей предшествующей работе, а также деятельности его группы. Поэтому и в тексте, и в сносках (в произведениях Мертона всегда многочисленных) не упущена возможность упоминуть уже известные работы самого Мертона, а также Б. Барбера, Х. Закерман, Э. Барбер и целого ряда других авторов.

В первом разделе работы “Resistance...” Мертон подчеркивает *стратегическое*, как он говорит, одновременно теоретическое и практическое значение названных исследований для социологии науки и других изучающих науку дисциплин, а также для процессов управления научной деятельностью. Он фиксирует 8 пунктов, показывающих, как можно практически использовать и теоретически истолковывать данные социологические исследования.

1. Мертон видит здесь необходимое дополнение к распространившимся в его время психологическим и иным *осмыслениям «креативности в науке»*, сосредоточившимся главным образом на изучении деятельности *индивидов* и их способностей в эндопсихическом ключе. Здесь же, на уровне социологии науки, исследователи естественно «фокусируются на *интерперсональных отношениях*, в которые включены ученые в процессе их работы» (курсив мой. — *Н. М.*) (Merton, 1963: 240).

2. Вместе с тем в поле исследовательской работы должны включаться, по Мертону, такие вопросы, как приспособление новых концепций, методов науки к установившимся (в данной науке) традициям, формальной и иной организации творческой, продуктивной работы ученых.

3. Мертон поднимает далее важнейшую проблему «сообщества ученых» (the community of scientists) и применительно к началу 1960-х годов верно отмечает, что это понятие в литературе по большей части остается метафорой, а не оперативным концептом и потому нуждается в серьезном социологическом уточнении. Правда, именно в данной статье понятие «научного сообщества» во всей его полноте не разбирается, зато в целостном корпусе исследований самого Мертона и его учеников

(прежде всего У. Хэгстрома) это впоследствии делается. Но уже и в рассматриваемой работе Мертон проясняет следующий момент: сообщество ученых — это скорее дисперсное (рассеянное) в географическом смысле, чем только «географически компактный коллектив». Мертон заключает: «Робинзон Крузо в науке — такая же фикция (figment), как и Робинзон Крузо в экономике старого образца. Это иллюзия, порожденная той схемой мысли, которая требует от нас погружаться внутрь мыслительного процесса и тем самым целиком абстрагироваться от более широких социальных и культурных контекстов этих процессов» (Merton, 1963: 242).

4. Обращение к «множественным» (параллельным) открытиям, продолжает Мертон, помогает вскрыть и сходство, и различия между типами, отраслями науки. В определенной степени благодаря их сходству, подчеркивает социолог, мы можем привлекать к рассмотрению не только сходные логику, методы исследовательской мысли, но и сходство в «актуальном *поведении* ученых в каждом из главных подразделений науки», делая акцент на соответствующую социокультурную среду (environment) (курсив мой. — *Н. М.*) (Merton, 1963: 243).

5. Ключевое значение в исследовании интересующих его аспектов поведения Мертон приписывает тому «моменту», когда ученый «внезапно» узнает: открытие, которое он сделал в результате многолетнего труда, и, как он думал, сделал только (only) он — в то же или почти в то же время сделано другими учеными. Что это вызывает стресс, вряд ли можно подвергнуть сомнению. И вот *изучению поведения человека науки в состоянии такого именно стресса* Мертон и социологи его школы придали особое значение, ибо поведение это, как правило, оказывается «девиантным», то есть отклоняющимся, не вполне «нормальным» и, однако, совсем не беспричинным. Сильный толчок к нему, по Мертону, дает тот «патогенный акцент на оригинальность», который характерен для деятельности института науки и отдельных ученых (Merton, 1963: 244). (Почему такой акцент именуется «патогенным» и как это согласуется с добавленной самим Мертоном нормой оригинальности, мы обсудим впоследствии).

6. Еще один конкретный аспект, обсуждаемый Мертоном в рассматриваемой работе, связан с финансовой поддержкой, оказываемой науке и ученым как различными фондами, так и государственными органами, которые не поощряют «расточительного дублирования» при распределении денег. А значит, они заведомо негативно относятся к самой возможности «множественных» открытий. Между прочим, Мертон пишет, что подобную заботу о преодолении «расточительности» раньше всего проявили в «плановом хозяйстве» СССР, а уж затем «во внеплановой экономике Запада». При этом со стороны управляющих инстанций, фондов стали раздаваться призывы «улучшить коммуникацию ученых» и создать специальные гремиумы, функцией которых стала бы нормализация обмена информацией. Но не только «множественность» открытий попала здесь в поле зрения. Как было сказано в одном из документов, соответствующие гремиумы должны оградить ученых от стремления тех или иных исследователей воспрепятствовать продвижению рукописей, отчетов других ученых — на том только основании, что где-то делаются работы, по теме и результатам близкие к их собственным.

7. «Методологическое исследование множественности [открытий], — продолжает Мертон, — помогает нам развить социологическую теорию о роли научного гения в развитии науки. Эта новая теория порывает с ложной дизъюнкцией между героической теорией науки, которая приписывает гениям все базисные достижения,

и теорией среды (an enviromental theory), согласно которой без этих гениев, взятых вместе, можно было бы обойтись, и если бы их не было, положение дел сложилось бы так же, как с их участием» (Merton, 1963: 249). В обновленной теории, полагает Мертон, «гением» можно (условно) назвать такого ученого, открытия и теории которого, если бы они остались неизвестными его современникам, впоследствии все равно были бы сделаны, «переоткрыты», пусть не одним, а многими учеными.

8. Вот почему можно и нужно иметь в виду, считает Мертон, «терапевтическую функцию» рассматриваемых исследований.

Во второй части статьи Мертон более подробно характеризует важное для него понятие resistance — «сопротивление», взятое в разных взаимосвязанных значениях, прежде всего в виде сопротивления, оказываемого уже и исследованию множественных открытий. Из разъяснений Мертона вытекает, что такое сопротивление является своего рода закономерной, хотя и преувеличенной, подчас экстремальной реакцией отдельных ученых и их малых групп, которая вытекает *из неверного усвоения, понимания норм и принципов науки*, из неточного осознания ее социальной роли. «Такое сопротивление, — пишет Мертон, — является знаком неверной интерпретации социального института науки, которая подразумевает потенциальную несовместимость [некоторых] ценностей: среди них — ценность, приписываемая оригинальности, которая ведет ученых к тому, что они хотят, чтобы их приоритет был признан, и такой ценности, как скромность, которая заставляет их настаивать на понимании того, сколь малого они, в сущности, смогли добиться. Эти ценности, разумеется, не являются контрадикторно противоположными... но они вызывают противоположные виды поведения. Соединить эти несовместимости в единую ориентацию и примирить их на практике — вещь отнюдь не простая. Скорее мы должны теперь увидеть, что *напряжение между этими видами ценностей создает внутренний конфликт среди людей науки*, которые усвоили обе ценности. Вместе с другими факторами, такое напряжение порождает ощутимое сопротивление по отношению к систематическому изучению множественности открытий, а часто и по ассоциации напоминает конфликт, связываемый с проблемой приоритета» (курсив мой. — *Н.М.*) (Merton, 1963: 250). Мертон в изобилии приводит конкретные примеры такого «патогенного» сопротивления, взятые из литературы по истории науки.

Эта часть исследования Мертона представляется важным моментом дополнения и расширения его концепции норм науки. Подчас разговор о нормах, принципах, идеалах в философии и даже социологии склоняет соответствующих исследователей к парадному, что ли, разговору. И в ранней мертоновской концепции порой слышались подобные нотки. Не то у Мертона 1960–1970-х годов: он показывает, во-первых, что в конкретных процессах деятельности ученых *как раз ревностное следование интериоризированным нормам науки* — при условии их неточного, смутного или просто неверного («патогенного») толкования — *может привести к конфликтам между учеными, к фрустрациям во внутреннем мире тех или иных исследователей*. Во-вторых, выясняется, что особой трудностью является *согласование, прилаживание* друг к другу норм, ценностей, которые по отдельности приняты, интериоризированы учеными. В-третьих, когда социологи и другие специалисты в процессе *их* исследования привлекают внимание к таким больным точкам поведения, жизнедеятельности ученых, последние способны оказывать и часто действительно оказывают явное сопротивление подобным исследованиям.

На последующих страницах работы Мертон, кстати, нередко обращается к конкретному исследованию истории открытия психоанализа З. Фрейдом, от чего придется отвлечься.

Согласно Мертону, сложившиеся традиции отношения самих (исследуемых) ученых и исследователей науки тоже являются одним из доказательств упомянутого сопротивления. «Поведение коллег-ученых, включенных в споры по поводу множественных открытий и приоритета, скорее восхваляется или осуждается, чем анализируется. Оно оценивается морально, а систематически не исследуется» (Merton, 1963: 259).

В качестве примера и доказательства реакции первого рода приводится не «рядовое» мнение, а изречение великого Гёте, который с негодованием говорит обо всех этих «глупых спорах относительно более ранних или более поздних открытий, о плагиате и квази-воровстве» (цит. по: Merton, 1963: 260). При всем уважении к авторам подобных суждений Мертон не готов признать такие споры, коллизии простой «глупостью», в чем, я думаю, он совершенно прав. В подтверждение того, что эти и другие беспокойства ученых, поскольку они обусловлены восприимчивостью к нормам, ценностям, в том числе моральным, совсем не «глупость», а особенность действительного, притом разумного и обоснованного поведения отдельных людей, Мертон приводит выразительные слова выдающегося физика Дж. К. Максвелла: «То был крупный шаг вперед в науке, когда люди пришли к убеждению, что для понимания природы вещей они должны были задавать вот какие вопросы: является ли данная вещь хорошей или плохой, вредной или полезной, и какого рода эти вредность или полезность?» (цит. по: Merton, 1963: 260).

Если речь идет о спорах, коллизиях относительно приоритета, трудно, вообще говоря, отрицать, что здесь гнездится немало проявлений корыстного, морально непристойного поведения (об этих примерах у Мертона говорится подробно, в том числе и с упоминанием громких в науке имен). Да и вообще «разбирательствами» по поводу приоритета, плагиата и т. д., как известно, полна история науки. Что подтверждает правоту Мертона: сама проблема принадлежит к числу очень важных, коль скоро речь идет о реальном поведении ученых и, в частности, о том, какими противоречиями, амбивалентностями отмечены процессы усвоения, истолкования норм науки и адаптации по отношению к ним отдельных индивидов и групп ученых. «Почти всех, кто занимает прочное место в пантеоне наук, — это Ньютон, Декарт, Паскаль, Лейбниц или Гюйгенс, Листер, Фарадей, Лаплас или Дэви — время от времени можно было поймать на том, что они были захвачены такими ожесточенными спорами», — пишет Мертон (Merton, 1963: 262). Он приводит примеры и из сферы гуманитарных дисциплин, включая философские, экономические науки, социологию, психологию (идут ссылки на Декарта[1], Паскаля, Гоббса, Конта, Спенсера, Сен-Симона, Маркса, Морено и других известных ученых, мыслителей).

В заключительной части статьи Мертон, как бы продолжая тему *множественности открытий*, приводит данные о возрастании «множественности» *авторов одних и*

[1] Так, Декарт писал Мерсенну, что опасается плагиата со стороны Гоббса, о котором он сказал буквально следующее: «...если я не слишком ошибаюсь, он тот, кто не прочь приобрести репутацию за мой счет и с помощью неприглядных методов» (*Descartes R.* Œuvres, Correspondence, III. Paris, 1889. P. 283 ff; V, 1903. P. 336).

тех же работ, то есть собственно соавторства (со ссылкой на исследования Р. Коэна, К. Гроува, Дж. Дамонда, Х. Закерман, Б. Берельсона, проведенные на материале физики, химии, биологии, истории).

Исследования Р. Мертона конца 1960-х и 1970-х годов

Проблема возраста и статуса ученых

Важным этапом в развитии конкретной эмпирической социологии науки стало совместное исследование Х. Закерман и Р. Мертона 1972 года «Возраст, старение и возрастная структура в науке» (“Age, Aging and Age Structure in Science”). (Правда, еще раньше, в 1968 году, Мертон опубликовал краткую статью «Эффект Матфея I».) Главной целью работы о возрастных факторах была следующая: наука в послевоенное время, а особенно в 1950–1960-е годы, стала сферой деятельности, которая по темпам своего стремительного роста существенно опережала и другие сферы, и общий рост народонаселения. Мертон, конечно, был далеко не первым, кто обратил внимание на данную проблему. Так, Дерек Сола Прайс в своем знаменитом труде 1963 года «Малая наука, большая наука» (на который Мертон ссылается в начале статьи) показал, что все основные количественные показатели научной деятельности (число ученых, журналов, публикаций, а потом и научных фондов) в то время росли по экспоненте. И если бы рост теми же темпами продолжался далее, всему населению Земли, казалось бы, пришлось «переместиться» в научную сферу...

Рассматриваемая работа о возрасте в науке действительно является конкретно-эмпирической социологической работой. Она (в отличие от предшествующих произведений Мертона) изобилует цифровыми сравнительными данными, относящимися к предшествующим периодам и к 1960–1970-м годам, а также таблицами, графиками, схемами о состоянии науки в США, основанными на официальных статистических источниках, работах коллег и т. д. Обобщать, тем более воспроизводить весь этот богатый материал здесь и теперь лишено смысла. Остановимся только на обозначенных в исследовании общетеоретических проблемах, которые Мертон и Закерман поставили перед социологией науки, причем не только тогдашней. Впрочем, авторы работы так сформулировали ключевые вопросы, чтобы благодаря исследованиям не только предложить на них конкретные, примененные к опыту США ответы, но и высветить, где это можно, социальные механизмы, с помощью которых институт науки, ученые и общество регулируют решение возрастных проблем в науке. Вопросы эти многочисленные, разнообразные, актуальные и сегодня: о подготовке молодых кадров и их адаптации к научной деятельности, соотношении ценностей молодых ученых и ученых других возрастов; о том, ученые каких возрастов более восприимчивы к новым идеям; о том, бывает ли и в чем состоит борьба поколений в науке и т. п.

Кратко остановлюсь здесь на одной ключевой проблеме статьи «Возраст, старение и возрастная структура в науке», которая, с моей точки зрения, по существу вышла за рамки ее специфической темы и наметила для социологии науки в целом широкий фронт исследований (имеющих и специальное, и общесоциологическое значение). Эта проблема — статус ученых и социальные роли в науке. «Подобно

другим статусам, статус ученого — это не одна-единственная роль, а переплетение (mixture), взаимодополнительность (complement) ролей», — пишет Мертон, выделяя четыре главных роли, выполняемых соответственно в сферах *исследования, обучения, административной* деятельности и еще дополняемых ролью *gatekeepers* (Zuckerman, Merton, 1972: 314). В последнем случае имеются в виду своеобразные функции «привратников»: немало ученых (нередко наряду с исполнением ранее перечисленных ролей, а иногда и по преимуществу) принимают решения, какие статьи принять или не принять в научные журналы, какие диссертации одобрить или не одобрить, каких ученых взять на работу или уволить с нее, какие средства и как распределять и т. д. Роль «привратников» поясняется со ссылкой на работы Курта Левина, Альфреда де Грациа, Дианы Крейн, Р. Тёрнера, Х. Хагенса, У. Хэгстрома, Х. Закерман и др.

Важнейшую роль в развитии мертоновской социологии науки сыграли исследования «эффекта Матфея» и дискуссии вокруг них. Они столь важны, многоплановы, специальны, что требуют особого и подробного анализа. Он выполняется в моей подготовленной к печати монографии.

Нерешенные задачи и современные вызовы

В заключение этого анализа (объединяющего мои ранние и самые последние исследования) скажу о тех частных упущениях, которые были у Мертона и социологов его школы, а также у других исследователей науки в анализируемый период 50–90-х годов XX века, который не без основания называют «веком науки».

1. Несмотря на междисциплинарные попытки представителей различных дисциплин, специализаций объединить *когнитивные* (познавательные — традиционно исследуемые философией, и именно гносеологией, логикой), общесоциальные (исследуемые социальной философией, социологией познания), в частности институционально-научные (исследуемые социологией науки, социально ориентированными областями науки о науке), измерения научной деятельности, их синтез на современном уровне пока не удался. Можно, впрочем, сказать, что задачи объединения даже и не ставились, не могли ставиться в каждой из этих исторически востребованных в XX веке дисциплин и специализаций, перед которыми выдвигались требования отвечать на вполне конкретные вопросы развития науки, управления ею в эпоху научно-технического прогресса. Такие более конкретные задачи различные дисциплины, включая социологию науки, выполняли и до сих пор выполняют вполне профессионально и оперативно.

Вместе с тем (и мы видели это из анализа работ исследователей мертоновского направления) в целом ряде пунктов, достаточно конкретных, дело упиралось не просто в прочерчивание, а в разработку самых общих, именно философских линий, причем не на назывательно-отсылочном уровне, а в виде *разветвленной теории социальной природы научного познания*. Но подобная теория, которая бы со своей стороны интегрировала достижения более конкретных, частных исследовательских областей и в то же время находилась на их уровне доказательности, детальности и т. д., «в пространстве» частного знания наук о науке, социологии науки и не могла быть предложена.

Что касается *философских* концепций ведущих западных мыслителей XX века, то и при наличии многих важных, конструктивных выходов в данную сферу исследования науки как социального, социально-исторического по природе явления и в них невозможно отыскать систематических теорий требуемого типа.

Уже отмечалось, что в данной области некоторые преимущества имели отечественные философы, занимавшиеся наукой. Правда, использование преимуществ по разным причинам (почти) не было замечено и отмечено мировой наукой о науке, да и в отечественном дискурсе заинтересованная, доброжелательная и именно коллективная синтезирующая работа, в духе глубинных норм науки, по существу отсутствовала (по многим причинам, говорить о которых тяжело, да и не очень хочется).

2. При всем внимании к различению задач, уровней в случае формулирования норм науки и в случае описания, осмысления действительного поведения ученых эти уровни часто спутывались, смешивались, не осмысливались в их специфике. Конечно, у Мертона и мертоновцев досконально исследовалось и то, и другое — и «чистые нормы», и реальное поведение с их нарушением. Но ясных ответов на некоторые коренные вопросы и затруднения так и не было получено. Мы уже ставили эти вопросы в ходе исследования мертоновских парадигм социологии науки. Если некоторые центральные нормы (скажем, те, которые запечатлены в системе CUDOS) все-таки институционализируются наукой как особой областью социальной деятельности, составляя немаловажную сторону ее социализации, то это, по крайней мере, значит, что они функциональны для данной деятельности, ее задач и целей, что их возможные нарушения должны «отпадать» где-то ближе к «сердцевине», сути этой деятельности. Но это не было показано и доказано, хотя отдельные релевантные замечания различных авторов имеются. Так, я полагаю, что, несмотря на частные упоминания, в западной социологии и философии не были наполнены сколько-нибудь глубоким и в то же время конкретным, содержательным смыслом понятия «когнитивных» и «институциональных» норм науки, теоретическая и практическая связь между ними не была вскрыта сколько-нибудь основательно.

Историческая потребность в «неклассической» социологии науки

В заключение сформулирую «постнеклассический» запрос, который современная история, чем дальше, тем настоятельнее ставит перед социологией науки, — и не только перед нею, но и перед всей, по сути, интеллектуальной культурой человечества.

В связи с анализом социологии науки, предложенным в данной публикации, возникают, по крайней мере, два существенных теоретических и одновременно практических вопроса. Первый: если мертоновские парадигмы социологии науки справедливо признать «классическими» (и к настоящему времени относительно завершенными), то следует ли, возможно ли заняться поиском «неклассических» (в терминологии В. Степина — постнеклассических) парадигм социологии науки? На этот вопрос, как представляется, оправданно дать положительный ответ. Вопрос второй: предложены ли в настоящее время сколько-нибудь развернутые концептуальные ответы на первый вопрос? Полагаю, основываясь на литературе по социологии науки и смежным областям, ответ пока, увы, напрашивается отрицательный.

Решаюсь (в краткой форме) предложить некоторые соображения в ответ на первый из поставленных вопросов. Возникновение мертоновского учения о нормах науки, как показано в первой части статьи, имело свою историко-*ситуационную*

обусловленность — взрыв варварства в форме национал-социализма, обращенный в том числе против науки и ученых. Нормы науки, как их осмыслили Р. Мертон и социологи его школы, отвечали предпосылкам и условиям длительной эпохи в развитии цивилизации, начиная с Нового времени, когда наука превращалась во все более мощный фактор социально-исторического движения, а впоследствии и в непосредственную производительную силу. Следует отметить, что эти *цивилизационные предпосылки, условия, формы* в мертоновской концепции предполагались, отчасти учитывались, но не осмысливались в систематической теоретической форме. Вместе с тем, сила и оправданность учения Мертона о науке, в особенности о ее внутренних институциональных нормах, состояла в том, что нормы эти для добывания научного знания функциональны и потому в целом действительно работали и «работают», несмотря на все отклонения от них в реальном поведении ученых. (Отсюда, кстати, удивительная синхронность того описания норм науки, ориентаций ученых, которая имеется в текстах великих ученых, философов XVII века и в работах Мертона.)

В течение целых столетий наука была и сегодня остается одной из самых главных сфер деятельности, благодаря использованию достижений которой изменялись все, по сути, условия человеческой жизнедеятельности. В целом у ученых были основания думать и говорить, что наука — это движущая сила и технического прогресса, и усовершенствования других сфер человеческого бытия. Правда, нельзя было не заметить постоянного участия науки и целого ряда видных ученых в «совершенствовании» средств ведения войн, которые в свою очередь были постоянными спутниками развития цивилизации. Однако до поры до времени войны оставались локальными и, даже превратившись в мировые, порождая многомиллионные жертвы, не означали реальной опасности тотального уничтожения всего человечества и самой Земли.

На этой стадии развития человечества нормы науки могли оставаться, да фактически и оставались — и в действительном функционировании института науки, и в их осмыслении социологией науки — главным образом *внутринаучными* нормами. В самом процессе научного поиска пока не было *настоятельной*, непререкаемой необходимости чем-то и как-то нормативно ограничивать исследовательскую деятельность ученого, хотя кризисные явления уже имели место[1].

На нынешнем этапе развития цивилизации (что теперь достаточно ясно и наиболее ответственным ученым, и прозорливым философам, социологам, и мыслящим людям из других областей деятельности) назрела необходимость внести в число норм науки нормативные же требования к индивидам, сообществам ученых, к институту науки не предпринимать (соответственно приостанавливать) исследования, результатами которых является или может стать создание не просто средств массового уничтожения, но средств, *грозящих реальной гибелью человечеству, человеческой цивилизации и самой*

[1] В этом кратком тексте вынуждена отвлечься от анализа важного и релевантного теме исторического феномена — всплеска активности выдающихся ученых, способствовавших созданию атомной бомбы, после бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки. И недаром же один из них, Нильс Бор, сразу после бомбардировки опубликовал статьи под красноречивым названием «Наука и цивилизация», «Вызов цивилизации». В них он говорил об «устрашающих средствах разрушения», о «смертельной угрозе цивилизации» и необходимости «соглашения», «международного контроля» над такими средствами и т. п. (См.: *Бор Н.* Избранные научные труды. Т. 2. М. : Наука, 1971. С. 377).

нашей планеты. Могут сказать: хотя внести такие требования в принципе возможно, но выполнить их нереально; мощные и сверхмощные средства уничтожения существуют и, увы, уже применялись (вспомним Хиросиму и Нагасаки). Еще более грозное вооружение, а также другие средства воздействия на человека и человечество лихорадочно создаются в разных странах, — и именно в процессе «соревновательного творчества» лучших научных и технических умов человечества. Все верно, однако *есть существенное, принципиальное отличие опасностей современного этапа цивилизационного развития*. Ведь раньше ученые были мотивированы, понуждаемы (или принуждаемы) работать над подобными средствами «на благо» своей страны, «сил мира или сдерживания», надеясь на масштабность проектов, на контроль над ними, а потому недоступность для «посторонних» коллективных «сил зла» или отдельных злоумышленников. Теперь же, на этапе миниатюризации разрушительных средств, на фоне нового всплеска варварства (в форме терроризма и т. п.), возможностей любого сбоя, неоправданно питать надежды на то, что кто-то или что-то вовне науки действительно остановит *вполне реальные угрозы тотального уничтожения человечества и всей планеты*. Напротив, многие кризисные тенденции современного Бытия заставляют предположить новое нарастание гибельного соревнования социально-политических центров силы современного мира в деле создания и монопольного обладания наиболее опасными средствами не просто массового, а глобального уничтожения.

Считаю важным отстаивать следующую идею: *решение проблем преодоления таких глобальных смертельных опасностей впервые в истории человечества становится неотложным, настоятельным вызовом, предъявляемым самой историей к науке и ученым*. Если раньше, в классической социологии науки, разбирались и отвергались такие внутринаучные нарушения, как плагиат и т. п., то со времени нацизма справедливо заговорили об опасностях, исходящих «извне» науки, от человеконенавистнической идеологии и внутри ее самой, увы, находящих своих адептов. Теперь опасности приобрели не частный, временный, а постоянный характер. И претензии история оправданно предъявляет также самой науке как институту, ученым, особенно крупнейшим научным умам. Ссылки некоторых ученых на то, что нельзя сдержать «любопытство» исследовательского ума, что опасное открытие все равно кто-то и где-то сделает и т. п., нельзя признать серьезным оправданием перед лицом признаваемых самими учеными *смертельных опасностей* ряда открытий для существования человечества. Вот почему возникает историческая необходимость не просто прибавить к «классическому» (в данном случае мертоновскому) учению о нормах науки еще какой-либо внутринаучный норматив (или переименовать сформулированные нормы), а поставить перед всеми ими главный современный цивилизационный нормативный коэффициент, без которого другие нормы считались бы цивилизационно, нравственно недействительными. Суть этого нормативного коэффициента, который следует превратить благодаря упорной совместной работе человечества, и прежде всего самих ученых, в главнейшую внутринаучную норму, состоит в том, чтобы существовало центральное для норм науки требование-запрет на все исследования (и их технические применения), которые *грозят реальной гибелью человечеству и его цивилизации*. Включение подобных норм считаю первоосновой будущего (очевидно «неклассического») учения о нормах науки. И пусть сегодня предложение о его разработке и тем более реализации в практике научной деятельности может, даже должно показаться чем-то утопическим. Нет сомнения: не сегодня, так завтра это будет уже неотложно затребовано самой историей. Ибо другого выхода у человечества нет.

Литература

Kitcher P. The Naturalists Return // Philosophical Review. 1992. Vol. 101. № 1. P. 53–114.

Lynch M. Editorial. Social Studies of Science. 2004. 34/6.

Merton R. Resistance to the Systematic Study of Multiple Discoveries in Science // European Journal of Sociology. IV (1963).

Merton R. Science and the Social Order // The Sociology of Science. 1938,. №5. Chicago; London.

Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chigago; University of Chicago Press, 1973.

Sorokin P. A. Social and Cultural Dinamics. Vol. 1. N. Y., 1962.

Zuckerman H., Merton R. Age, Aging and Age Structure in Science // A theory of Age Stratification. Vol. 3. N. Y., 1972.

Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М. : Наука, 1971.

Демина Н. В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. М. : Academia, 2008.

Мирская Е. З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., 1988.

Мирская Е. З. Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. М. : Academia, 2008.

Мотрошилова Н. В. Ориентации новой личности и их выражение в философии человека XVII столетия // Историко-философский ежегодник '86. М., 1986.

Мотрошилова *Н. В.* Учения о разуме и мышлении в философии XVII–XVIII веков и их социальная обусловленность // Социальная природа познания. М., 1979.

Мотрошилова Н.В. Познание и общество. Из истории философии XVII–XVIII веков. М., 1969.

Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.

Robert Merton's Formulation of Classical Paradigms in Sociology of Science: Looking Back from the 21st Century

Nelya V. Motroshilova

Professor, Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences, Moscow;
motroshilova@yandex.ru

This text is an advance publication related to the book "Russian philosophy in the 1950s–1980s and Western thought". One of its parts concerns the fact that western sociology of science was assimilated in Russia by philosophers, some of whom later on began to work professionally in the sociology of science. The other scholars were those who remained in philosophy, writing papers on the philosophy of science, science studies, theory of knowledge and history of philosophy at the same time. These authors tried also to understand the practical side of sociology of science and knowledge. I belong to the second group of scholars.

As early as the 1970s, I was familiar with some of R. Merton's works that were available in our country. It was a big event for me to meet Robert Merton and Harriet Zuckerman at

the 1972 congress of sociology in Bulgaria[1]. Soon, Merton, on learning about my scientific pursuits, sent me his main publications on sociology of science with his good words written on them for me. I keep them as a treasure. I used them in my book "Science and scientists in conditions of modern capitalism" (1976) («Наука и ученые в условиях современного капитализма» (М. : Наука, 1976), which includes references for more than 300 sources. It has a section on Merton's sociology of science.

In the XXI century, again I have returned to summing up my experience in sociology of science and the results of the discipline's development that has lasted for many years. I was also motivated to do this by the attempts of some scholars at the end of the XX century to get rid of the main concepts of sociology of science. The latter, of course, were associated with R. Merton and his followers. This is why the question stands high on the agenda of where Merton and his disciples were a success and where they failed. In the light of these research tasks I think it necessary to look carefully, given the XXI century perspectives and requirements, at the results of the scientific path paved by Merton and his followers. The present paper is devoted to this general goal.

A concise summary of R. Merton and his school's contribution to the creation and development of sociology of science

Sociology of science as a distinctive sociological discipline came to model a *classically developed, paradigmatic, comprehensive, well founded, self-critical, and constantly growing discipline, rather conceptual at the beginning, and later on involving the entire masses of concrete research*.

1. Analyses have suggested the historical causes of Merton's early works on the sociology of science and knowledge. Of particular importance were the responses given by democratic sociologists in protest against the National Socialism coming to power in Germany, the rise of fascism in other European countries, the racist ideology and suppression of science, and the persecution of scientists.

2. The social and historical conditions were used to explain why and how R. Merton started to explore scientific norms. A detailed analysis of scientific norms was conducted that did not agree with the opinions that Merton had worked out with regard to them being "*too ideal*," and subsequently disconnected from real science.

Actually, the situation, both historical and theoretical, was largely different. First, as early as the 1930–1940s, sociology of science made *its first and quite successful steps*. The concept of scientific norms was roughly formulated in the first works of the 1940s. Second, difficulties, contradictions and deficiencies in Merton's original theory were best seen by the author himself and his close followers. So the most successful corrections to the concept of scientific norms were contributed by Merton and his group. Third, it would be wrong to say that the early Merton suggested only *ideal, pure, bright* scientific norms, and only later, under the influence of criticism from outside, did he pay attention to real scientific norms.

[1] It happened thanks to my husband Yury Zamoshkin, philosopher, American studies scholar. In the liberal period in 1960s he was an intern with T. Parsons, R. Merton. He maintained good relationship with P. Sorokin, C. R. Mills, D. Riesman and other US sociologists.

As a matter of fact, his statements include:

a) an **ideal** aspect that is normative and imperative;

a_1) an objective-orientated, **argumentative** aspect: what should be done and what a scientist does by all means because he or she achieves objective knowledge;

b) **warning statements** that suggest *what should not be done in science and why,* and also what happens in real scientific environments and how scientists' behave can be seldom observed in the ideal form.

3. What is important: when Merton identified, in a "pure form"*, prescriptions, i.e.* aspects of research activity *"as they should be"*, he presumed that the institution of science interiorizes norms in scientists due to their inherent need to fulfill the main function of science — acquiring verifiable, corroborative, that is, "*genuine"* knowledge. He was absolutely right in this and did it in a Kantian manner. Like Kant, Merton shaped scientific norms as a sum of requirements for what is necessary, *as things should be* (both for science and society). He demonstrated that an *implementation* of norms in real, everyday scientific practice must involve specific, pluralistic and contradictory features. And this was the second move, after the normative one, toward a system of research steps that related to general studies of scientific norms. These steps were also made by Merton and his school in the 1950s–1970s.

4. I consider the high *theoretical level that is also a feature of Merton's concrete and empirical research* to be a proof and illustration of the "classical", paradigmatic nature.

5. The following was demonstrated in the course of analysing terminological and other corrections and additions to the theory of norms that were done *within Merton's school*: additions were not useless; though terminological corrections and system additions (CUDOS+) did not actually settle down in the end.

6. I suppose that claims to *substitute* Mertonian theory of scientific norms with the concept of anti-norms (R. Boguslav, I. Mitroff, S. Fuller) failed. The arguments are the following: a) complete dependence on a negative anti-concept of Mertonian theory (each anti-norm is just an antipode to a Meronian norm); b) the negative side of the *real behavior* of scientists had never been unknown to Mertonian teaching; Merton and his followers studied it thoroughly; c) should Mertonian norms be substituted with anti-norms it would be hardly possible to understand how, using them, scholars and their communities could produce objective scientific knowledge. Nevertheless, anti-norm theory has its important meaning — as a warning.

7. Assuming that research conducted by R. Merton and his school helped to work out "classical paradigms" in sociology of science, two questions arise. First, is it worth working on non-classical or post-classical paradigms in such a discipline? Has anybody observed such systematic studies as Merton's recently? The answer to the first question in the *Conclusion* to the paper is positive, the second answer is negative.

The author suggests some ideas about what theoretical approaches would be reasonable to choose in order to search for non-classical paradigms of sociology of science.

Видный российский мыслитель Михаил Константинович Петров по праву считается одним из основоположников науковедения в нашей стране. Статья, посвященная эволюции воззрений Р. Мертона, была подготовлена им около сорока лет тому назад и никогда не публиковалась. В редакцию работу любезно предоставила Гали Дмитриевна Петрова, являющаяся хранительницей архива М. К. Петрова. С ее согласия мы публикуем статью, которая и сегодня звучит актуально и будет, уверены, интересна современному читателю.

Петров Михаил Константинович
(1923–1987)

Методологическая эволюция Р. К. Мертона

Рассматривается развитие американской социологии науки, связанной, прежде всего, с именем Р. К. Мертона. Анализируется эволюция его теоретических взглядов: в работах конца 1930-х годов Мертон остается еще способным учеником Сорокина и Парсонса, ограничивая меру своей теоретической самостоятельности «внешней социологией» науки. В работах 1960-х и начала 1970-х годов Мертон эзотеричен, занят научной деятельностью как таковой, придерживаясь рамок сформулированного им в 1961 году для собственного употребления поведенческого постулата, восходящего к Бэкону.

Ключевые слова: Роберт К. Мертон, социология науки, этос науки, актуализм.

Развитие американской социологии науки последних десятилетий совершается под ощутимым влиянием Р. К. Мертона. С конца 1930-х годов, а точнее с момента опубликования в 1938 году работы «Наука, технология и общество в Англии семнадцатого столетия» (Merton, 1938) Мертон прочно закрепляется в лидирующей группе американских социологов, чему в немалой степени способствует и его академическая деятельность. Одному или в соавторстве с учениками (Закерман, братья Коулы и др.) ему не раз удавалось быть причастным к появлению новых исследовательских направлений, определявших и определяющих движение проблематики американских исследований по социологии науки, общую конфигурацию ее предмета, арсенал ее понятийных и концептуальных средств. В этом смысле не так уж далеко от истины заявление Н. Сторера в предисловии к вышедшему в 1973 году сборнику «Социология науки», в котором представлены работы Мертона разных лет: «Пусть Роберта К. Мертона не признают пока еще публично в качестве отца-основателя социологии науки, но большинство знающих эту область, во всяком случае, согласно в том, что нынешняя сила и жизненность социологии науки есть в большей своей части результат деятельности Мертона за последние сорок лет» (Merton, 1973: XI).

За сорок лет активного участия в формировании социологии науки как самостоятельной научной дисциплины Мертон прошел долгий и не всегда прямолинейный путь, определявшийся частью общим контекстом событий и тенденций этого времени, частью смещением области собственного интереса, частью новыми увлечениями и «сменой вех» — стремлением теоретически размежеваться со своими учителями-наставниками. В работах конца 30-х годов Мертон остается еще способным учеником Сорокина и Парсонса, ограничивая меру своей теоретической самостоятельности тем, что можно было бы назвать «внешней социологией»

науки — проблемой институционального опосредования опытной науки как нового и непривычного вида деятельности господствующими социальными ценностями и установками. В работах 60-х и начала 70-х годов Мертон эзотеричен по-преимуществу, занят научной деятельностью как таковой, придерживаясь рамок сформулированного им в 1961 году для собственного употребления поведенческого постулата, восходящего к Бэкону: «...я буду стараться действовать по рецепту Бэкона и его предшественника Макиавелли — изучать то, “что люди (науки) делают, а не то, что им надлежало бы делать”» (Merton, 1973: 345).

Общий сдвиг интереса с исторической в своей основе «разовой» проблемы институционального опосредования возникающей науки к проблеме функционирования возникших уже и освоенных обществом форм научной деятельности, которые тяготеют к социальной статике, сопровождался у Мертона значительными перестройками, переориентациями и переосмыслениями, общий смысл которых — нарастание актуалистических тенденций.

Под актуализмом в данном случае понимается общий для всех опытных наук процедурно-познавательно-постулатный комплекс, в основе которого — единство принципов наблюдения и неограниченной по целям, числу, месту и датам экспериментальной верификации. Условием выполнимости такого единства является сформулированный Лейбницем постулат независимости объектов научного изучения от пространства времени — «свойства вещей всегда и повсюду являются такими же, каковы они сейчас и здесь» (Лейбниц, 1973). Процедурные, собственно актуалистические следствия этого постулата сформулировал Лайель в борьбе с катастрофизмом Кювье — объяснение наблюдаемых явлений, если оно научно, должно ограничиваться наблюдением за причинами. Постулат Лейбница и процедурное ограничение Лайеля по составу каузальных описаний объектов научного интереса задают миру наличного и возможного научного знания ряд жестких ограничений — в нем невыразимо и не может быть представлено знание о явлениях или объектах, существенным признаком которых являются отметки единичности, уникальности, пространства и времени.

Под актуалистическими тенденциями здесь понимаются редко осознаваемые и эксплицируемые стремления исследователей ограничить предмет исследований и описания результатов исследований только теми составляющими, которые удовлетворяют постулатам Лейбница и Лайеля, и соответственно, уподобить предмет исследования обычному «естественному» объекту опытных дисциплин, а собственную дисциплину, если она претендует на научность, — обычной естественнонаучной дисциплине.

Рост актуалистических тенденций как основная черта методологической эволюции Мертона в этом смысле означает постоянные усилия переконструировать предмет социологии науки с тем, чтобы выявить в нем инвариантные относительно пространства, времени, индивидов, конкретных результатов универсальные единицы и структуры, принадлежащие дисциплинарной «вечности», то. есть. имеющие силу для научной деятельности «всех времен и народов» как в прошлом, так и в будущем.

Книга-сборник «Социология науки», в которой представлены 22 работы Мертона с обширным предисловием и пояснениями Н. Сторера (Merton, 1973), дает возможность в деталях проследить эволюцию Мертона. Хотя на состав и строение книги значительное влияние оказали взгляды Сторера, не всегда правомерно связывающего всю историю американской социологии науки с именем Мертона —

«...семена будущего роста без труда обнаруживаются в его работах, предшествующих этому росту на десяток и более лет» (Merton, 1973: XII), сама манера письма Мертона — развернутые ссылки на собственные работы, обширные примечания по поводу чужих работ — позволяет восстановить действительный исторический контекст его теоретической эволюции. Книга помогает собрать в целостность и то, что в ней представлено, и ту часть работ, которая осталась за ее пределами, но, в общем-то, знакома историкам и социологам науки.

Критический период в методологической эволюции Мертона обнаружить не так уж сложно: с середины 50-х годов начинаются растущие по своей остроте расхождения с Сорокиным, а затем и с Парсонсом по вопросу о том, чем должна быть социологическая теория, как подойти к ее разработке, что должно служить методологической основой исследований по социологии науки. На десятилетнем периоде, с 1957 года («Социальная теория и социальная структура — 4») до 1967 года («О теоретической социологии — 5»), располагаются и крупные, и небольшие по размеру работы, явно объединенные тематикой и общим направлением авторских усилий. В «Социологии науки» этот круг работ представлен рядом глав, разбросанным в качестве «семян будущего» по всем частям: гл. 14 «Приоритет в научном открытии» (1957), «Признание и совершенство — назидательная двусмысленность» (1960), гл. 16 «Разовые и многократные открытия в науке» (1961), гл. 3 «Социальный конфликт по поводу стилей социологизирования» (1961), гл. 18 «Амбивалентность ученых», исходное название «Сопротивление систематическому изучению многократных открытий в науке» (1963), гл. 6 «Постулаты Сорокина по социологии науки» (1963).

До этого периода Мертон был известен историкам и социологам науки как автор «Науки, технологии и общества в Англии семнадцатого столетия» (Merton, 1938), и даже первое издание «Социальной теории и социальной структуры» (1948) не привлекло особого внимания. В контексте предвоенных и послевоенных споров о роли и социальной функции науки, вызванных, в частности, и работой Б. М. Гессена (Гессен, 1933), первая крупная работа Мертона воспринималась, прежде всего, как ответ Гессену, протест историка науки против неправомерной абсолютизации экономических и политических факторов в становлении и социальном признании науки, а затем уже как несколько экзотическая ценностно-психологическая гипотеза социализации науки по связи с религиозными и моральными ценностями пуритан. Со временем акценты изменились. В «Социологии науки» (Merton, 1973) представлена только гл. 5 этой первой крупной работы — «Мотивационные силы в новой науке», причем представлена в несколько измененной редакции и с измененным названием — «Пуритане пришпоривают науку» (Merton, 1973: гл.11).

Изменение акцентов понятно: Мертону удалось задеть, опредметить, в какой-то степени и формализовать проблему растущей актуальности и остроты: как может в обществе, использующем конечный набор институтов, которые обеспечивают его воспроизводство и преемственное существование в смене поколений, возникнуть, получить социальную поддержку и закрепиться новый институт, не имеющий поначалу ни установившихся социально-необходимых функций, ни механизмов воспроизводства кадров для преемственного существования нового вида деятельности?

Возникновение опытной науки в Европе — типичный случай социального опосредования нового института с неясной в первое время функцией, причем такой случай, который имеет сегодня первостепенное значение для развивающихся

стран, институционный арсенал которых никогда не имел науки. Бесспорна заслуга Мертона в том, что он первым обратил внимание на проблему духовно-ценностной совместимости как на существенную составную общей проблемы генезиса и социального освоения науки. Мертон довольно убедительно показал, что пуританам с верховными ценностными ориентирами — прославлять мудрость божию и приносить пользу людям — было гораздо легче, чем католикам, например, принять опытную науку как вполне правомерный и похвальный вид деятельности, не входящий в противоречие с господствующей системой духовных ценностей. Действительно, в отличие от многих стран, английское общество практически не знало крупных конфликтов науки с церковью. Первое общественное антинаучное поветрие — симптом серьезных расхождений в ценностных ориентациях — возникло здесь лишь в 70–80 годах XIX века, когда среди ученых растущее признание стала получать эволюционная теория Дарвина.

Естественно, что это первое замыкание на проблему духовно-ценностной совместимости науки и наличных социальных институтов не могло быть полным. Более поздние исследования английских, в основном, историков науки (см., например, сборник “Science and Society 1600–1900”, Cambr., 1972) показали, что речь должна идти скорее не о пуританах, а о протестантах вообще и что формулу совместимости, образующую теологическую санкцию опытной науки (прославлять мудрость божию и помогать людям), следует дополнить постулатом «восстановления» того знания — языка Адама до грехопадения, в котором бог передал Адаму власть над сотворенным миром. Постулат «восстановления» обнаруживается у философов, утопистов, отцов науки как постоянство ссылок на восьмой псалом Давида («Поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его») и на соответствующие места 1-й книги Бытия (гл. 1, 26; гл. 2, 20).

Отсутствие в гипотезе Мертона постулата «восстановления» и во всяком случае осознания возможной роли этого постулата в процессах социализации опытной науки явилось, похоже, причиной весьма своеобразной реинтерпретации философских, главным образом, реалий того времени и во многом предопределило работы второго «парадигматизирующего» периода в творческой биографии Мертона. События XVII века были и остаются исходным плацдармом всех начинаний Мертона: споры о приоритете, многократные открытия, амбивалентность мотивации, механизмы признания, ценообразование, возрастная структура науки — все это сначала анализируется в качественных терминах на примерах XVII, реже XVIII века, а затем уже выдается как некая модель-генерализация или теория среднего уровня в область количественных исследований на современном материале для уточнения и верификации. Это неизбежно ведет к уподоблению прошлого настоящему, открывая дорогу истолкованию предмета социологии науки в духе актуализма. В основе такого челночного движения между XVII веком и современностью лежит начавшийся где-то в 50-е годы и растущий по интенсивности процесс «интериоризации» Бэкона. Путешествия в XVII век становятся все более адресными, все чаще прерываются на Бэконе как на конечном и исходном пункте.

В попытках обособиться от Сорокина и Парсонса Мертон все чаще обращается к Бэкону в поисках опорных аналогий, предметно-методологических постулатов, представлений о том, чем должна быть социология науки как научная дисциплина среди научных дисциплин, как следует понимать социологическую теорию, социологическое исследование, социологическое знание.

Любая интериоризация обоюдна, идет обычно как процесс обоюдного уподобления по нормам «догадничества», которые сам Мертон описывает так: «Догадничество состоит в самоотверженном и преднамеренном поиске различного рода ранних версий наличных научных идей. В экстремальных случаях догада слабейшую тень сходства между ранними и более поздними идеями описывает как полную идентичность» (Merton, 1967: 20–21). Активная роль в процессе интериоризации принадлежит, естественно, присваивающему, переводящему чужое в собственное, но и роль автора присваиваемых идей, хотя он обычно в прошлом и беззащитен перед осваивающими усилиями интериоризатора, вряд ли можно рассматривать как чисто пассивную. В случае Мертон–Бэкон достаточно сравнить «Пуритане пришпоривают науку» — 1938 год (Merton, 1973: гл. 11) и «Однократные и многократные открытия в науке» — 1961 год (Merton, 1973: гл. 16), чтобы понять, насколько различны Мертон и Бэкон образца 1938 года и 1961 года, насколько к 1961 году Бэкон мертонизирован, а Мертон, в свою очередь, бэконизирован.

Бэкон 1938 лишь представитель, хотя и выдающийся, группы зачинателей и строителей опытной науки. Мертон упоминает о нем как о «признанном апостоле ученых обществ», который, хотя и не был ученым, ранее других эксплицировал формулу религиозной санкции науки: «Сам он не совершил ни одного научного открытия, оказался не в состоянии понять значение своих великих современников — Гильберта, Кеплера, Галилея, наивно верил в возможность такого научного метода, который „свел бы все соображения и объяснения к единому уровню“, был радикальным эмпириком, считавшим математику бесполезной для науки, но при всем том он весьма преуспел в роли одного из основных пропагандистов в пользу положительной оценки обществом науки и развенчания „бесплодной схоластики“. Как и следовало ожидать от сына „образованной, красноречивой и религиозной женщины, преисполненной пуританского пыла“, на которого, надо полагать, оказывало влияние рвение матери, Бэкон в труде „О достоинстве и приумножении наук“ говорит об истинной цели научной деятельности как о „прославлении творца и улучшении положения человека“» (Merton, 1973: 235).

В том же русле идет и замечание Мертона, поясняющее, что именно разумеет Бэкон под прославлением творца: «В “Новом органоне” (кн. 1, афоризм 89) наука характеризуется как служанка религии, поскольку наука помогает обнаруживать могущество бога, хотя такое утверждение, конечно, не ново» (Merton, 1973: 235).

Действительно, в соответствующем месте с не очень убедительной ссылкой на слова Иисуса (От Матфея, 22, 29) Бэкон пытается разделить задачи богословия и естественной философии: «Однако если здраво обдумать дело, то после слова бога естественная философия есть вернейшее лекарство против суеверия и тем самым достойнейшая пища для веры. Поэтому ее справедливо считают вернейшей служанкой религии: если одна являет волю бога, то другая — его могущество. Ибо не ошибся тот, кто сказал: „заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы божией“, соединив и сочетав, таким образом, нерушимой связью осведомление о воле и размышление о могуществе» (Бэкон, 1972: 54–55).

Бэкон 1961 мало похож на Бэкона 1938. Если раньше это был наивняк, мечтающий, не признавая ни своих великих современников, ни даже пользы математики для науки, о каком-то всесильном научном методе, то теперь это выдающийся социолог, который все, собственно, успел сказать по поводу основоположений социологии науки как раз в области научного метода и взаимоотношений людей

науки. С тем же упорством, с каким Сторер в 1973 году ищет через призму текущего состояния социологии науки в работах Мертона «семена будущего» и находит, Мертон в 1961 году ищет через призму злобы дня у Бэкона «семена будущего Мертона» и, естественно, находит.

Бэкон, как выясняется, разделил «человеческую философию человечества» на две части, одна из которых рассматривает «человека в изоляции или распределительно», а другая — «конгрегационно или в обществе» (Merton, 1973: 344); тем самым он очертил контуры предмета социологии. Бэкон со ссылками на Макиавелли указал и основной принцип подхода к изучению человека через его дела, чем сильно помог Мертону в обосновании поведенческого понимания предмета социологии науки (Merton, 1973: 345). Более того, Бэкон 1961 формулирует четыре основных требования к научным дисциплинам и к дисциплинарной форме познания вообще: а) инкрементная кумуляция знания; б) постоянное социальное взаимодействие между людьми науки; в) методическое использование процедур исследования; г) все новации, социальные и научные, являются «порождением времени», ибо «время — величайший новатор» (Merton, 1973: 346–349).

В отличие от Сторера, Мертон не скрывает, как именно достигаются подобные результаты: «Я вовсе не хочу сказать, что Бэкон сформулировал целостную социологическую теорию образующих элементов, ответственных за открытие в науке. Это было бы догадничеством в полном смысле слова. Признаю, что я собрал по кусочкам его намеки на подобную теорию из замечаний, разбросанных по работам, написанным в течение двух десятилетий. Но с помощью исторической ретроспекции и идей, которые формулируются ниже, мы можем идентифицировать *ингредиенты* такой теории у Бэкона (Сторер сказал бы „семена будущего“. — *М. П.*). Сам он не видел связи между ними. Или, если и видел, то никогда не фиксировал их в форме, которая дошла бы до нас. Но ведь много интереснее другое — что эти ингредиенты должны были появиться более трехсот лет тому назад, что множество людей на большом периоде времени должны были вновь и вновь наталкиваться на них и что они должны были приняться складывать их в начала социологической теории научного открытия» (Merton, 1973: 351).

Еще более интересной и даже загадочной представляется приобретенная Мертоном в 1961 году вера в естественное («время — величайший новатор»), а не в искусственное (догадничество, восприятие прошлого через призму настоящего) происхождение этих бэконовских ингредиентов социологии науки XX века, особенно если учесть, что Бэкон 1938 никаких ингредиентов не обнаруживал, не был в состоянии идентифицировать в качестве реалий науки, ученых своих великих современников, хотя прекрасно идентифицировал и раскладывал по полочкам собственной философии не только предшественников, но и мифы, то есть сам искал и находил «ингредиенты» собственного учения у предшественников.

Так или иначе, но и Мертон 1961 значительно отличается именно этими интериоризированными бэконовскими «ингредиентами», что лишний раз показывает, насколько обоюдна и небезопасна ретроспекция в форме догадничества. Мертона 1938-го интересовал главным образом вопрос о том, насколько Бэкон пуританин, и одно из примечаний свидетельствует об этом: «Верно... что Бэкон помогал Джеймсу формулировать правовые аргументы против пуритан, но это не исключает молчаливого признания Бэконом *неполитических* сторон пуританизма» (Merton, 1973: 235). Мертону 1961 все это теперь — и степень пуританизма Бэкона, да и сам

генезис науки — ни к чему. Теперь Мертон занят совсем другим, причем занят такими делами, в которых он шагу ступить не умеет без Бэкона, без опоры на «ингредиенты» как предвосхищение Бэконом очередного мертоновского шага.

Даже уже, казалось бы, в чисто мертоновских предприятиях, таких как амбивалентность мотивации ученых, тяжело приходится трудиться и Бэкону. Но об этом ниже, а пока следует попытаться ответить на два важных для эволюции Мертона вопроса. Почему Бэкон оказался в руках Мертона столь податливым для обработки материалом? Исчерпывается ли бэконизация Мертона эксплицитно выраженными «ингредиентами», или имеет смысл говорить и о более глубоком воздействии?

Ответ на первый вопрос более или менее ясен: Мертон 1938 просмотрел принцип «восстановления» как составляющую теологической санкции науки, хотя принцип этот многократно встречается и у Бэкона, присутствует даже в названиях его работ — «Великое восстановление наук». О каких «науках» идет речь? О будущих, о которых Бэкон 1615 мог знать примерно столько же, сколько Мертон 1973 может знать о направлениях в социологии познания 2000 года? Или же о прошлых «науках», в которых Бэкон 1615, бесспорно, разбирался (прямые и косвенные ссылки на Аристотеля, Гиппократа, Плиния, Галена, присутствие в классификации наук «естественной магии»), но за которыми ни Мертон 1961, ни, тем более, Мертон 1938 не признает статуса «наук»? Если Бэкона 1615 вырвать из контекста 1615 и заставить предвосхищать будущее, «работать на историю», чего пока не удавалось ни одному смертному, то с Бэконом можно делать уже все, что угодно, в том числе и употребить его в должности предвосхитителя шагов Мертона 1950–1970-х годов. Именно это и произошло. Если Бэкон 1938 крепко удерживается у Мертона 1938 в контексте 1615, доказывая через аргумент от матери свое пуританское естество, то Бэкон 1961 у Мертона 1961 свободно плавает вне всяких контекстов, готовно обрастает ингредиентами для очередных начинаний Мертона.

Менее ясен ответ на второй вопрос — о соотношении в бэконизации Мертона эксплицитного (ингредиенты) и имплицитного. Возможность имплицитных включений в том, что любая целостная система взглядов предполагает наличие ряда редко эксплицируемых условий истинности подобной системы, так что попытка интериоризировать чужую систему или часть ее неизбежно связана с освоением этих редко осознаваемых условий, которые, однако, могут принимать активное ограничивающее участие в формировании взглядов и идей интериоризатора. В случае Мертон–Бэкон настораживают растущие с конца 1950-х годов симптомы того, что выше было названо актуализмом в социологии науки.

Мертон слишком часто и по разным поводам начинает говорить об инкрементной кумуляции, в кодификации-парадигматизации, о сокращении исторической глубины ссылок (скин-эффект Прайса), умении забывать прошлое как о неоспоримых достоинствах не только естественнонаучных дисциплин, но и самой социологии науки, если ей суждено стать научной дисциплиной. Это смещение интереса с проблем генезиса и социализации науки на проблемы ее дисциплинарного существования сопровождается рядом побочных, но достаточно ощутимых эффектов.

С одной стороны, у Мертона появляется идея неравномерности развития научных дисциплин, а сами дисциплины во главе с физикой, как «наиболее развитой», выстраиваются в иерархию исторической развитости в некотором особом научном времени. Мертон так, например, одергивает торопыг-социологов, стремящихся построить теорию без солидного исторического фундамента: «Подобная перспектива

игнорирует тот факт, что физику двадцатого столетия и социологию двадцатого столетия разделяют миллиарды человеко-часов постоянных дисциплинарно-кумулятивных исследований. Социология, возможно, пока еще не готова к своему Эйнштейну просто потому, что она не нашла еще своего Кеплера, не говоря уже о Ньютоне, Лапласе, Гиббсе, Максвелле или Планке» (Merton, 1957: 47).

С другой стороны, поскольку научная деятельность по правилам естественно-научных дисциплин (наблюдаемость, экспериментальная верификация, инкрементная кумуляция, «паззл-солвинг», запрет на повтор результатов) предполагает и вполне определенную «естественную» структуру дисциплинарного предмета, и не менее определенную «открывающую» познавательную позицию ученого, иерархия исторической развитости порождает тенденцию к уподоблению дисциплин на уровне предметов и познавательных позиций, что, собственно, и дает эффект стихийного сползания в актуализм. Сам Мертон редко актуализирует постулаты актуализма. Но вот Сторер, пытаясь объяснить суть амбивалентной мотивации у Мертона, походя, замечает: «Научное знание в определенном смысле вне времени. Мы привычно пишем „Аристотель говорит“, „Ньютон отмечает“, что свидетельствует в пользу широкой распространенности постулата платоников о том, что все идеи науки сосуществуют где-то в области, лишенной часов и календарей» (Merton, 1973: XXIII–XXIV).

Это частное замечание Сторера показывает, что основные характеристики предмета дисциплины и, соответственно, элемента знания, который может быть опознан, признан и принят дисциплинарным сообществом как равнообязательный и полноправный элемент массива дисциплинарного знания, могут быть осознаны либо по исходной модели теологической санкции науки — как следствие сотворенности мира, вечности и неизменности установленного богом в акте творения миропорядка («постулат платоников»), либо же по более поздней операционной модели научного исследования — как следствие дисциплинарного самоограничения исследователей идентификацией и изучением только тех явлений, которые можно наблюдать и воспроизводить в актах экспериментальной верификации (постулаты Лейбница и Лайеля), что производно от требования приложимости научного знания. Оба выхода к осознанию характеристик предмета и научного знания дают схожий результат — полученный «здесь и сейчас» конкретным смертным ученым элемент научного знания немедленно, в акте публикации, уводится в дисциплинарную «вечность», мир «без часов и календарей», поскольку он может быть воспроизведен (по постулату Лейбница) «повсюду и всегда», любым ученым или не-ученым для самых различных целей (экспериментальная верификация, демонстрация, приложение), то есть. и в том, и в другом случае возникают контуры платоновского «Занебесья» — мира, лишенного отметок личного, единичного, пространства и времени.

По частным поводам Мертон замечает и отмечает отдельные детали такой лишенности. Описывая, например, «этос науки» — «тот комплекс ценностей и норм, который навязывается ученому как определенный эмоциональный настрой» (Merton, 1973: 268–269), — Мертон в рамках «коммунизма» как одной из составляющих этоса науки затрагивает и лишенность научного знания личностных отметок: «Значимые открытия науки — продукт социального сотрудничества, принадлежащий сообществу. Вклады образуют общее наследство, в котором частные права индивида-творца строго ограничены. Несущие эпонимическую характеристику законы и теории не становятся в силу этого исключительной собственностью открывателя

или его наследников — обычаи науки не предоставляют открывателю и его наследникам особых прав на пользование вкладами и распоряжение ими. Рационализм научной этики урезает до минимума права собственности в науке. Претензии ученых на „свою“ интеллектуальную собственность ограничены правом на признание и оценку, причем последняя, если институт функционирует достаточно эффективно, соответствует примерно значению вклада в общий фонд знания. Эпонимика — система Коперника, например, или закон Бойля — является одновременно и мнемотехническим средством, и формой поминовения» (Merton, 1973: 273).

Но эффекты лишенности, возникающие и при теологическом, и при операционном подходе, сходство теологически и операционно понимаемой дисциплинарной вечности обманчиво. «Равносилия» здесь нет, особенно когда речь заходит о научно-дисциплинарном изучении феноменов с трудно устранимой исторической характеристикой (научной деятельности, например). Относительно теологической вечности бессмысленны вопросы о ее «длительности» или «глубине». Это вечность абсолютная. Со времен Августина она понимается как ante rem — «до вещей», как план в голове бога, приступающего к творению природы, как реализация этого плана «в вещах» (inte rem), как возможность приобщения смертного человека через познание вещей к вечному и неизменному божественному плану (post rem — «после вещей»). Относительно операционной дисциплинарной вечности вопрос о «длительности» или «глубине», если вечность связана с приложимостью дисциплинарного знания, не только правомерен, но и необходим. Если знание, например, «стареет» и с точки зрения приложимости имеет некоторый ограниченный «срок службы», то дисциплина, изучающая такие объекты, вынуждена будет возвращаться к элементам накопленного знания, приводить их в соответствие с новыми значениями меняющихся характеристик объекта, пересматривать решенные ранее проблемы, то есть в ней вряд ли будет выполняться принцип приоритета, запрета на возвращение к полученным результатам, инкрементная кумуляция и другие правила естественнонаучных дисциплин, обладающих дисциплинарными вечностями практически неограниченной глубины. В отличие от теологической абсолютной вечности операционная дисциплинарная вечность (без нее невозможно измерение и дисциплинарное общение) предстанет как вечность относительная, функциональная, искусственно создаваемая для целей познания.

Относительная и искусственная природа дисциплинарной вечности, глубина которой в принципе устанавливается приложимостью дисциплинарного знания, вообще, похоже, не воспринимается Мертоном как проблема, требующая учета при разработке парадигмы социологии наук. Во всяком случае, она его не интересует, и Мертон время от времени попадает в ситуации, когда трудно бывает сказать, тяготеет ли он к операционной или к теологической вечности, на которую опиралось большинство философов и ученых XVII–XVIII веков, в том числе Бэкон.

Критикуя, например, Сорокина, он, вроде бы, видит опасность смещения уровня абстракции в результате попыток увеличить глубину дисциплинарной вечности: «Разглядывать пути науки через макросоцилогические очки Сорокина — значит, скорее, превращать специфику развития науки в расплывчатое пятно, чем собирать ее в фокус» (Merton, 1973: 149).

С другой стороны, выступая в 1968 году перед Американской ассоциацией содействия развитию науки с докладом «Модели поведения ученых» (Merton, 1973: гл. 15) — развернутой рецензией на книгу Дж. Уотсона «Двойная спираль» и на

прием, оказанный этой книге печатью, Мертон показывает сенсационные разоблачения Уотсона, затрагивающие «интим» науки (конкуренция, борьба за приоритет, методы обхода соперника) как продукт элементарной безграмотности в вопросах социологии науки. Основной пафос Мертона (пафос явно актуалистической природы) состоит теперь в том, что в науке, в мотивации ученых ничего, собственно, не происходит. Установившиеся в XVII веке нормы и модели поведения ученых суть те самые нормы и модели, которые и сегодня действуют в науке, а бурная реакция на их публичную демонстрацию объясняется изменившимся статусом науки, большим и более пристальным вниманием к этому институту со стороны общественности. Не отрицая остроты поднятых Уотсоном проблем, Мертон отрицает их новизну: «Но вызывающие мемуары Уотсона не свидетельствуют о сломе тех некогда преобладавших норм, которые время от времени вызывали спокойные комментарии ученых-современников. Беспокойное научное сообщество XVII столетия усмотрело бы в мемуарах, подобных книге Уотсона, только мягкую модель действительных дисциплинарных событий. Тот факт, что книга могла произвести подобный шум, свидетельствует только о том, что по ходу институционализации науки более строгими становятся нравы, которые общественное мнение приписывает ученым, и о том также, что публичные оценки современников стали теперь более точными. Здесь причина того, что небольшая и ограниченная по материалу книга Уотсона, такая мягкая по тону, если сравнить ее с ядовитым языком, а иногда и откровенной бранью Галилея или Ньютона, так волнует сегодня многих, ориентирующихся на эти более жесткие нравы» (Merton, 1973: 337–338).

Челночные операции Мертона, постоянные его путешествия от современности в XVII век и из XVII века в современность, не так уж безобидны, если к ним присмотреться. Характерная для Мертона 60-х годов проблематика патологии науки (множественные открытия, споры о приоритете, парадоксы признания и ценообразования) и связанная с ней проблема амбивалентной мотивации ученых мало-помалу вытесняют ту историческую составляющую, которая определенно присутствовала в ранних работах Мертона. В предмете социологии науки, каким его лепит Мертон, идет процесс субституции исторического внеисторическим, статичным, «вечным».

Что касается этой сравнительно новой «патологической» проблематики, то соответствующий «ингредиент» Мертон обнаруживает и у Бэкона, и у самого себя. У Бэкона это 120-й афоризм 1-й книги «Нового органона» о пользе изучения вещей низких и непристойных: «...Ибо то, что достойно для бытия, достойно и для познания, которое есть изображение бытия. Одинаково существует как низкое, так и прекрасное. В самом деле, как из какого-либо гниющего материала, как, например, мускуса и цибета, порождаются иногда лучшие ароматы, так и из низких и грязных явлений исходят порой замечательнейшие свет и познание» (Merton, 1973: 345; Бэкон, 1972: 73). У самого Мертона это примечание в ранней работе: «А теперь я должен прервать эти вводные замечания личным признанием. Ровно тридцать лет назад в одном из примечаний, запрятанных в монографии о науке в Англии семнадцатого столетия, я высказывал предположение, что гонка за приоритетом может стать стратегическим предметом исследования и дать ключи к пониманию путей, которыми институт науки формирует мотивы, эмоции и социальные отношения ученых. Насколько мне известно, молодой автор этого примечания был и его единственным читателем. Так или иначе, но

никто, в том числе и сам автор, не прислушался к приглушенному зову рожка» (Merton, 1973: 329).

Мертон 1938 прислушивался к другим «рожкам», и если позже он прислушался к новому и, прямо скажем, заслушался «приглушенным зовом» «рожка» из примечания, то к этому некоторое отношение имеет и Бэкон, и теологическая абсолютная вечность. Усилия Мертона 1960-х годов направлены на поиск специфического для науки механизма мотивации, способного объяснить переход вневременной статики научно-дисциплинарных ориентиров, норм, установок в поведение — в кинематику научной деятельности. Результатом этих поисков стала «амбивалентность» — специфический для научной деятельности тип каузальной связи, в рамках которой синтезируются и входят в единство низкое и прекрасное, идеи многократных открытий этоса и патологии науки.

Началось все, похоже, с попыток Мертона сформулировать в статье «Нормативная структура науки» (Merton, 1973: гл. 13) состав «этоса науки», куда он ввел «универсализм», «коммунизм», «безучастность» и «организованный скептицизм». Только в пределах принципа «безучастности» у Мертона 1942 года намечался выход в мотивационное противоречие как в интегрирующую структуру «амбивалентности», причем выход скорее негативного плана: «В области науки налицо конкуренция, причем конкуренция эта усилена акцентом на приоритете как критерии завершенности. В условиях конкуренции вполне могут возникать побуждения помешать конкуренту запрещенными средствами. Но база для выявления таких импульсов в области научных исследований весьма ограничена. Насаждение культа, неформальные клики, оперативные, но тривиальные публикации — эта и другая техника может использоваться для самовозвеличивания. Но в целом фальшивые заявки весьма редки и неэффективны. Практической реализации норм безучастности активно способствует полная подотчетность ученых перед своими коллегами. Диктаты целесообразности и нормативных восприятий в значительной степени перекрываются, что создает ситуацию, способствующую институциональной стабильности» (Merton, 1973: 276).

Здесь, как и в других составляющих этоса науки, мотив еще мыслится внутренне однородным, определенным непротиворечивыми и устойчивыми внешними ориентирами. О роли «безучастности» Мертон пишет: «Принцип является скорее некой моделью институционального контроля над различного рода мотивами, характеризующими поведение ученых. И коль скоро институт использует безучастную активность, в интересах ученых придерживаться ее правил под угрозой санкций или психологического конфликта, если правила интериоризированы как нормы» (Merton, 1973: 276).

В цикле работ конца 50-х и начала 60-х годов Мертон переводит эти интериоризированные или подлежащие интериоризации мотивы и правила в состояние парных и исключающих друг друга противоречий, что и создает амбивалентность, двойственность и противоречивость мотивации. Не обходится, естественно, и без ссылок на Бэкона (120-й афоризм 1-й книги «Нового органона»). В свете этой приведенной выше ссылки амбивалентность Мертона во многом и есть попытка породить «лучшие ароматы» — мотивы научного познания и нормы научной деятельности — из менее «ароматных» «гниющих материалов», объединенных в «патологию науки». В составе патологии конкуренция, подозрительность, зависть, скрытый плагиат («криптомнезия»), «эврика-синдром» и многое другое, по существу весь список предложенных Фрейдом отклонений от нормы. Вместе с тем амбивалентность Мертона, смысл

которой он излагает в основном на единичных примерах из биографий и частных свидетельств известных ученых, имеет и достаточно четко выраженную универсальную структуру. Парность противоречивых, устойчивых и статичных ориентиров задает ученому столь же противоречивые мотивы, причем следование любому из них порознь дает для науки деструктивный эффект. Оптимум, создающий «лучший аромат», располагается где-то в «среднем» как сочетание и перевод в кинематику-деятельность борьбы мотивов.

Именно эта универсальная структура амбивалентности и порождает сомнения относительно смысла эволюции Мертона от переориентированного религиозного стремления познать мудрость бога к амбивалентности. Действительно ли Мертон идет к специфически научной мотивации или уходит от этой специфики в общечеловеческое, типичное не только для науки?

Во-первых, сомнения порождаются тем фактом, что амбивалентность под другим термином — «диалектика среднего» — хорошо известна истории европейской мысли как один из вкладов античности вообще и Аристотеля в особенности в проблему истолкования гражданских добродетелей (принцип «золотой середины» в поступках). Известна эта диалектика и Бэкону. Говоря о мудрости древних в разделе «Полет Икара; Сцилла и Харибда, или Средний путь», Бэкон как раз и затрагивает структуру амбивалентности как на уровне поведения (полет Икара), так и на уровне интеллектуальной деятельности (Сцилла и Харибда), но затрагивает не как специфику науки, которой тогда не было, а как общечеловеческую универсалию (Бэкон, 1972: 286–287). Во-вторых, с появлением амбивалентности Мертон теряет демаркационные линии, отделяющие науку от ее предшественников, и прежде всего от теологии, а с исчезновением этих линий теряется и проблема генезиса науки как чего-то качественно отличного от других форм общественного сознания, использующих ту же мотивационную схему. Более того, серьезные искажения вносятся и в сам предмет социологии науки.

Замкнутый на амбивалентность — мотивацию, вклады, оценки, признание, научные карьеры — предмет социологии науки приобретает типичную «диссоциированную» структуру с высшей ее единицей — карьерой ученого. Подобно тому, как лингвисты, диссоциируя речь в предложения и считая предложение высшей единицей речи, полагают, что за пределами предложений лингвистических фактов уже не обнаруживается или, во всяком случае, не должно обнаруживаться, пока действует наличная лингвистическая парадигма, точно так же и предлагаемая Мертоном для социологии науки «парадигма 60-х» диссоциирует достойные изучения факты на высшем уровне научных карьер, их преемственного становления и окончательного состава, полагая, что этим исчерпывается предмет социологии науки, а за их пределами начинается уже нечто, к социологии науки отношения не имеющее.

При этом беспредметными, запредметными, в лучшем случае парапредметными или периферийными, оказываются такие составляющие предмета социологии науки и области концентрации общественной тревоги и интереса, требующие теоретического обоснования научной, академической и технологической политики, как подготовка научных кадров (воспроизводство субъекта научной деятельности), институты утилизации научного знания (деятельность по перемещению знания к местам и датам приложения). В стремлении к дисциплинарным совершенствам мертоновская «парадигма 60-х» явно настраивается на «чистый» дисциплинарный стиль познания, которому нет дела до практической приложимости его результатов.

Во всяком случае, в работах сборника «Социология науки» обнаруживается лишь одна практическая рекомендация, да и та амбивалентного толка — быть осторожным с идеей «неоправданного дублирования» исследований, поскольку за дублированием может стоять фундаментальное свойство многократности открытия (Merton, 1973: 359–360).

Но, пожалуй, наибольшие искажения «парадигма 60-х», использующая карьеру ученого в качестве высшей единицы социологии науки, вносит в само строение научной деятельности, в ее исследовательские и академические аспекты. Справедливо подчеркивая тот реальный факт, что идущий по преемственному личному основанию (научная карьера) процесс накопления дисциплинарного статуса ученого производен от оценки вклада как инкрементной образующей карьеры, а оценка совершается за пределами академической структуры (журналы, конференции, общества), Мертон, совершая попятное движение от вклада как основного дисциплинарного события и от оценки вклада как интеграции дисциплинарного события с карьерой, теряет из виду принципиальные различия самих вкладов. На одной доске атомарных событий оказываются и ориентированные на приращение знания инкрементные исследовательские вклады — события «переднего края» науки, — и явно другой ориентации теоретические и исторические вклады, во многом производные от академических условий и ограничений подготовки научных кадров. Эти ограничения связаны частью с ментальными и физическими возможностями студентов, частью с учебными планами — «часами», отводимыми кафедрами на соответствующие курсы, частью же с постоянной необходимостью передавать новым поколениям в предельно сжатом и экономно упакованном виде накопленное дисциплиной к данному моменту знание, ориентиры и правила, парадигмы дисциплинарной деятельности.

Если учесть, что ни один ученый не в состоянии следить за всей публикуемой дисциплинарной литературой, а у студентов этих возможностей еще меньше, то вклады, ориентированные на академическое опосредование растущего объема дисциплинарного знания, вряд ли можно считать соизмеримыми и сопоставимыми с исследовательскими вкладами. Исследовательские вклады — причина преемственного роста массива знания, тогда как теоретические и исторические вклады — во многом продукт усилий сжать с минимальными потерями и по возможности оперативно этот растущий массив до пропускной способности каналов академической трансляции, приобщающих новые поколения к научной деятельности, выводящих на «передний край» и в тылы науки новых ученых — исследователей, теоретиков, историков, преподавателей.

Скрытая в понятии вклада парность ориентаций — на умножение знания и на сжатие знания для целей воспроизводства субъекта научной деятельности — особенно ярко выявляется в попытках Мертона исследовать ролевой набор ученого, иерархию и распределение ролей по этапам научной карьеры.

В набор ученого Мертон вводит четыре роли: «Подобно многим статусам, статус ученого не ограничен одной единственной ролью, но в той или иной степени включает ряд дополнительных ролей. Это роли четырех основных типов: исследователь, преподаватель, администратор и привратник» (Merton, 1973: 520). Роль привратника — «гейткипера» — продукт сравнительно недавних увлечений Мертона процессами и институтами оценки в науке (Merton, 1973: гл. 21 «Институционализированные модели оценки в науке» — 1971 год; гл. 22 «Возраст, старение и возрастная структура

науки» — 1972 год). В этом четырехсоставном наборе ролей Мертон выделяет роль исследователя, и это естественно, поскольку конечной целью существования науки является накопление знания. «Роль исследователя, ответственная за рост научного знания, является центральной, а остальные функционально подчинены ей просто потому, что если бы не велись научные исследования, не было бы ни нового знания для передачи через роль преподавателя, ни необходимости распределять ресурсы для исследований, ни исследовательских организаций, требующих управления, ни потока нового знания, который могли бы регулировать привратники. Возможно, именно из-за центрального функционального положения этой роли ученые придают очевидно большее значение исследованию, чем другим ролям. Как это и бывает при исполнении комплекса взаимно дополняющих ролей, идеология далеко не полностью отражает дифференцированную оценку ролей набора: ученые часто настаивают на „неразделимости“ и, соответственно, на равной важности обеспечивающих ролей. И все же в самой модели очевидных предпочтений механизм системы вознаграждений в науке подтверждает, что наиболее высоко ценится именно роль исследователя. Героями науки становятся по способности быть исследователем, много реже по способности быть преподавателем, администратором, референтом или редактором» (Merton, 1973: 520).

Производная от «парадигмы 60-х» нерасчлененность роли исследователя по типу вклада (инкрементное приращение знания, теория, история) скрывает тот факт, что если собственно исследование ориентировано на события «переднего края», суть производство таких событий, то теоретическое и историческое сжатие массива наличного знания — на «тыловую» роль преподавателя, и пока нерасчлененность остается в силе, неизбежна путаница в самой структуре ролевого набора ученого, как и в «модели предпочтений». Деятельность теоретика и историка дисциплины котируется, во всяком случае, не ниже деятельности исследователя, и в этом смысле интегрирующим звеном и, соответственно, центральной ролью является роль преподавателя; функционально ей починены роли исследователя, теоретика, историка, ни одна из которых не является самостоятельной и самодовлеющей. Нельзя быть просто и исключительно исследователем, теоретиком, историком или, того меньше, — преподавателем. Все в ролевом наборе ученого предполагает все. Если преподавателю на кафедре предлагают курс на определенное количество часов, то ему волей-неволей приходится становиться и теоретиком, и историком, а чтобы стать теоретиком и историком, ему нужно иметь отправные точки для теоретического и исторического сжатия. Сами же эти точки задаются его контактом с «передним краем» своего исследовательского направления, то есть ролью активного исследователя. Такое строение ролевого набора ученого эмпирически проверено со времен «приват-доцентской» или «профессорской» реформы Гумбольдта, доказало свою эффективность в роли наиболее экономной и оперативной связи «переднего края» науки с процессом воспроизводства субъекта науки.

У Мертона эта связь между исследованием и воспроизводством субъекта научной деятельности, связь всего со всем в наборе ученого разрушена, роли выступают относительно независимыми видами деятельности. При этом наибольший ущерб терпит роль преподавателя, которая, подобно ролям администратора и привратника, толкуется в духе «почетной отставки» отходящих от исследовательской деятельности ученых. Причина такой диссоциации ролевого набора ученого лежит, нам кажется, все в той же «парадигме 60-х», которая концентрирует внимание исследо-

вателя на научной карьере и основном ее определителе — кумуляции личных вкладов, не различая разнотипности вкладов.

Нет смысла, естественно, требовать «отмены» или «замены», изменений «парадигмы 60-х» — никто не может запретить ученому в меру собственных пристрастий и собственного понимания так, а не иначе конструировать предмет исследований, создавать те или иные предметные единицы высшего уровня, проверять всеми доступными способами правомерность своих представлений. Но совсем другое дело — претензии той или иной парадигмы на степень полноты представления предмета и производные от таких претензий оценки положения в соответствующей дисциплине. Здесь трудно согласиться с оценками Сторера, который видит в «парадигме 60-х» некое завершение усилий превратить социологию науки в научную дисциплину. Исследования по «парадигме 60-х» Мертона при всей их массовости отнюдь не вся социология науки (даже американская), а только частное и в определенном смысле (актуализм) тупиковое исследовательское направление в социологии науки. Работы Куна и его последователей, работы по ценообразованию, опирающиеся на Индекс научного цитирования, работы многочисленных исследователей высшего образования, исследователей научной и академической политики очевидно не укладываются в «парадигму 60-х» и не менее очевидно создают революционную ситуацию в социологии науки.

В наиболее четком и достаточно осознанном концептуальном противоречии «парадигма 60-х» находится с идеями ценообразования-цитирования, впервые высказанными Прайсом, и с концепцией научных революций Куна (Kuhn, 1970).

По Мертону, процесс ценообразования в науке суть инкрементная кумуляция ценности (статус, известность, положение) по личному основанию карьеры ученого. Процесс необратим — «Единожды лауреат Нобелевской премии всегда лауреат Нобелевской премии» (Merton, 1973: 532). Интенсивность процесса во многом производна от его начала. Будущие лауреаты, например, публикуют больше работ, чем средние ученые, что Мертон связывает с более интенсивным взаимодействием между поколениями и развитым соавторством: «В двадцатилетнем возрасте, когда их способности оказываются идентифицированными, будущих лауреатов значительно чаще отбирают в ученики ученые с установившимся положением. (Хотя утверждение, будто лауреаты вскармливают лауреатов, было бы слишком сильным, факт остается фактом — сорок четыре из восьмидесяти четырех американских лауреатов работали в молодости под руководством в общей сложности шестидесяти трех лауреатов старшего поколения.) Есть основания предполагать, что эти руководители были более склонны к соавторству со своими учениками, чем те, кто обладал менее высоким и обеспеченным положением» (Merton, 1973: 549). Процесс ценообразования идет через опосредование вклада ученого привратниками (референтами, редакторами), оценка которых «соответствует примерно значению вклада в общий фонд знания» (Merton, 1973: 273). Вклад при таком подходе рассматривается как исходная валюта ценности, от которой производна оценка привратников. Вклад мыслится как величина постоянная, что и дает возможность выразить карьеру ученого через значение его вкладов в общий фонд знания.

По Прайсу, процесс ценообразования в науке основан не на мгновенных оценках привратников (сама возможность мгновенных оценок ставится под сомнение), а на цитировании, то есть атомарным событием процесса ценообразования выступает не вклад и его мгновенная оценка, а ссылка на работу данного ученого в более

поздних работах других ученых (самоцитирование, при всей его распространенности, не играет роли). Ценность вклада для дисциплины, а с нею и статус ученого при таком понимании величина переменная, и если карьера ученого ограничена сроком его жизни, то ценообразование-цитирование не признает этой границы, оказывается практически бесконечным процессом наращивания ценности и значения, интенсивность которого зависит от частоты цитирования — от участия вклада в актах связи нового с наличным, объяснения нового через наличное, признанное уже дисциплиной знание. Смертные вкладчики — Аристотель или Бэкон, Эйнштейн — обретают в процессе ценообразования дисциплинарное бессмертие, если их вклады цитируются, активно участвуют в дисциплинарном освоении нового знания. Сами вклады при этом претерпевают значительные и независимые от вкладчиков изменения — их постоянно переосмысляют, насыщают новым содержанием, о котором автор цитируемой работы мог и не помышлять, как Бэкон, например, о мертоновских интерпретациях его работ.

Мертон признает цитирование, но видит в нем не средство освоения нового через наличное, а некий механизм экстракции адекватного знания, растворения прошлого в настоящем и, соответственно, опустошения вкладов, вывода их за пределы наличного массива дисциплинарного знания. Цитирование выступает не столько как механизм ценообразования, а скорее как механизм обесценения, инфляции вкладов, «забвения через инкорпорацию». Степень совершенства такого механизма забывания и отличает, по Мертону, естественнонаучные дисциплины от общественных: «Положение в физических и биологических науках в значительной степени отличается от положения в общественных науках и особенно от положения в социологии. Если, например, физику как физику нет нужды самому знать „Начала“ Ньютона или биологу как биологу читать и перечитывать „Происхождение видов“ Дарвина, то социолог именно как социолог, а не только историк социологии, имеет веские причины изучать работы Вебера, Дюркгейма, Зиммеля и для их усвоения обращаться к работам Гоббса, Руссо, Кондорсе или Сен-Симона... Данные свидетельствуют о том, что физические и биологические науки значительно более, чем общественные, преуспели в искусстве восстановления релевантного кумулятивного знания прошлого и инкорпорирования его в более поздние формулировки. Этот процесс забвения через инкорпорацию пока еще редкость в социологии. В результате этого своевременно не восстановленная информация продолжает оставаться в дисциплине и полезно используется для обоснования начал новых направлений» (Merton, 1967: 34–35).

Такая «инфляционная» интерпретация дисциплинарной функции цитирования предопределяет и отрицательную реакцию Мертона на растущее число исследований по сетям цитирования с использованием данных Индекса научного цитирования. Эти исследования, по Мертону, угрожают изменить характеристики самого объекта социологии науки: «С момента изобретения Индекса научного цитирования исследования по цитированию растут такими темпами, что процесс грозит стать неуправляемым. В частом некритическом его использовании пренебрегают многими методологическими проблемами. Более того, само существование Индекса научного цитирования и растущий избыток исследований по цитированию... могут повести к изменениям в практике цитирования, что вызвало бы загрязнение ссылок или вообще сделало бы цитирование ненадежной мерой качества исследования» (Merton, 1973: 556).

В еще более остром противоречии «парадигма 60-х» находится с идеями научной революции, смены парадигмы дисциплинарных исследований. По Куну, научная революция — срыв преемственности инкрементной кумуляции, вызванный своего рода сбоем системы социализации индивидуальных вкладов и появлением в массиве дисциплинарных публикаций вкладов-«аномалий», которые не могут быть освоены дисциплиной на основе действующей парадигмы, требуют разработки и использования новой парадигмы. Развитая и детализированная парадигма — условие выявления аномалий: «Без специальной аппаратуры, которая конструируется для предзаданных целей, нельзя получить результаты, ведущие, в конце концов, к новации. И даже когда такая аппаратура существует, новое обычно возникает только для того, кто, зная *с точностью*, чего ему следует ожидать, способен осознать, что здесь что-то не так. Аномалия появляется только на фоне, который задается парадигмой. Чем более точна и развита данная парадигма, тем более чувствительным индикатором она является для открытия аномалий и, соответственно, для случаев, требующих ее изменения» (Kuhn, 1970: 65).

Появление новой парадигмы сопровождается радикальным переосмыслением и трансформацией существующей: «Для ученых, по крайней мере, большая часть видимых различий между исключенной теорией и ее преемницей вполне реальна. Хотя устаревшая теория всегда может рассматриваться как специальный случай своей преемницы, ее для этой цели необходимо трансформировать. И эта трансформация такова, что предпринять ее можно, лишь пользуясь преимуществами ретроспективы, опирающейся на экспликации более поздней теории» (Kuhn, 1970: 102–103). Приведение ранее действующей парадигмы к частному случаю или ее «фальсификация» — указание границ истинности, правомерности и справедливости — не более как способ искусственного восстановления преемственности за счет введения в предшествующую теорию понятийного и концептуального аппарата, который в ней заведомо не содержался. Так было, например, с реинтерпретацией теории Ньютона как частного случая теории относительности Эйнштейна (Kuhn, 1970: 99–100).

Утверждение новой парадигмы требует и переосмысления истории дисциплины прежде всего для академического опосредования новых постулатов и форм общения: «По достаточно ясным и в высшей степени функциональным причинам научные учебники (и большинство прежних историй науки) вовлекают только ту часть работы ученых прошлого, которую легко рассматривать как вклады в определение и решение проблем парадигмы данного учебника. Частью из-за селекции, частью из-за искажений ученые предшествующих периодов оказываются имплицитно представлены так, как если бы они занимались тем же самым фиксированным набором проблем и в соответствии с тем же самым набором фиксированных правил, которые стали научными в результате последней революции в научной теории и методологии. Неудивительно, что учебники и представленные в них исторические традиции приходится переписывать после каждой научной революции» (Kuhn, 1970: 138).

И Мертону, и его интерпретатору Стореру немало хлопот и огорчений доставляет растущая популярность работ Куна, образующих явно независимый от Мертона центр интеграции исследований по социологии и истории науки. Научные революции Куна Мертон считает запредметной или в лучшем случае периферийной проблематикой социологии науки: пока единственное место, которое ему удалось найти для Куна в «парадигме 60-х», ограничено постановкой вопроса о том, не влияет

ли возраст ученого на смену исследовательских интересов, а возрастная структура науки — на смену дисциплинарных парадигм (Merton, 1973: 554–556).

Сама же идея научной революции, очевидно, выходит за рамки «парадигмы 60-х», так что Мертону в попытках нейтрализовать Куна приходится насильственно смещать акценты его концепции: «В недавно вышедшей книге историк науки Томас С. Кун провел четкое различение между „нормальной наукой“ и „научной революцией“ как фазами в эволюции науки. Большинство опубликованных откликов на книгу, как и сам Кун, основное внимание уделяют тем возникающим время от времени скачкам, которые типичны дл научной революции. Но хотя эти революции — наиболее драматические моменты в развитии науки, большинство ученых большую часть своего времени занято работой в „нормальной науке“, которая развивается путем инкрементной кумуляции знания, основанной на принятых парадигмах (более или менее когерентных наборах постулатов и представлений). Кун, таким образом, не отрицает давно установившуюся концепцию, согласно которой наука растет за счет главным образом инкрементных приращений, хотя основная его забота — показать, что такой рост далеко еще не вся история науки. Но любая попытка вычитать из его книги, будто бы аккумуляция знания, санкционируемого сообществом ученых, попросту миф, оказалась бы в явном противоречии с фактами истории» (Merton, 1967: 12–13).

Сторер, которому очень хочется вывести Куна из Мертона (Merton, 1973: XXVIII–XXIX), находит довольно оригинальный, с привлечением китайских категорий, способ подвязать Куна к Мертону: «С момента появления в начале 60-х годов парадигмы Мертона большинство исследований в данной области удовлетворяло определению „нормальной науки“ Куна. Не только работы самого Мертона, но и работы многих других концентрировались главным образом на проблемах, которые, когда их удавалось объяснить, оказывались непосредственно связанными с вопросами, эксплицитно или имплицитно заключенными в парадигме Мертона. Короче говоря, социология науки вызрела до уровня, когда значительная часть исследований следует нормам „паззл-солвинг“ (складывания разрезных картинок. — *М. П.*). Кун сам подчеркивает, что отнести исследование к типу „паззл-солвинг“ вовсе не означает, будто такое исследование требует меньшего воображения, приносит меньшее удовлетворение или оказывается менее важным. Заполнение областей, которые, говоря терминами Мертона, идентифицируются той или иной парадигмой как „точно определенное незнание“ — столь же необходимо для развития научного познания, как и научная революция. Без „инь“ нормальной науки не стало бы почвы и для „янь“ научной революции, причем революции бывают сравнительно редко» (Merton, 1973: XXX).

Иными словами, что бы там ни говорилось о научных революциях вообще как срывах исторической преемственности дисциплинарного развития, в американской социологии науки, если верить Стореру и Мертону, пока не обнаруживается «аномалий», необъяснимых в парадигме Мертона. Предложенное этой парадигмой пустое место «точно определенного незнания» (контуры будущей целостной картины) служит пока исправно, позволяя социологам науки рассматривать свои вклады как содержательные обломки жесткой конфигурации, складывать их по правилам мертоновской парадигмы в содержательную целостную картину знания. Дисциплина функционирует в режиме «паззл-солвинг» как нормальная наука, и затевать разговор о революции в социологии науки пока, во всяком случае, рано, а может быть, и вообще не придется, поскольку «революции бывают сравнительно редко».

Нет смысла доказывать несостоятельность подобной оценки положения в социологии науки. Парадигма Мертона, продукт его сорокалетней методологической эволюции, опредметила и высветлила важную, но частную сторону науки как объекта социологических исследований. Очерченная парадигмой область «точно определенного незнания» — область возможной для данной парадигмы проблематики — не затрагивает проблем академического и прикладного опосредования растущего массива дисциплинарного знания и уже поэтому «парадигма 60-х» не может считаться полной, единой для всех социологов науки. Реализованная в парадигме идея интеграции предмета социологии науки по основанию научной карьеры оставляет за пределами анализа весьма существенные связи и определители научно-дисциплинарной деятельности, без учета которых вряд ли вообще возможно каузальное описание и тех фактов, которые опредмечиваются парадигмой Мертона. Общий актуалистический смысл «парадигмы 60-х», ее нацеленность на вневременные универсалии, не позволяет исследователям, использующим эту парадигму, подняться выше фактологических описаний научной деятельности как данности, что дает неизбежный апологетический эффект признания наличного как нормы существования науки, ставит под вопрос возможность приложений такого знания для решения практических проблем.

Литература

Merton R. K. Science, Technology and Society in the Seventeenth Century. L. : Osiris, 1938.
Merton R. K. Sociology of Science. Chicago, 1973.
Лейбниц Г. Письмо к Софии Шарлотте // Философские науки. 1973. № 4.
Merton R. K. Social Theory and Social Structure. N. Y., 1957.
Merton R. K. On theoretical Sociology. Toronto, 1967.
Гессен Б. М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М. ; Л., 1933.
Science and Society 1600–1900. Cambr., 1972.
Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1972.
Kuhn Th. S. The Structure of Scientific Revolutions, Chicago, 1970.

Публикация Г. Д. Петровой, 1974 г.

The Methodological Transformation of R. K. Merton

Mikhail K. Petrov (1923–1987)

During his forty years of active participation in shaping sociology of science as a separate scientific discipline, Merton walked a long and not always straight road. In his late 1930s works he still remained an able follower of Sorokin and Parsons. In the 1960s to 1970s, Merton studied scientific activity as such. His general shift of interest from the historical problem of science as an institution to the problem of functioning forms of scientific activity was accompanied by what are called ‘actualist’ tendencies.

Actualism is understood as – common for all experimental sciences — a procedural-cognitive-postulate complex based on the united principles of observation and verification. An explanation of a phenomena observed, if it is to be considered scientific, must be limited to or by the observation of causes. Within actualism, it is impossible to express knowledge of phenomena or objects the essential feature of which are marks of singularity, uniqueness, or space and time. The growing actualist trends point to constant efforts to reconstruct the subject matter of sociology of science in order to find in it invariant universal units and structures that belong to the disciplines so-called "eternity".

The book "Sociology of Science," with Merton's 22 papers, enables us to thoroughly follow Merton's transformation. The mid-1950s saw growing disagreements with Sorokin and later with Parsons. Merton more and more often tried to find in F. Bacon basic analogies, subject-methodological postulates, and ideas of what sociology of science should be as a scientific discipline. The Bacon of 1961 in Merton hardly resembled his 1938 Bacon. If earlier on he was a scholar dreaming of the almighty scientific method, later on he became a distinguished sociologist who managed to say everything about sociology of science. The 1961 Bacon formulated four basic requirements for scientific disciplines and for the disciplinary form of cognition in general:

a) incremental accumulation of knowledge; b) continuous social interaction between scientists; c) methodological use of research procedures; d) all social and scientific innovations are "conditioned by time".

It is clear that it is not about the theory formulated by Bacon himself, but about Merton's "guesswork". Bacon is readily taken out of the 1615 context by Merton, which is why he is such an amenable staff in Merton's hands. Merton got the idea that scientific disciplines progress unevenly, and that disciplines, with physics at their head as the "most developed", built a hierarchical structure in a certain distinctive scientific time. Scientific work according to the rules of natural sciences (observability, experimental verification, incremental accumulation, puzzle solving, prohibition of repeating the results) suggests a quite certain "natural" structure of a discipline, as well as a certain cognitive position of a scientist.

Merton's shuttle movements, his constant journeys from modernity to the XVII century and from the XVII century to modernity are not so innocuous. In the 1960s Merton paid much attention to the issues of pathological science (multiple discoveries, priority quarrels, the paradoxes of recognition and reward system) and the attendant problem of the ambivalence of scientists' motivation. These subsequently replaced the historical component that was seen in Merton's early works. Sociology of science — as shaped by Merton — saw substitution of the historical with the extra-historical, static or "eternal".

Confined to ambivalence — motivation, contributions, judgments, recognition, scientific careers — the subject matter of sociology of science acquires a typical "dissociated" structure with its highest unit — a scientist's career. Other components of the subject matter in sociology of science subsequently lose their substance, for example, scientists' training (reproduction of scientific agents) and institutions for utilizing scientific knowledge (transfer of knowledge to places and dates of application). In seeking disciplinary perfection, the Mertonian "1960s paradigm" ignores the practical use of scientific findings.

The "1960s paradigm" brings the biggest distortions into the structure of scientific activity, its research and academic aspects. Merton assigns four roles to scientists: researcher, teacher, administrator, gatekeeper. The roles are presented as relatively independent forms of activity. The role of a teacher — treated as an "honorary retreat" for scientists who have

left research – sustains the biggest damage. The reason for this dissociation of the scientist's role may be again found in the "1960s paradigm" that concentrates researchers' attention on the scientific career and its main defining factor, which means accumulating personal contributions (though it ignores the fact that contributions are of different types).

Merton's "1960s paradigm", though a very significant effort, does not constitute the entire sociology of science (be it even only American), but rather a specific and in a certain sense (actualism) dead-end research approach in the sociology of science. The "1960s paradigm" finds its clearest conceptual contradiction in the notions of citation-rewarding that were suggested for the first time by Price, as well as in Kuhn's theory of scientific revolutions. Merton considered Kuhn's scientific revolutions to be on the periphery of the subject matter of sociology of science.

The "1960s paradigm" cannot be deemed complete or in any sense final for all sociologists of science. It left outside of its analysis quite essential ties and indicators of disciplinary efforts. Neglecting them can hardly allow a scholar to offer a causal description of the phenomena that are materialized in Merton's paradigm. The general actualist sense of the "1960s paradigm" and its orientation to extra-temporal universals does not allow researchers who use this paradigm to go beyond description of the facts from scientific work. Instead, it calls into question the possibility of applying such knowledge to solving practical problems.

Порус Владимир Натанович

доктор философских наук, ординарный профессор,
заведующий кафедрой онтологии,
логики и теории познания факультета философии
Национального исследовательского университета —
Высшей школы экономики, Москва, Россия;
vporus@rambler.ru

На Мосту Интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология

Социологическая концепция «этоса науки» Р. Мертона рассматривается с точки зрения ее социально-эпистемологического содержания. Как «социальная эпистемология», эта концепция служит одним из источников мифа о «большой науке», сыгравшего заметную роль в философии науки XX века. Критика этой концепции может рассматриваться как спор различных эпистемологических интерпретаций социологических данных о науке и действиях ученых в исследовательских ситуациях.

Ключевые слова: наука, поведение ученых, этос науки, социология науки, социальная эпистемология, интерпретация.

Отношения между социологией познания и философией в прошлом веке могли бы стать канвой для нарратива о взаимных влечениях и размолвках, о склоках, выносимых на публичные форумы, и примирениях «со смешанными чувствами печали

и радости, с улыбкой и в слезах»[1]. Эта «love-story» длится и в веке нынешнем, а тем временем уже подросло и окрепло дитя любви — *социальная эпистемология*, относительно каковой уместен чуть ли не кантовский вопрос: как она возможна? Точнее, как возможна эта *философская* (а не социологическая!) *дисциплина*?

На этот вопрос иногда отвечают «негативно»: говорят, что она представляет собой «*направление в социологии познания, которое исходит из того, что традиционные эпистемологические проблемы должны решаться социологическими методами и средствами*» (Мамчур, 2010: 47). Иными словами, это все же *социология*, уверовавшая, будто пришло время ей стать на место *философской эпистемологии*, не способной дать *научное* решение своих традиционных проблем. Поэтому дилемма заостряется так: либо философия познания продолжает *свой* путь, некогда начатый столь славно, но ныне поставленный под сомнение своей принципиальной незавершаемостью, либо она должна посторониться и пропустить вперед целый ряд научных дисциплин, исследующих познавательные процессы, среди которых социология познания займет видное, если не главное, место. Самой же *философии* — пора отдыхать в кунсткамерах человеческих заблуждений, как к тому и клонил в свое время создатель научной социологии О. Конт.

Что противопоставить этой «негации»? Самое простое — поиграть словами. Дело ведь не в вывесках. Называем же мы философами мыслителей, доказывавших *невозможность* и *ненужность* философии в «век науки». Сменить вывеску — пара пустяков. Можно, например, назвать психологические исследования процессов познания «натурализованной *эпистемологией*»[2], а междисциплинарные науковедческие исследования — «*философией* науки»[3]. То же можно проделать и с социологией познания: и волки (ревнители научных методов решения философских проблем) будут сыты, и овцы (охранители традиционного статуса философии) будут целы. Правда, слова «философия» или «эпистемология» станут бирками, которые можно перевешивать как угодно, но велика ли беда?

Более сложный путь избирают те, кто видит в социальной эпистемологии «постнеклассическую теорию познания», которая одновременно почтительна к философии и признает важность междисциплинарного взаимодействия. Речь, по-видимому, идет о некоем «объединении усилий», которое положило бы конец бесперспективному соперничеству философов и сторонников специально-научной

---

[1] Сейчас мало кто вслух повторит запальчивые слова «Социология познания часто служит удобной ширмой, за которой скрывается невежество» (Лакатос, 2008: 434), но многие сторонники «рациональных реконструкций» не только истории науки, но и процессов познания как таковых и сейчас произносят их «про себя». Впрочем, их оппоненты не менее радикально оценивают «эпистемологию без познающего субъекта», тем более — без социокультурного контекста, в котором *субъекты* (!) принимают эпистемологически значимые решения, как схоластику, лишенную чувства реальности.

[2] «Эпистемология (или нечто подобное ей) должна занять свое место в качестве раздела психологии, а следовательно, естествознания в целом» (Quine, 1969: 78).

[3] «Я поддерживаю ту точку зрения, что философия отпочковывает от себя различные сферы знания. Все они — из лона философии, но приходит пора — и им оттуда следует вылезать. Вот и философия науки, с моей точки зрения, уже вполне созрела, чтобы порождать уже не философствование о науке, а *знание* о науке. Когда говорят, что философия науки — это раздел науковедения, я и с этим согласна, это правильная линия ее развития». Это реплика Н. И. Кузнецовой при обсуждении моего доклада (Порус, 2005).

ориентации на решение вопросов о познании. «Не стоит, впрочем, надеяться, — замечает И. Т. Касавин, — на какую-то фундаментальную устойчивость такого синтеза. Проблемы, над которыми задумываются социальные эпистемологии, являются философскими в той степени, в какой они оказываются неразрешимыми; специальные же задачи могут успешно решаться в рамках исторического, социологического, психологического и других способов исследования знания» (Касавин, 2010b: 14). Тогда для чего же нужна «социальная эпистемология»? По-видимому, она призвана *практически* решить противоречие, которое не поддается *теоретическому* решению: вместо того, чтобы ломать голову над всеобщими (а потому и абстрактно сформулированными) гносеологическими проблемами, не лучше ли поработать в рамках конкретных case-studies, а, добившись каких-то интересных результатов, тем самым, возможно, пересказать в более понятных и точных терминах сами эти проблемы?

Позволю себе сравнение: социальная эпистемология выступает как бы мостом между философией и специально-научными исследованиями познания; она призвана сообщать результатам последних философский смысл (возвращать им «вечную» проблемность), а философские рассуждения — опускать с небес абстракции на почву фактов и эмпирических исследований. Но если так, надо приготовиться отвечать на трудные вопросы.

Во-первых, не ясно, кому, кроме философов-оптимистов, пребывающих в безмятежной уверенности относительно своей полезности и значимости для науки, он мог бы понадобиться? Найдутся ли охотники из числа ученых пройтись по нему в сторону философии? Во-вторых, мост качается, обе его опоры неустойчивы. Одна из них — оттого, что философия принципиально плюралистична. Существует множество различных философских концепций, часто решительно несогласных друг с другом в интерпретации фактов и результатов, которые поставляют специальные науки. Другая — оттого, что никаких «чистых фактов» и «эмпирических обобщений», свободных от эпистемологических интерпретаций, специальные науки о познании дать не могут. Та информация, которая была бы свободна от таких интерпретаций (если это даже было бы возможно), никакого интереса для философии не представляла бы, а, следовательно, сам мост был бы сомнительным элементом интеллектуального ландшафта.

Если мост все же нужен, стоит дать ему некое имя. Я бы назвал его Мостом Интерпретаций. В самом деле, отношения между различными философиями и науками о познании (в том числе, конечно, и, может быть, даже в первую очередь — социологией познания) являются интерпретативными, и в этом их смысл. Конечно, имея множество различных интерпретаций, хорошо бы надеяться на «правильный» выбор из них. Для этого понадобится некий мета-уровень размышления о том, как различаются между собою философские интерпретации. Впрочем, ничего неожиданного в этом нет. Рефлексия есть обычное состояние философии, и примеров тому сколько угодно. Особенно — в случае социальной эпистемологии. Ведь она претендует на *исследование познания и знания в контексте* (со всеми возможными и соответствующими «наслоениями», зависимостями, коннотациями и т. п.). Контексты, что вполне очевидно, бесконечно многообразны и переменчивы, поэтому результаты их исследований не могут быть истолкованы раз и навсегда, исходя из каких-то априорных философских установлений. На всякий контекст не напасешься установлений, да и априорность противоречит контекстуализму как концептуальному основанию

социальной эпистемологии (Касавин, 2010а). Но контекстуальны и знание о знании, и рефлексия над ним и т. д., *ad infinitum*. Контекстуальность есть принцип, примиряющий с логическим кругом, и это — приходится признать — есть неизбывное положение, в каком очутится всякий, кто ступит на Мост Интерпретаций.

* * *

Об этом, я думаю, и свидетельствует восприятие философами идей социологов познания, в том числе Р. Мертона, одного из создателей этой ветви социологии. Пожалуй, ни одна из статей или книг, написанных философами, начиная с 1950-х годов, где так или иначе затрагивалась тема научного этоса, не обходилась без ссылок на его работы (Merton, 1972, 1973; Мертон, 2006), в которых была сформулирована так называемая система этических императивов CUDOS[1]. В «нормативной структуре науки» Р. Мертона даже видели модель демократического общества, сближая ее с идеалом «открытого общества» К. Поппера. Философский аспект мертоновской концепции выглядел очевидным, и критики часто переносили ее обсуждение на страницы собственно философских работ без каких-либо оговорок. Тем более что сам Мертон, по-видимому, не был слишком озабочен различиями между социологией и философией науки. Речь шла о принципиальных установках, какими должны руководствоваться ученые в своей деятельности, об их ценностном характере и о том, что именно такие, а не иные установки составляют комплекс условий, при которых наука живет и развивается «правильно», то есть достигает своих целей наиболее эффективным образом и кратчайшим путем. По сути, «Этос науки» Р. Мертона и «Большая наука» К. Поппера, хотя и с разных сторон (Поппер акцентировал, что лучшим этосом в науке является соблюдение требований методологического фальсификационизма), подходили к определению неких «трансцендентальных» условий познания, разумеется, с тем радикальным отличием от классического трансцендентализма, что сами эти условия создаются людьми и действуют только до тех пор, пока с ними согласны, по меньшей мере, представители научной элиты. Но считается, что вывод об *универсальности* норм этоса и ценностей в науке, обеспечивающих ее существование как таковой, был сделан Мертоном на основании *исторического* и *социологического анализа научных институтов* (в их взаимодействии с социальными, идеологическими и религиозными институтами) с позиции методологического функционализма и в дальнейшем использовался при объяснении различных социальных дисфункций, в особенности тех, какие вызываются разрывом между целями культуры, с одной стороны, и возможностями социальных институтов обеспечивать достижение этих целей, с другой.

Если так, то это вывод *социолога познания*, а его философский смысл может быть выявлен соответствующими интерпретациями. Одним *философам* эта концепция нравилась, другие ее критиковали (за пресловутую утопичность и несоответствие историческим реалиям науки), но и те, и другие искали в наблюдениях и выводах Мертона подкрепления своим мыслям о науке и этике ученых. Это напоминает историю с *историком науки* Т. Куном, которого причислили к философии науки XX века и даже сделали одним из ее корифеев: одни затем, чтобы найти в его концепции аргументы

[1] Аббревиатура, составленная из заглавных букв названий этих императивов: communism, universalism, disinterestedness, organized skepticism; их содержание анализировалось бессчетное число раз. См., напр.: (Мирская, 2008; Демина, 2008).

в пользу релятивизма, другие — чтобы на ее примере показать пагубность последнего для научной рациональности, третьи — чтобы, наконец, перевести отвлеченные философские рассуждения на язык историко-научного исследования[1].

Еще раз: философское прочтение социологически устанавливаемых норм, соблюдаемых в научном сообществе, есть не что иное, как *интерпретация*. Если социологические наблюдения за поведением ученых позволяют сделать какие-то обобщения о связи этого поведения с результатами научной работы, то истолкование этой связи и выбор обобщений (то, что они не однозначны, подтверждается социологической практикой) зависят от того, каких философских взглядов придерживается либо сам социолог, либо тот, кто использует его выводы для целей философии.

Например, «организованный скептицизм» как будто должен означать этически фундированную готовность ученого поставить под сомнение даже основы своей науки, не говоря уже о частностях, если к тому подвигает опыт и логика, а если эти основы — мнения высших научных авторитетов, то *отказаться от этих мнений ради истины*. Это и есть философская интерпретация: предполагается, что ученые следуют нормам этоса, поскольку верят в *существование истины*, какой бы смысл ни вкладывался в этот термин. Разумеется, вера ученого в истину — не та, что вера богослова[2], но у них есть общее: они верят в то, что истина есть *цель* познания, существующая независимо от движения к ней. Поэтому успешность познания измеряется тем, приближает оно к этой цели или не приближает, а то и отдаляет от нее. Именно поэтому функциональность институтов, предназначенных для осуществления познавательных процессов, зависит от того, что перевешивает: комфорт согласия ученых с мнениями научных авторитетов или степень приближения к истине, хотя бы это приближение и было для них сопряжено с трудностями и беспокойством. Можно сказать, что именно «классическая наука», по сути, ратовавшая за рациональную свободу от религиозной догматики, в известном смысле все же может считаться законной наследницей богословия, взяв у него жизненно важное для себя — уверенность в том, что познание направляется к истине, и ради достижения этой цели нельзя постоять за ценой.

Та же интерпретация уместна и по отношению к другим нормам «мертоновского» этоса науки. Это очевидно. Не очевидно следующее: допускают ли эти нормы иную интерпретацию, отличную от названной? Другими словами, возможно ли, чтобы мертоновская концепция этоса науки предстала в виде другой социально-эпистемологической теории? Например, такой, в которой идейной подоплекой «организованного скептицизма» была бы вера не в истину, а во всесилие критического метода, дающего возможность науке избавляться от заблуждений, то есть убеждение, лежащее в основе «критического рационализма» К. Поппера (напомним, что попперовское представление о целях познания сильно отличается от

---

[1] Т. Кун, сохраняя достоинство историка, был не против, чтобы его концепцию считали философской (если уж так хочется философам). Во всяком случае, он заявлял, что его теория «раскрывает природу науки» и указывает путь, «по которому должны следовать ученые для того, чтобы их предприятие было успешным» (Кун, 2001: 266).

[2] Сравнивая научное и религиозное понятия истины, Э. Жильсон пишет: «Я знаю благодаря разуму, что нечто истинно, потому что я вижу, что оно истинно, но я верю в то, что нечто истинно, потому что Бог сказал, что оно истинно. В этих двух случаях причины моего принятия истины совершенно различны, и, следовательно, науку и веру следует рассматривать как два совершенно разных типа принятия истины» (Жильсон, 1992: 35).

«классического»). А не совместим ли «организованный скептицизм» и с «догматизмом», царящим в куновской «нормальной науке»? В самом деле, ведь этот догматизм относится только к фундаментальным положениям теории, взятой вместе с ее методами за «парадигму», но в рамках стандартной деятельности по решению конвенциональных задач даже самому преданному ревнителю «парадигмы» отнюдь не противопоказано быть критиком самого себя; даже напротив, ведь все сомнения, неизбежно возникающие в трудных поисках разрешения научных «головоломок», должны относиться именно к исследователю, к его способности правильно использовать возможности, заключенные в «парадигме». Но если так, то «универсальные» принципы этоса, оказывается, могут быть «скорректированы», приспосабливаясь к тем или иным философским интерпретациям.

На Мосту Интерпретаций может происходить сложное взаимодействие между интерпретирующими и интерпретируемыми положениями; философский взгляд на данные социологов может изменить если не данные, то их отбор с последующим обобщением, имитирующим «строго научный» вывод. Отсюда вопрос: в каком смысле можно вообще говорить о так получаемых выводах, что они представляют собой «нормы» научного этоса? Иначе: эти «нормы» *выводятся из социологических исследований* или *являются следствиями определенной философской интерпретации* последних?

В своих ранних работах Мертон считал нормой все, что полезно и разумно для функционирования науки (Мирская, 2008: 130). Но в науке — различные нормы: «образцы практической деятельности, с одной стороны, и образцы их восприятия как актов познавательных, с другой», «нормы речевой коммуникации», образцы систематизации знания» (Розов, 2008: 197–198). Этос ученого складывается из объединения и пересечения этих норм, которым можно придать и этический смысл. Что может сделать социолог науки, исследуя эти нормы?

Методологические действия ученого становятся нормативными, если они следуют образцам, которые в достаточной мере зарекомендовали себя гарантами успеха. Такие нормы регулируют построение различных типов теорий, осуществление наблюдений и формирование эмпирических фактов (Степин и др., 1996). Принятие этих норм, как правило, осуществляется «автоматически»: если ученый работает в рамках какой-то научной традиции, он следует ей как чему-то само собой разумеющемуся. Это почти то, что Л. Флек называл «стилем мышления» (Флек, 1999), а Т. Кун — приверженностью «парадигме» (Кун, 2001; Kuhn, 1963, 1974). Социологический анализ таких норм возможен, но чаще он касается фактов, когда ученые по каким-то (заметным для социолога) причинам *нарушают* эти нормы или *удерживают* их под давлением внешних обстоятельств, например, когда какие-то социальные институты пытаются навязать ученым свои представления о ценностях; тогда именно сопротивление этому давлению может стать силой, охраняющей суверенитет науки (Barber, 1952). В какой мере успешным может быть это сопротивление, вопрос всегда открытый; в различных ситуациях и контекстах ответ может быть разным. Но всякий раз речь идет о чьих-то конкретных поступках, решениях, выборах. Значит, и социологическое исследование этих ситуаций должно быть конкретным, привязанным к фактам. Можно ли из него вывести универсальные «императивы» поведения ученых?

Ответ, скорее всего, отрицательный. Слишком разнообразны мотивы поведения конкретных людей, работающих в науке (как, впрочем, и во всякой другой сфере деятельности). Слишком неоднозначна связь этого поведения с результатами научного

исследования. Ведь мыслимы ситуации, когда не соблюдение каких-то этических требований, а наоборот, их нарушение приводит к успеху. Например, если стимулом для ученого является получение более или менее крупного вознаграждения за результат (изобретение, внедрение новации и т. п.), то он способен пойти напролом к этой цели, не считаясь с моральными сдержками, и его шансы на успех могут оказаться выше, чем у «бескорыстного» служителя истины, критически относящегося к промежуточным результатам своего исследования и потому упускающего приоритет, проигрывающего в конкурентной борьбе.

Это означает, что нормативный этос науки, как его изображал Мертон, является, по сути, следствием некой, стоящей за кулисами его социологии, концепции «идеальной науки», которая служила «ситом», позволяющим сепарировать социологически значимые факты, отсеивать одни из них и принимать в расчет другие, соответствующие концепции в целом.

Но тогда приходится признать, что эта концепция выступает в роли *схемы интерпретации социологических фактов*, и потому теорию «научного этоса» следует отнести к социальной эпистемологии. А это означает, что ее критика (явная или неявная) со стороны альтернативных, например, «исторических», интерпретаций эволюции науки (Т. Кун, С. Тулмин, Дж. Агасси, П. Фейерабенд и др.) — спор между философскими теориями, а не попытки ее эмпирического доказательства или опровержения. Разумеется, то же самое можно сказать и о совпадениях этических характеристик науки, по Мертону, и «кодекса научной чести», по К. Попперу (Лакатос, 2008: 287). В концепции Куна «нормальный» ученый *морально* наступает на горло своему скептицизму и лезет из кожи вон, чтобы продемонстрировать всесилие «парадигмы» (а значит, и правоту господствующих мнений) при решении задач-головоломок. Но К. Поппер видел в этом *моральное уродство*, заслуживающее снисхождения, только если допустить, что ученый «плохо обучен» или является «жертвой индоктринации». Больше того, он называл это уродство большой опасностью «для науки и, возможно, для нашей цивилизации» (Поппер, 2008: 529, 530), имея, конечно, в виду взаимосвязь между «критическим рационализмом» и демократией, которую, ему казалось, разрушает как догматизм куновской «нормальной науки», так и его изнанка — релятивизм.

Все это, повторю, есть конкуренция философских интерпретаций социологических, исторических, социально-психологических данных. Если продолжить сравнение, спор происходит на качающемся Мосту, который от усилий спорящих раскачивается еще сильнее. Чтобы укрепить свои позиции, кое-кто из спорящих иногда сбегает с Моста на тот берег, где науковеды (социологи, психологи, историки и пр.) собирают факты о науке и поведении ученых, заимствует эти факты у них (или сам принимает участие в их сборе), а затем, возвращаясь на Мост и ссылаясь на эти факты, включает в спор какую-то иную интерпретативную схему объяснения. Это происходит, когда есть нужда, то есть когда существующая схема подвергается слишком внушительной критике, когда она больше занимается самооправданием, чем объяснением фактов, и потому вынуждена уступать оппонентам; иногда к этому ее подвигает изменившееся умонастроение ученых и философов, изменение социально-культурного статуса науки и т. д. Тогда социальная эпистемология на Мосту Интерпретаций выполняет определенный культурный «заказ»: она создает *мифы* (в том числе и в первую очередь — *мифы о науке*), которых требует изменившаяся культурная среда. Эти мифы затем выстраиваются (более или менее удачно) в новую *мифологию*, призванную возвратить культуре устойчивость, время от времени колеблемую

историческими изменениями, в том числе трансформациями смыслов «культурных универсалий»[1]. Характерная особенность этих мифов в том, что они «облачены в научные тоги», то есть оформлены так, как это принято в науке[2], но отличаются своей очевидной «ангажированностью», подчиненностью философски определяемым целям. Именно поэтому социально-эпистемологические концепции так избирательны по отношению к интерпретируемым фактам (тому материалу, который поставляет им комплекс научных дисциплин о познавательных процессах).

Сам Мертон (его трудно упрекнуть в невнимательности к фактам) во имя поддержания своей интерпретативной схемы объявлял факты, свидетельствующие о том, что реальное поведение ученых значительно отличается от «нормативного», свидетельствами «патологии» этого поведения. Совсем как философы, пытавшиеся объяснить, почему добрые по природе люди совершают неправедные и свирепые поступки, ссылались при этом на «искажения» природы, идущие либо от неправильного устройства человеческого общежития, либо от духовной патологии, коренящейся в болезнях или действиях «темных» сил. Так недобросовестная конкуренция, своекорыстие, специфический ressentiment со стороны алчных и мелкодушных работников науки причисляются к «порокам», подлежащим осуждению. Отсюда — один шаг до изображения современной науки специфической сферой отчуждения, вызываемого властью денег и превращением знаний в товар, участвующий во всеобщем обмене[3]. Мертон этого шага не сделал и не собирался делать. Ему было достаточно указать на «амбивалентность» этоса науки: чтобы остаться самим собой, ученый может и должен находить разумную середину между различными, даже противоположными модусами поведения, не падая в крайности, но и не уклоняясь от существа дела: поведение должно быть таким, чтобы оно способствовало «нормальному» развитию науки, а не тормозило его (Merton, 1976). Это воскрешение аристотелевского учения о «золотой середине» в этике на почве социологии науки почти умиляет своей наивной деловитостью. Но миф о «Большой науке» (или о «Классической науке», если угодно) оставался для Мертона позицией и ценностью, расставаться с которым он не хотел и не мог.

Правда, этот миф не был закосневшим и прямолинейным. Когда требовалось, Мертон вносил в него важные добавления и «уточнения», а некоторые из них получили не меньшую известность, чем «нормы этоса». Например, это «эффект Матфея», ставший хрестоматийным в социологии познания: маститый ученый и малоизвестный труженик науки за одинаково значимые результаты получают отнюдь не равное вознаграждение (как в виде почестей и признания со стороны научного сообщества, так и в виде различных выплат) (Merton, 1968; 1988). Так устроен мир (и не только научный!), ничего не поделаешь, да и делать не надобно, ведь это не мешает, а скорее, даже помогает «правильно» или «успешно» развиваться научным (и не только научным!) институтам. Ну, да, «эффект Матфея» как-то не очень согласуется с нормой «бескорыстности» (разве что мы предположим, что получающий почести и деньги мэтр, скрепя сердце, мирится с этими обстоятельствами, из скромности или

---

[1] Подробнее об этом я рассуждаю в (Порус, 2002).

[2] Наука и миф — проблема, которую нельзя решать плоскими противопоставлениями в духе наивного «прогрессизма». Об этом — глубокие работы К. Хюбнера (см.: Хюбнер, 1996; 1999), см. также: (Депперт, 1999).

[3] Этот шаг по пути, проложенному К. Марксом, в XX веке делали многие теоретики, рассуждавшие о науке. См., напр., многочисленные высказывания о науке Э. Фромма.

застенчивости не выступая против них; но такое предположение не выглядит правдоподобным; пример Григория Перельмана потому и взволновал общественность, что явился исключением, подтверждающим правило, да и мэтром-то замечательный математик фактически не был и не захотел им стать!). И что с того? «Признание со стороны сообщества может служить личной заинтересованности ученого в получении материальных и моральных благ, однако добиться его можно только путем скрупулезного соблюдения норм научного этоса» (Коннов, 2007: 3). Вот и все, и не стоит, право слово, слишком задумываться над тем, что означает «скрупулезное соблюдение норм». В этом вообще суть мифа, он безучастен к критике — пока он нужен. А он действительно нужен, ибо призван вдохновлять тех, кто верит в то, что наука тем функционально успешнее, чем в большей степени ученые следуют проверенным временем нормам.

Когда же приходит пора новых мифов (а чтобы они вошли в силу, надо вначале дискредитировать старые!), на интерпретативную схему Мертона начинают падать упреки: она де неправильно (упрощенно, утопично и т. п.) описывает и объясняет действительность науки. Эту критику иногда изображают как «дальнейшее развитие мертоновской социологии науки», а иногда — как разрыв с ней (Barnes, Dolby, 1970: 13). Указывают, что мертоновская модель поведения ученых, якобы всегда обеспечивавшая науке наилучшую функциональность, была только ошибочной «универсализацией» особенностей, какие имели место только в определенный период развития науки. Кроме того, «она описывает статичный набор норм и не учитывает переменные предпосылки, которые могут оказать влияние на продуктивность интеллектуальных процессов»; для изменившихся исторических условий, в каких работает наука, лучше подходит «модель теоретических групп» Гриффита и Маллинза (Griffith, Mullins, 1972), которая могла бы быть «интегрирована в более общую картину научных инноваций, если бы включала также структуру соперничающих теоретических групп и длинной последовательности стадий, через которые они проходят» (Коллинз, Рестиво, 2002). Обсуждение «сетевой концепции» социологии науки Р. Коллинза (Коллинз, 2002; 2009), которому принадлежат эти замечания, здесь неуместно, но отметим, что его критика явно направлена на *метод социологических исследований* Мертона, а не на *философскую интерпретацию* последних. Такую критику мертоновской концепции можно считать типичной. Между тем, учитывая сказанное выше, «за спиной» этой критики часто стоит спор различных эпистемологий.

Для примера можно взять критику мертоновской концепции И. Митроффом. В 70-х годах прошлого века он опубликовал данные, полученные при изучении действий группы ученых-селенологов и свидетельствующие, по его мнению, о том, что этос успешного научного коллектива прямо противоположен тому, какой Мертон считал свойственным науке как таковой (вместо «универсализма» — «партикуляризм», вместо «бескорыстности» — «скаредность», вместо «организованного скептицизма» — «организованный догматизм» и т. п.) (Mitroff, 1974a; 1974b). Вряд ли разумно трактовать этот вывод в том духе, что за тридцать лет после работ Мертона нормы этоса ученых сменились на противоположные и более тщательный (или более добросовестный!) социологический анализ эти изменения зафиксировал. Скорее дело в том, что философская интерпретация социологических данных (влияющая, конечно, и на отбор последних) у Митроффа иная, нежели у Мертона. И не случайно, что именно в эти годы происходят изменения воззрений на науку, фиксируемые в философских дискуссиях 1960–1970-х годов, в которых громко звучали голоса критиков абстрактно-рационалистического идеала науки (П. Фейерабенд и др.).

Когда напряжение дискуссий спало, наступило время иронической критики *любых нормативных изображений науки*. Чего стоит эта нормативность, если так легко заменить нормы «антинормами», то есть показать удручающую симметричность положительных и отрицательных модусов поведения ученых? С. Фуллер пишет, что «нормальной науке», по Т. Куну, присущи черты «мафии, королевской династии и религиозного ордена» (Fuller, 2003: 46), что ученые во все времена двурушничали и лицемерили, сопровождали призывы к интеллектуальной свободе полной безответственностью, когда речь шла о социальных последствиях их деятельности, льстили авторитетам с расчетом получить добро на публикации и т. д. (Fuller, 1997). О нормативном этосе как факторе функциональной успешности науки, казалось бы, пора забыть, когда наступают тяжкие времена для науки в целом или для отдельных ее отраслей, как это случилось в России после того, как рухнула система имперского патронажа, резко упало финансирование, и наука беспомощно ввалилась в дикий рынок со всеми печальными последствиями.

Но в ситуации общего функционального кризиса науки (Юревич, Цапенко, 1998), как это ни парадоксально, поведенческие нормы ученых остаются более или менее стабильным условием выживания и даже удерживают надежды на выход российской науки из «коматозного» состояния (разумеется, при условии, что «инновационные стратегии развития страны» не станут пропагандистским маневром власти, а получат реальную перспективу[1]). Возможно, именно в ситуации кризиса (а не при относительном благополучии) «бескорыстие» ученых как принцип этоса проходит решающую проверку, и над этим уже не так легко иронизировать. Здесь не стоит ссылаться на факты (конечно, их не трудно отселектировать так, что нормативный этос Мертона станет совсем беспомощной мишенью для глумления; но, возможно, именно те, совсем не такие уж редкие, случаи, когда ученые соблюдают эти нормы, хотя это и выглядит совершенно невозможным, оставляют надежду на то, что российская наука имеет достойную перспективу).

Мифы о науке, лишенной нормативных ориентиров, науке, едва ли не более аморальной, чем общество, в котором она существует, пришедшие на смену мифу о науке как о модели нравственного и действительно демократического общества, были нужны в период, когда требовалось снять флер оптимизма, чтобы не оставаться в положении обманутых глупцов. Но проходит время, и они перестают выполнять свою культурную роль, ибо с такими мифами нельзя надеяться на будущее.

Это, на мой взгляд, демонстрирует культурную действенность мифов о науке, возможно, гораздо большую, чем научные исследования последней. «Мифы о науке — это полезные иллюзии, без которых ее мораль не могла бы существовать» (Аллахвердян и др., 1998: 290). Вообще-то принято думать, что иллюзии — это всегда что-то вредное, от чего надо избавляться как можно скорее. Но это, конечно, упрощенное мнение, если угодно, тоже одна из иллюзий, к которым требуется вполне конкретное, обусловленное потребностями людей, отношение. Авторы цитируемой работы предлагают видеть в нормах научного этоса не «императивы», а некие образцы-ориентиры, предназначенные не для того, чтобы им безоговорочно следовать, но чтобы

[1] Это, несомненно, sine qua non, но «опыт последних лет убедительно свидетельствует о том, что попытки создания инновационной экономики путем «внутренних» изменений в отечественной науке не дают результатов. Необходимы соответствующие изменения всего нашего общества, а не только его науки» (Юревич, 2010: 65).

уменьшать возможное зло как следствие отступления от них. Между нормами мертоновского типа и реальным поведением ученых есть существенный зазор, и осознание этого факта предохраняет как от этического ригоризма, так и от этического релятивизма. Можно было бы уподобить отношение *провозглашаемых* норм к «закулисной» жизни ученых, отмеченной субъективностью, пристрастностью, как и другими «антимертоновскими» чертами, отношению между сознательным и бессознательным в психике человека. «Как и бессознательное отдельного человека, „бессознательное“ науки является вместилищем запретных инстинктов, желаний и намерений и поэтому подавляется сознанием. Но одновременно оно — источник жизненной энергии, незаменимая форма мышления и основа творчества» (Аллахвердян и др., 1998: 290). Конечно, это не согласуется с моделями науки, базирующимися на «абсолютистских» представлениях о научной рациональности (Порус, 2002), но зато соответствует «функциональной» методологии науковедческих (в том числе социологических и психологических) исследований: «Рациональны и субъективность ученых, и отрицающие ее мифы, и живучесть этих мифов в самосознании науки, и их разрушение ее критической рефлексией. Но это — рациональность особого рода, к которой мышлению, воспитанному на мифах о науке, предстоит долго привыкать» (Аллахвердян и др., 1998: 290). Я добавлю к этому, что и это мнение, которому я симпатизирую, является определенной социально-эпистемологической позицией, в которой — при желании — нетрудно увидеть философскую интерпретацию фактов научной жизни.

* * *

В заключение замечу: мне бы не хотелось быть неправильно понятым. Рассматривая социологию познания Р. Мертона (точнее, определенную часть его социологических исследований, посвященных этосу науки) как одно из направлений в социальной эпистемологии, я нисколько не умаляю научную значимость этих исследований. Видя в них мифологическую составляющую, я не принижаю науку, к которой они относятся. Совсем наоборот: именно благодаря тому, что эти исследования впитывают в себя научную методологию и данные вместе с их философской интерпретацией, они получают тот культурный резонанс, какой сопровождает всю историю мертоновской социологии науки. Это, я думаю, и есть то, что делает вклад Р. Мертона в науку и философию, а шире — в современную культуру, столь заметным.

Литература

Barber B. Science and the social Order (with a foreword by R. K. Merton). Glencoe, Ill. : The Free Press Publ., 1952. 288 p.

Barnes S., Dolby R. The Scientific Ethos: a Deviant Viewpount // European Journal of Sociology. 1970. Vol. 11. № 1. P. 3–25.

Fuller S. Kuhn vs. Popper. Revolutions in Science. Cambr. : Icon Books, 2003. 227 p.

Fuller S. Science (Art of Living). Buckingham : Open Uni Press and Uni of Minnesota Press, 1997. 160 p.

Griffith B., Mullins N. Coherent social groups in scientific change // Science. 1972. Vol. 77. P. 959–964.

Kuhn T. Second Thoughts on Paradigms // The Structure of Scientific Theories / ed. by F. Suppe. Urbana : University of Illinois Press, 1974. P. 459–482.

Kuhn T. The Function of Dogma in Scientific Research // Scientific Change / ed. by A. Crombie. L. : Heinemann, 1963. P. 347–369.

Merton R. The Ambivalence of Scientists // Sociological Ambivalence and other essays / ed. by R. K. Merton. N. Y. : The Free Press, 1976. P. 32–51.

Merton, R. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / ed. by B. Barnes. L. : Penguin Books, 1972. P. 65–79.

Merton R. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. Vol. 159. P. 56–63.

Merton R. The Matthew Effect in Science, II. Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // ISIS. 1988. Vol. 79. P. 606–623.

Merton R. The Normative Structure of Science // Merton R. The Sociology of Science. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1973. P. 267–268.

Mitroff I. Norms and counter-norms in a select group of the Apollo Moon scientists: a case-study of the ambivalence of scientists // American Sociological Review. 1974a. Vol. 39. № 4. P. 579–595.

Mitroff I. The subjective side of science. A psychological inquiry into the psychology of the Appolo Moon scientists. Amsterdam : Elsevier, 1974b.

Quine W. Ontological relativity and other essays. N. Y. : Columbia University Press, 1969. 169 p.

Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки : учеб. пособие. М. : Московский психолого-социальный институт «Флинта», 1998. 312 с.

Демина Н. В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки / под ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирской. М. : Academia, 2008. С. 144–165.

Депперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб. : РХГИ, 1999. С. 187–204.

Жильсон Э. Разум и Откровение в Средние века // Богословие в культуре Средневековья. Киев : Христианское братство «Путь к Истине», 1992. С. 5–48.

Касавин И. Т. Контекстуализм // Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М. : Канон+, 2010a. С. 15–35.

Касавин И. Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы // Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М. : Канон+, 2010b. С. 5–14.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.

Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2009. 320 с.

Коллинз Р., Рестиво С. Пираты и политики в математике // Отечественные записки. 2002. № 7. (www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/ 2002_07_42.html).

Коннов В. И. Принципы научного самоуправления в современной социологии науки // Философские науки. 2007. № 4. С. 97–114.

Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2001. С. 539–576.

Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2001. 606 с.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект, 2008. С. 281–462.

Мамчур Е. А. Еще раз о предмете социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24. № 2. С. 72–74.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.

Мирская Е. З. Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этос науки / под ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирской. М. : Academia, 2008. С. 123–143.

Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней; Кун Т. Структура научных революций // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект, 2008. С. 525–537.

Порус В. Н. Рациональность, наука, культура. М. : УРАО, 2002.

Розов М. А. Нормативная структура науки // Этос науки / под ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирской. М. : Academia, 2008. С. 184–204.

Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М. : Гардарика, 1996. 400 с.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 208 с.

Хюбнер К. Истина мифа. М. : Республика, 1996. 448 с.

Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб. : РХГИ, 1999. С. 114–125.

Юревич А. В. Стратегии развития российской науки // Социология науки и технологий. 2010. № 1. С. 52–66.

Юревич А. В., Цапенко И. П. Функциональный кризис науки // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 17–29.

On the Bridge of Interpretations: R. Merton and Social Epistemology

Vladimir N. Porus

Tenured Professor Faculty of Philosophy,
Department of Ontology, Logics and Cognitive Theory: Department Head
National Research University — Higher School of Economics, Moscow;
vporus@rambler.ru

In the last century, the relationship between sociology of knowledge and philosophy could have become the plot thread for a narrative about mutual concord and discord. This love story persists in the current century, and the child grown up by that love is *social epistemology*, which gives rise to a relevant question: how is the latter possible? Or rather, how is this *philosophical discipline* possible?

Sometimes the response to this question is "negative": they say that it is a "*sub-discipline in the sociology of knowledge that presumes that traditional epistemological problems should be solved by sociological methods and means*". What can be opposed to this "negation"? A difficult path would be chosen by those who regard social epistemology as a "post-non-classical theory of cognition". What is social epistemology needed for? Perhaps its mission is to solve *in practice* the contradictions that defy a *theoretical* solution: what is required is not to rack one's brain over universal epistemological problems, but rather to work on particular case studies and to recount the findings in more precise and clear terms.

Social epistemology serves as sort of a bridge between philosophy and specific scientific studies of inquiry; its goal is to attach philosophical meaning to the latter, and to land philosophical reasoning from the heaven of abstraction onto the soil of facts and empirical studies.

Difficult questions arise. Firstly, is it clear who might need this bridge? Will there be volunteers among scholars to cross it in the direction of philosophy? Secondly, the bridge is swaying, and both its supports are unstable. One of them is insecure because philosophy is fundamentally

pluralistic, the other because particular epistemological disciplines cannot offer any "pure facts" and "empirical generalizations" that are exempt from epistemological interpretations.

If the bridge is really needed I would call it the Bridge of Interpretations.

It looks like no paper written by philosophers since the 1950s, as far as the ethos of science is concerned, has managed to do without references to R. Merton's works. They involved basic guidelines for scientists to follow in their activities, as well as the idea that these guidelines make up a set of conditions under which science functions and advances in the "right" way. It is believed that the conclusion about the *universal* character of the ethos of science and values in science that make its existence possible was made by Merton on the basis of *historical* and *sociological analyses of scientific institutions*. If this is true, it is a conclusion made by an *epistemological sociologist*, and its philosophical meaning can be found through the appropriate interpretations. Some *philosophers* have liked this concept, others have criticized it, but all of them have tried to find in Merton's observations and conclusions things that corroborate with their own ideas on science and scientists' ethics.

This interpretation is possible in relation to all norms in Merton's scientific ethos. But do these norms allow another interpretation? Is it possible that Merton's theory of the ethos of science could emerge in the form of a different socio-epistemological theory?

The Bridge of Interpretations sees a complicated interaction between interpreting and interpreted statements. The philosophical perspective on evidence from sociologists is changeable; if not the data then their selection. A question follows: are the disciplinary norms *inferred from sociological studies* or are *they the outcomes of a certain philosophical interpretation of the latter*?

The normative ethos of science as presented by Merton was a result of a certain concept of "ideal science." This served as a "sieve" to identify facts with sociological meaning and then to take into consideration other facts that correspond basically to the chosen concept.

Then it should be acknowledged that this concept serves as a *scheme to interpret sociological facts*, and subsequently the theory of an ethos in science must be assigned to social epistemology. So it follows that criticism from the side of alternative interpretations of scientific development (T. Kuhn, S. Toulmin, J. Agassi, P. Feyerabend and so on) is an argument between philosophical theories rather than attempts to find empirical proofs or refutations. All this is a competition between philosophical interpretations of the development of science. When pursuing a comparison, the argument takes place on an oscillating Bridge which is swinging more intensively due to efforts of the contentious participants.

Merton himself, in order to support his interpretive scheme, declared the facts to be proofs of a beahavioral "pathology", revealing that the real conduct of scientists differs greatly from the "normative" ideal.

Later on, Merton's interpretive scheme came under reproofs: its descriptions and explanations of scientific reality were allegedly wrong. This criticism is sometimes presented as "further development in Mertonian sociology of science" and sometimes as a split with it. These criticisms are obviously directed against Merton's *method of sociological studies*, and not against their *philosophical interpretation*. This criticism of Mertonian theory can be considered typical. Nevertheless, behind this criticism one can discern a confrontation of various epistemologies.

When the tension of disagreements dropped, the time of ironical criticism of *any normative perceptions of science* came. What is the worth of this normative approach if it is so easy to substitute anti-norms for norms that show a frustrating symmetry between positive and negative modalities of scientists' behavior?

During the general functional crisis in science the behavioral norms of scientists in this country persist in a more or less stable condition of survival. They even support the hopes that Russian science will overcome its comatose state. It is quite possible that in this crisis scientists' *disinterestedness* will become a principle of the scientific ethos that passes us collectively through a decisive test. After that it would not be so easy to make ironic remarks on the state of science.

I will say in conclusion the following and would like to not be misunderstood. Considering the Mertonian sociology of knowledge as one approach in social epistemology, I do not detract from the scientific value of these studies, and I do not disparage the kind of science to which they belong. Quite the contrary: it is because these studies assimilate scientific methodology and data along with philosophical interpretation that they have produced a certain cultural awareness which accompanies the entire history of Mertonian sociology of science. It makes R. Merton's contribution to science and philosophy, and further on to the present-day culture, so distinguished.

Irena Marshakova-Shaikevich

The Institute of Philosophy RAN,
Moscow, Russia,
AM University, Poznan-Kalisz, Poland;
ishaikev@mail.ru

Meeting Robert Merton: Discussion of Co-citation Maps of Science and the Evaluation of Scientific Journals

Introduction

From January till April of 1990 I stayed at ISI (Philadelphia, PA). Eugene Garfield, the founder and president of that well-known institution had invited me there, and to this day I recollect with gratitude those months. I was lucky to do my research there, to enjoy Garfield's benevolence, to have talks with interesting people. A few days before leaving for Russia I had a talk with B. Griffith Professor at Drexel University and he asked me: 'Whom do you wish to meet in US?' 'My dream is to meet Robert Merton', I answered.

I had read the works of that renowned scholar; some ten years before he had mentioned co-citation as a tool of research in the history and sociology of science. (The method had been elaborated independently by H. Small and myself). To hear his opinion on co-citation and on evaluation of scientific journals would be very important to me.

'But it is hardly possible, I added, I don't know if he is still in the subject, and besides I am leaving US in three days'.

The same night I had a call from Professor Griffith: 'Bob will wait you on Monday at 12.25 in Russell Sage Foundation (NYC)'. That I was glad and excited, is quite clear. The thing that struck me most was the time of the appointment — 12.25, not 12.30, nor 12.45. In a rush I began collecting materials for discussion wish Merton and contacting my friends' son who would help me with my English.

I was in Russell Sage Foundation at 12.00. In the lounge I asked a lady. 'How will I know Professor Merton?' She answered: 'You are sure to recognize him, he is a GENTLEMAN!'. Indeed, when I saw a tall grey-haired man with kind smile and penetrating eyes, there was no mistake: It was Merton! I stood up and approached him.

Co-citation maps of science

Bibliometrics is one of the approaches to the study of science. It was in the 1960s and is associated with a quantitative analysis of flow of documents. Items of bibliometric analysis are publications grouped according to a multitude of aspects: journals, authors, countries, thematic groupings, organizations, words, etc. The specific feature of bibliometrics is the use of secondary information: all kinds of bibliographic indexes and databases which stimulated the development of such methods and special interest for fundamental aspects of information science.

The corresponding statistics may be of great interest for the analysts of science development, it may help in planning and management of science.

Two important sides of these directions of analysis should be mentioned at once.

Bibliometrics is based on the huge amount of easily accessible secondary information well represented in various databases, particularly in the databases of the ISI. It was exactly those databases that served as a starting point for the development of bibliometrics.

Bibliometrics is primarily a quantitative study of the flow of documents. It is not aimed at finding a particular bit of information, it concentrates on discovering middle- and long-range trends, on strategic monitoring the development of science.

Various bibliometric methods in the study of science fall into two major approaches. The first is based on the analysis of the dynamics of separate features — 'plain bibliometrics'. The second is associated with the study of correlation between objects, their clustering and classification — 'structural bibliometrics'.

The development of both approaches in bibliometric studies was greatly facilitated with the advent of ISI system (today DBs ISI/Thomson Reuters) — a universal (worldwide and polythematic) information base. It was Merton's followers ((D. Crane, J. R. Cole and others) who started using Science Citation Index system for measurement of scientific activity and citation rating of scientists.

The second approach to the quantitative study of information has been gaining popularity since the early 1970s. It is aimed at getting structural (or qualitative) picture of the state of science. The quantitative characteristics of information processes are not considered here as final results of the analysis, they are used as tools to describe the everever changing structure of science in general and of particular fields of knowledge.

One of the few methods elaborated along these lines is cocitational analysis.

From the mathematical point of view Citation network is a set of documents with the relation of citing imposed on it. In other words it is a union of a set of citing papers and a set of cited papers. A citation network is a potential base for various classification of member-papers. Search for practical algorithmic (automatic) classification is a characteristic feature of present-day bibliometric analysis of citation networks. It was M. Kessler who in 1962 formulated the concept of 'bibliographic coupling''bibliographic coupling' as a measure of similarity of two documents based on the number of common references.

The logical opposite of bibliographic coupling is the concept of co-citation proposed in 1973 independently by H. Small in the USA and by the present author in the USSR. The similarity of two documents depends on the number of papers citing both documents. When a new paper appears it is not linked to any other paper until it starts to be cited in scientific literature. I called this connection *prospective* for it is based on citations in future literature. Kessler's term *bibliographic coupling* I called *retrospective* connection. I admitted that H. Small's Small's term *co-citation* proved a happier coinage and I borrowed it into Russian as *kocitacia* or *kocitirovanie*.

When applied to a vast bibliographic material (primarily to the SCI databases) cocitational analysis serves as a means of getting clusters in the citation nets which can be interpreted as elements of a complex hierarchical structure of science with very broad fields of knowledge at the top and many individual research fronts at the bottom.

Among numerous techniques covered by 'structural bibliometrics''structural bibliometrics' the place of honor belongs to co-citation analysis and corresponding mapping of science. I do not intend to discuss here this well known method — its results are shown in maps: fig. 1 — co-citation map of publications (for the 1968–1969 period), fig. 2 — co-citation map of the authors of those publications.

First we discussed those maps of science. The 1968–69 map, which included 442 publications (fig. 1), served as a source for establishing links between authors. The productivity (number of publications) of each author in 1968–69 was taken into consideration, when the sum of mutual prospective links was calculated. On the basis of those normalized links between authors a *n*-measured symmetrical matrix was built. Graphic representation of that

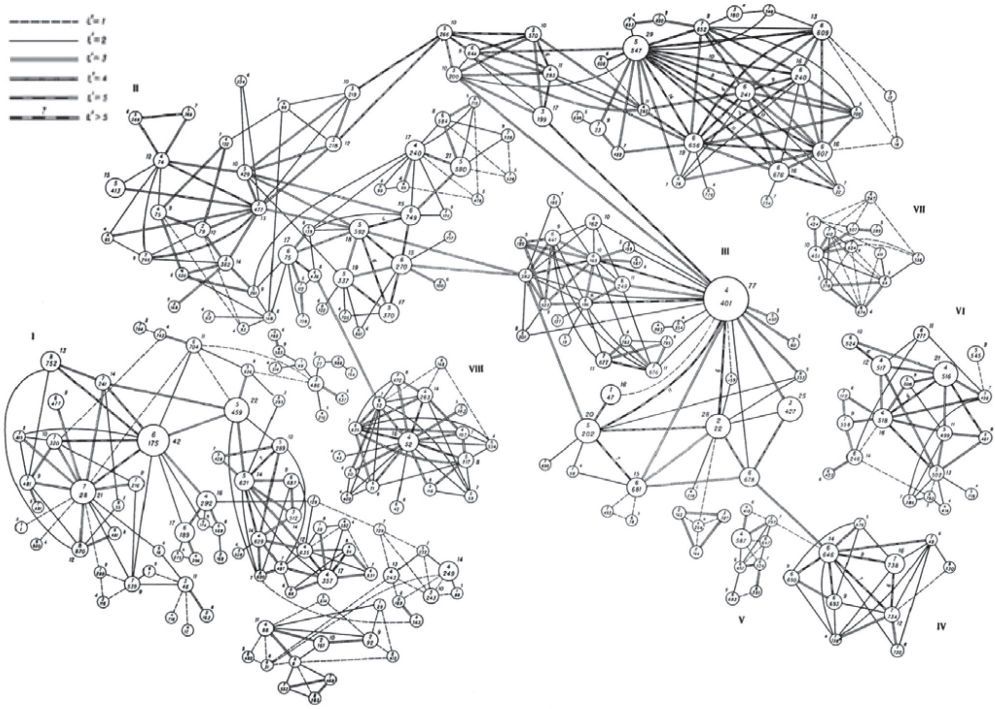


Fig.1. Map 1968-69 Research Fronts in Laser's field

matrix was published as a map of author-to-author links (fig. 2 — the map Professional communication between authors in the Laser's field 1968–69). There is a difference between maps of co-cited publications and maps of co-cited authors, which means that cognitive and social structures of a field of knowledge differ as well.

The difference between the two maps was the central point of our discussion with Professor Merton. It is important to mention the fact that the map of co-cited publications representing the cognitive structure of a scientific field does not coincide with the map of co-cited authors where some social factors are reflected. The method of co-citation analysis (method of structural bibliometric) serves to identify cognitive and social structures of science and the nature of their correlations (congruence, non-congruence), as well as forms of professional communication. This method should be used in scientific knowledge and identification of social institutes of science. Maps of science produced by the method of co-citation reflected one more way of knowledge existence — prospective connections between publications determined by relationships within the scientific community (on the whole). Prof. Merton acknowledged the fact that such maps should be regarded as an objective picture of the cognitive and social structures of science; they could lead to discovery of important individual papers, true leaders in new fields and directions of science.

Robert Merton was always interested in the emergence of new specialties, their further development and their influence on scientific knowledge. I knew that and I drew his attention to the co-citation map of publications for the 1966–1967 period (fig. 3) and stressed that my research of the corpus of laser publications had been carried out in two separate stages 1) for 1966–1967 and 2) for 1968–1969. On the basis of the formal mathematical model

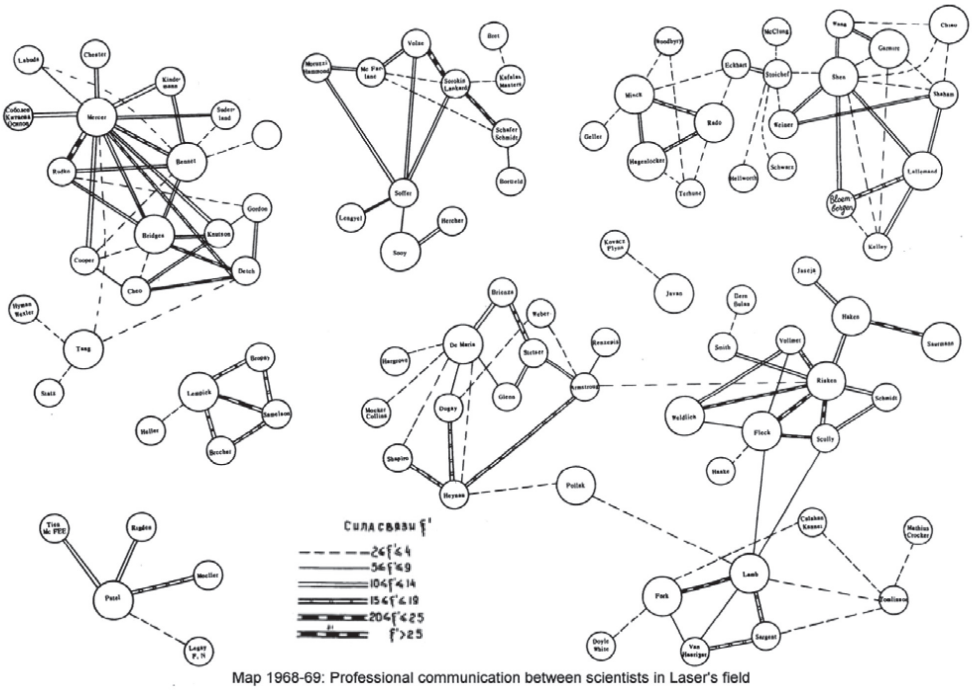


Fig. 2. Co-citation map of authors

and resulting procedure 13 autonomous groups were found for 1966–1967 and 26 groups for 1968–1969: those groups are easily interpreted and labeled e. g. Laser'*s theory of laser; Quantum theory of OKG; Laser in magnetic field; Stimulation of laser radiation; Self-focusing of laser beams; Brillouin scattering; Interaction of oscillations; Zeeman effect in lasers; Giant pulse laser; Research on distribution of laser radiation; Generation of optical harmonics; Solid-state laser; Organic dyer laser; Molecular gas lasers; Liquid lasers; Ion lasers.*

The changes in configuration are due to: a) stabilization of groups, b) division of a group into related groups, c) appearance of new groups. Stable groups are characterized by strong prospective links. Documents with weak prospective links are unstable and can be easily re-grouped. Changes in classification usually show landmarks in the development of the given field of science. Group 'Laser on water vapors', which appears on 1968–69 map, is the result of research, done in 1964–1965. W.E.Lamb's paper of 1964 (number 4 401 on the maps, a classical work in Price's terms) is the core of the 'Theory of gas lasers' group [Lamb W.E.Jr. Theory of laser// Phys.Review, 1964, 134 , N 6A, 1429].

Normalized impact factor of scientific journal

We also discussed possibilities of bibliometric assessment of scientific journals and fields of knowledge. My idea was to introduce a special measure — normalized impact factor (K) to the data bases of Journal Citation Report Science Edition (JCR:SE), which was elaborated by me for evaluation od Russian journals and published in 1988 (in Russian). It is well known that level of citedness differs significantly across various fields of science: it very high e. g. in biology and medicine and very low in mathematics or engineering. Therefore the traditional

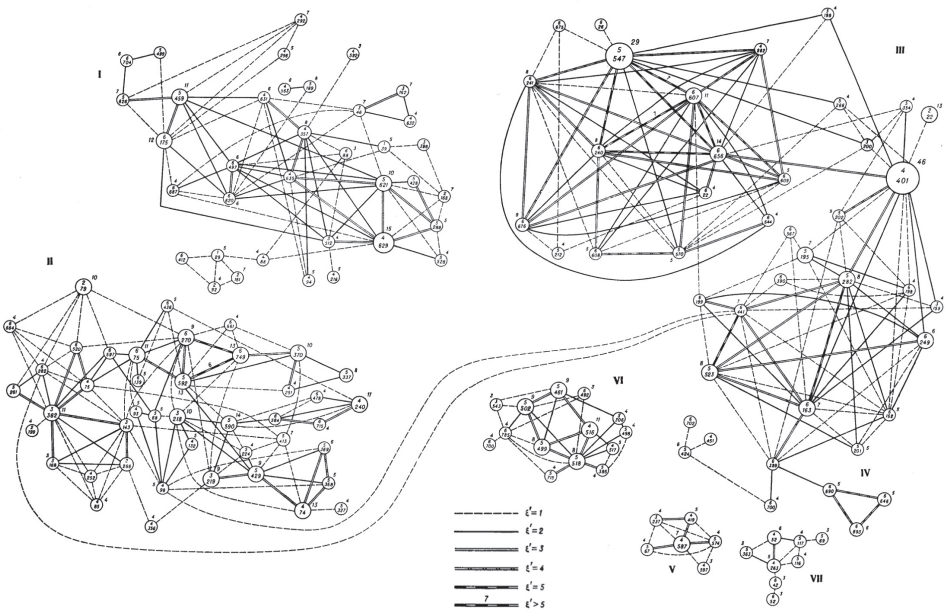


Fig. 3. Map 1966–67 Research Fronts in Laser's field

impact factor (Ip) of a journal, as indicated in JCR DB, would be valid only within a certain large field of science. To facilitate cross-field evaluation particular journals a new measure is introduced. The Ip of a journal is divided by the standard impact factor (Ig) of the field, to which this journal belongs. The technique of calculation of the standard impact factor for a field (Ig) is an inherent part of the method. For each field of science 5 journals with the highest Ip values were selected. If the total number of papers in those journals (for the two preceding years) was less than 500, the list was extended until the threshold of 500 was reached. The ratio of the total number of citations (in ISI source journals) of articles in the list journals to the total number of source items in those journals (Ig) should represent the field as a whole and is called standard impact factor of the field. It should reminded that in calculation of both Ip and Ig include current year citations of the items in two preceding years.

Once standard impact factor of the field is obtained, the numerical assessment of a particular journal becomes evident. The most obvious and simple indicator would be the ratio of the two measures: **K= (Ip / Ig) x 100%** - % — Normalized impact factor of a journal.

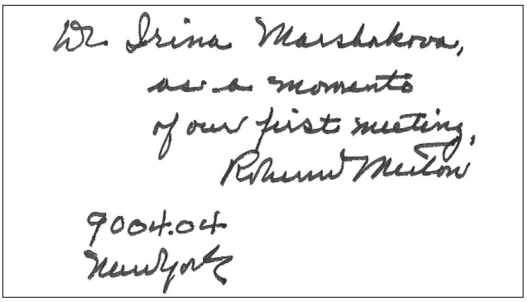
If a journal belongs to two or more fields the arithmetic mean of the two or more Igs may be used.

First results of calculation K-index for Russian scientific journals were shown and discussed with R. Merton. Table 1 may serve as an illustration to this point.

Table 1 JCR: Science Edition 2000 RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNALS
ranking by Normalized impact (K > 20)

Journal Abbreviation	Title in Russian	Ip	K
PETROLOGY	Петрология	0.786	32.61
LASER PHYS	LASER PHYSICS	0.891	30.83
PLASMA PHYS REP	Физика плазмы	0.650	30.23
GLASS PHYS CHEM	Физика и химия стекла	0.394	28.14
QUANTUM ELECTRON	Квантовая электроника	0.741	26.18
INSTRUM EXP TECH	Приборы и техника эксперимента	0.361	25.78
ACOUST PHYS	Акустический журнал	0.356	23.40
RUSS MATH SURV	Математическое обозрение	0.379	22.56
ASTRON LETT	Письма в Астрономический журнал	0.953	21.66
JETR LETT	Письма в ЖЭТФ	1.411	21.22

Robert Merton seemed interested**.** Our talk carried on for four hours. At parting he gave me seven of his papers and his well-known book “On the shoulders of giants” with the following inscription:



Лазар Михай Гаврилович

доктор философских наук,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук
Российского государственного гидрометеорологического
университета (РГГМУ), Санкт-Петербург, Россия;
mihai_lazar@mail.ru

Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении

В статье обсуждаются нормативная система науки как социального института, созданная Р. К. Мертоном в 40–60-е годы XX века и получившая название CUDOS+OH, а также более поздние попытки других авторов разработать новые системы антинорм этоса науки. Предлагается дополнить философский и социологический подходы к анализу этоса науки этическим подходом, суть которого в признании постоянного расхождения между этическим «должным» — нормами профессиональной этики ученого — и «сущим» — моральной практикой в постакадемической науке.

Ключевые слова: классическая наука, постнеклассическая наука, этос науки Мертона, этос постнеклассической науки, этический подход, профессиональная мораль ученого.

К середине XX века классическая академическая наука стала не просто систематизированной системой знаний, специализированной формой познания окружающего мира, но и особым социальным институтом, задача которого — выявить закономерности не только изменения и развития окружающего мира, но и преобразования природы, общества и человеческого сознания. Познание и преобразование природы выполняется как естествознанием (science — в англоязычной традиции), так и техническими науками. Однако к середине прошлого века ощутимо возрастает роль и социально-гуманитарных наук, задача которых — изучение социальных объектов, людей и их сознания. Как отмечали некоторые исследователи, наука середины XX века, следуя старым академическим традициям, еще стремилась избежать нравственной ответственности, а словосочетания «наука и общество», «наука и мораль» содержали в себе скорее подчеркивание суверенности, непосредственной власти и автономности науки в обществе, чем признание какой-либо связи между ними (Витченко, 2004: 5–7). Но во второй половине XX века, когда наука вступает в новую фазу развития — постнеклассическую, эти словосочетания приобрели новое содержание: признается их взаимовлияние и взаимозависимость, мораль влияет на развитие науки, а научный и технический прогресс существенно меняет содержание требований семейной, профессиональной, трудовой морали.

Очередной скачок в развитии науки и техники, происходивший в середине XX века, на сей раз одновременно и более стремительно, получил в литературе название научно-технической революции (НТР). Наука стала непосредственной производительной силой общества, она привела к ускорению научно-технического прогресса, в результате чего меняется социальный статус самой науки и ученых, меняются социальные оценки науки, которая все больше участвует в создании новых видов оружия. «Малая наука», по выражению Д. Прайса, развиваемая учеными-одиночками, существовавшая преимущественно в университетах и имеющая значительную

автономию от государства и властей, превращается после Второй мировой войны в «большую науку». Для нее характерна массовость профессии ученого, сложная организация, управление и обильное финансирование со стороны государства и крупного капитала, частичная потеря автономности и возрастающая зависимость от источников финансирования.

«Проектное» развитие науки и техники (научно-технические проекты) начало осуществляться во время Второй мировой войны. Первым стал американский проект создания атомной бомбы; почти одновременно подобные, но менее успешные проекты разрабатывались в гитлеровской Германии, а также в СССР. В итоге во второй половине XX столетия наука из индивидуально-групповой формы деятельности ученых превращается в массовую профессию, специфический социальный институт по производству, сохранению и трансляции нового знания и одновременно в наиболее прибыльный для государства и бизнеса род деятельности и сферу инвестиций. Рождается и постоянно обсуждается проблема гражданской и нравственной ответственности ученых и науки перед обществом, взаимовлияния науки и морали.

Эти радикальные изменения функционирования науки, резкий рост ее социального статуса и возможностей привлекли внимание исследователей во всем мире еще до Второй мировой войны. Некоторые штрихи новых возможностей науки и опасения по этому поводу были отмечены еще в 1920–1930-е годы в работах российско-советских ученых (В. Вернадского, К. Циолковского, Б. Гессена, Н. Бухарина), английских историков науки и философов (Дж. Бернала, Б. Рассела, У. Томсона), ряда европейских ученых (Н. Бора, Э. Резерфорда, А. Эйнштейна и др.). В их работах впервые ставился вопрос о соответствии морального состояния общества, ученых в частности, достигнутому наукой уровню в раскрытии секретов природы, в открытии новых, неизвестных ранее источников энергии.

В США пионером нового направления — науковедения как формы самопознания науки — и «отцом-основателем» социологии науки стал молодой адъюнкт Гарвардского университета в 1930-е годы, а потом профессор Колумбийского и других американских университетов Роберт К. Мертон (1910–2003), со дня рождения которого в 2010 году исполнилось 100 лет. Он, подобно М. Веберу, оставил заметный след в мировой социологии науки.

В работах 1940–1960-х годов Мертон развивает плодотворную идею рассмотрения науки как социального института, одним из главных признаков которого являются познавательные нормы и идеалы, которые обозначены им как «этос науки» — термин, до сих пор привлекающий внимание и вызывающий споры науковедов, философов и социологов науки во всем мире. Содержание и значение этого термина широко и всесторонне представлено во множестве зарубежных и советско-российских работ. В последние годы в России это осуществлено в коллективной монографии московских авторов «Этос науки» (2008), содержащей богатую библиографию зарубежной и отечественной литературы по теме. В предыдущей статье в этом журнале (Лазар, 2010а) мы кратко рассмотрели становление этики науки в СССР, влияние концепции Р. Мертона на ее становление. В настоящей работе мы выполняем данное там обещание более подробно рассмотреть проведенный в монографии «Этос науки» анализ этого понятия и выразить свое отношение к затронутой в ней проблематике, в частности к предпринятым в 1970–1990-е годы попыткам объявить нормы этоса науки Р. Мертона устаревшими, мифологическими, идеалистическими, не отражающими новые реалии постакадемической науки.

Задача данной статьи — не очередная трактовка норм этоса науки Р. Мертона и не рецензия упомянутой монографии. Это — попытка доказать, что **к этосу науки, к анализу взаимоотношений науки и морали во второй половине XX века необходимо применять не только философский или социологический подходы, но и этический**, позволяющий, на наш взгляд, более точно оценить место и роль идей Р. К. Мертона в современном науковедении. **Суть этического подхода состоит** в анализе специфики проявления морали в обществе, в том числе профессиональной морали ученых, этоса науки, а именно — **в наличии постоянных расхождений между этическим «должным», выраженном в нормах Мертона, и «сущим» в науке — повседневной практикой, нравами постакадемической науки**. Это нормальное состояние морали.

Касаясь упомянутой коллективной монографии, хотелось бы отметить основательность большинства статей, разносторонность подходов и широту освещенных аспектов проблемы этоса науки, взаимный учет точек зрений, высказанных авторами книги. Для рассмотренного вопроса это существенный вклад в его разработку, реальное продвижение вперед коллективным философско-социологическим анализом проблем этики и этоса науки. Однако подчеркиваю, данная статья — не рецензия на эту коллективную монографию, это невозможно сделать при таком разнообразии подходов и точек зрений. Но оценки некоторых авторов и ссылки на их текст неизбежны, особенно это касается тех, чьи подходы и выводы созвучны задачам данной статьи (к примеру, работы Г. С. Батыгина, Н. В. Деминой, Л. П. Киященко, Е. З. Мирской, Э. М. Мирского, В. Н. Поруса, В. С. Степина и других авторов, которые, на наш взгляд, ближе остальных подошли к этическому способу объяснения расхождений между требованиями норм научного этоса и поведением многих ученых, как в прошлом, так и в настоящее время).

Начнем с мертоновской формулировки норм этоса науки, интерпретация которых не только у разных авторов разная, но и у самого Мертона существенно менялась и дополнялась с течением времени. Поскольку в статье Н. В. Деминой в указанной монографии дается достаточно подробный хронологический анализ возникновения и развития концепции этоса науки, приводится адекватный перевод ее содержания, описывается развитие ее идей Мертоном и Барбером в 1960–1970-е годы, включая концепцию амбивалентности, а также приводятся основные новшества в литературе 1970–2000-х годов, мы не будем останавливаться на этом вопросе. Укажем лишь, что многие авторы монографии содержание норм этоса науки трактуют весьма широко, интерпретируя их с позиций философии или социологии науки. Отметим и то, что в своей первой монографии 1978 года в соавторстве с И. И. Лейманом (Лазар, Лейман, 1978: 114–117), а еще раньше в кандидатской диссертации (1975) и статьях 1973–1977 годов, автор этих строк тоже приводил перевод норм этоса науки, амбивалентных норм в том числе (возможно, даже впервые в СССР). Перевод был сделан Г. Полторановой, моей коллегой по Ленинградскому сектору Института философии АН СССР, по привезенной руководителем сектора профессором А. Г. Харчевым из США книге Р. Мертона “The Sociology of Science” (Мертон, 1973).

После написания и защиты Р. Мертоном докторской диссертации на тему «Наука, технология и общество в Англии XVII века» (1933–1935), в которой еще чувствовалось влияние идей М. Вебера о науке, протестантизме и роли пуританской морали в развитии индустриализма, размышления о науке как социальном институте, ее нормах, стали все больше занимать Мертона. Они воплотились в статьях «Наука и социальный порядок (1937) и «Наука и технология при демократическом

порядке» (1942). Эту статью Мертон переименовал в 1973 году, назвав «Нормативная система науки», и опубликовал в своем сборнике «Социология науки», в котором объединил опубликованные ранее работы. Многие исследователи, и мы в том числе, отмечали, что нормы универсализма и организованного скептицизма появились у него как реакция на фашистскую практику и теорию превосходства арийской расы, травлю в Германии многих знаменитых ученых-«неарийцев» и «лысенковщину» в СССР. Мертон был убежден, что наука может успешно функционировать только при демократическом строе, он не принимал тоталитаризм ни в обществе, ни в науке. В статье 1942 года **понятие этоса науки Р. Мертон сформулировал как совокупность четырех институциональных императивов**: коммунизм (communism), универсализм (universalism), незаинтересованность (disinterestedness) и организованный скептицизм (organized skepticism). Эту систему норм стали называть CUDOS, по первой букве каждой нормы. Как отмечает Н. В. Демина, знаток этой проблематики, “cudo” на американском студенческом сленге означает славу, почет, престиж, всеобщее признание и уважение. Во множественном числе (cudos) — это похвала, награда, премии и т. п. В целом, акроним CUDOS можно понимать как «структуру вознаграждения» (Демина, 2008: 148). В силу специфических обстоятельств, преследования коммунистов в период маккартизма в США в 1950-е годы, дабы избежать обвинений в симпатии к коммунизму, название нормы «коммунизм» было изменено его сторонниками (Б. Барбером) на «коммунализм».

Этос науки, по Мертону, это «эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей» (Мертон, 1973: 268–269). Эти ценности и нормы — следующие.

Коммунизм (коммунализм) — результаты науки должны стать достоянием всего общества, быть доступными для всех. Они не должны утаиваться от других исследователей, их необходимо опубликовать в полном объеме и как можно быстрее. Исследователи должны считать себя людьми, вносящими вклад в общую копилку знаний научного сообщества.

Это требование предписывает, по сути, равенство членов научного сообщества в праве на обладание истиной. Знание производится не индивидами, а сообществом, ибо отдельный ученый зависит от интеллектуального наследства дисциплинарного сообщества.

Универсализм — норма, требующая, чтобы оценка научного результата основывалась всецело на внеперсональном уровне, без каких-либо предрассудков по отношению к этнической или расовой принадлежности исследователя, его полу, научной репутации, отнесенности к научной школе и т. д. Именно в этой норме выражено отрицательное отношение Мертона к понятию «немецкая, арийская наука», или «советская, пролетарская наука». В науке принимаются во внимание только рационально-логические и экспериментально доказанные доводы. Аргументы *ad hominem* не признаются обоснованными.

Незаинтересованность (бескорыстность) — на результаты исследования не должны влиять ненаучные интересы (религиозного, политического, экономического или иного характера). Речь идет о независимости истинности или ложности научных суждений от соображений пользы или вреда, которые они могут принести кому бы то ни было. Этот принцип требует гласности и открытости научной коммуникации,

того, что любой значимый продукт совокупного научного текста должен быть опубликован, доступен для читателя и открыт для обсуждения.

Организованный скептицизм — исследователи обязаны быть критическими по отношению как к работе других, так и к собственной работе. Возможные источники ошибок, сомнения и проблемы в исследовании должны обязательно выноситься на публику, а каждый ученый должен быть самым жестким критиком для самого себя (Мертон, 1973: 270–277). Скептицизм требует подвергнуть сомнению все научные результаты, вынесенные на публику, или, добавим мы, надо следовать главному принципу науки — «De omnibus dubitandum est» («сомневайся во всем» или «подвергай все сомнению»).

Через десять лет после рассмотренной статьи Р. Мертона вышла книга Б. Барбера «Наука и социальный порядок» (Barber, 1952), предисловие к которой написал Р. Мертон, поскольку их позиции были близки. А именно — наука в их представлении стала не только зависимой от окружающего общества, но и соответствует одним типам социального устройства больше, чем другим. Они имели в виду страны с либерально-демократическим устройством. Предложенные Барбером в книге нормы науки уточняли и развивали мертоновские, с заменой «организованного скептицизма» на «индивидуализм» и добавлением двух новых императивов: **рациональность** (вера в ее моральную добродетель) и **эмоциональная нейтральность.** Но Б. Барбер впервые указывает на регулятивные возможности этих норм, на то, что именно моральные ценности делают науку моральным предприятием, в том смысле, что **необходимость моральных кодексов становится очевидной лишь тогда, когда нормы научной деятельности нарушаются**.

В 1957 году в речи по случаю вступления в должность президента Американской социологической ассоциации Р. Мертон раскрывает более детально механизм превращения норм этоса науки в институциональную мотивацию ориентации ученых на соблюдение этих норм. А в статье того же года, он добавил к своей системе норм две новые: **оригинальность результатов** в науке (originality) и **скромность** (humility) (Merton, 1973: 293–305). Соответственно аббревиатура его системы приняла форму (CUDOS + OH). Справедливости ради следует отметить, что «скромность» мало упоминается впоследствии исследователями, а «оригинальность» стала составной частью первых четырех норм. Как отмечает Г. С. Батыгин, «нормативная структура науки, наследующая бэконовскую программу „избавления от идолов“, направлена, прежде всего, на то, чтобы дать возможность объективной реальности „говорить за себя“ — в той мере, в какой человеческие условия вообще могут обеспечить такую возможность» (Батыгин, 2008: 520). Эти же мысли выражает и Н. Сторер, комментируя ценности науки: «Без шаблонов поведения и взаимоотношений между учеными, предписываемых этими ценностями, коллективные поиски истины казались бы подорванными в результате своекорыстных побуждений, присущих каждому человеку. Истины продавались бы тому, кто за них больше платит, люди науки не решались бы критиковать работу друг друга из страха ответных мер <...>» (Сторер, 1972: 253).

Этос науки Мертона, особенно норма организованного скептицизма, требует изоляции, абстрагирования рациональных рассуждений ученых от социального контекста.

Как мы увидим ниже, и в 1960–1970-е годы, и позже, Мертона будут упрекать в идеализме (идеализации прошлого), внеисторизме, на что он ответил понятием

социологической амбивалентности ученых, которое свидетельствует об осознании им расхождений между реальным поведением ученых и нормами этоса науки. В 1963 году в статье «Амбивалентность ученых» (Merton, 1976) Мертоном были сформулированы девять попарно сгруппированных противоречивых («амбивалентных») норм, свидетельствующих о том, что он понимал конфликтность или расхождение между идеальными нормами и реальным поведением ученых, видел, что ученые находятся постоянно в ситуации выбора между полярно противоположными требованиями императивов науки. На это Р. Мертон непосредственно указывает в следующих словах: «внимательное рассмотрение поведения ученых должно включать в себя анализ того, как в каждом социальном институте развиваются потенциально противоречивые нормы; как конфликтующие нормы образуют значимую амбивалентность в профессиональной жизни ученых и как эта амбивалентность влияет на реальные, — в отличие от предполагаемых, — отношения между людьми науки» (Merton, 1976: 35). Как мы покажем ниже, на самом деле речь идет о естественном и постоянном несовпадении между нормами-идеалами и повседневными, реальными нравами, социальной практикой в науке как главной характеристике проявления морали, на что неискушенный в этике, а может быть, в силу влияния идей М. Вебера, молодой исследователь истории науки мог и не обратить внимание читателя.

Приведем эти амбивалентные нормы, свидетельствующие о неправоте критиков, обвиняющих его в незнании реальной жизни в науке.

По его мнению, ученый:

1) должен передавать как можно быстрее свои научные результаты коллегам, но он не должен торопиться с публикациями;

2) должен быть восприимчив к новым идеям, но не должен поддаваться интеллектуальной «моде»;

3) должен стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но должен работать безотносительно к оценкам других ученых;

4) должен защищать новые идеи, но не должен поддерживать опрометчивые заключения;

5) должен прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом обязан помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

6) должен быть крайне точным в формулировках и деталях, но он не должен впадать в педантизм, ибо это идет в ущерб содержанию;

7) должен всегда помнить, что знание универсально, но он не должен забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

8) должен воспитывать новое поколение ученых, но не должен отдавать обучению молодежи слишком много внимания и времени;

9) должен учиться у крупного мастера и подражать ему, но не должен походить на него (Мирская, 2008: 129).

Обращаем внимание читателя на ряд моментов в формулировке этих норм.

Во-первых, хотя в нашей работе 1978 года (Лазар, Лейман, 1978: 116–117) мы также приводили перевод этих норм из работ Р. Мертона, редактор издательства «Наука» изменила по своему усмотрению некоторые формулировки норм по сравнению с оригиналом. Поэтому в данной статье мы пользуемся переводом Е. З. Мирской, который представляется нам более точным.

Во-вторых, следует отметить наличие у Р. Мертона слов «**должен**» или «**не должен**» практически при формулировке каждой нормы, что не наблюдалось при более раннем изложении норм этоса науки. Для нас важно подчеркнуть и отметить **прогресс в этическом языке Мертона**, так как, по мнению многих ученых (и мы с ними согласны), в первых своих работах он также сформулировал «должное» в науке, но не употреблял, однако, само слово «должен». Эти нормы демонстрируют его понимание и знание реальной жизни научного сообщества, в чем некоторые, более поздние интерпретаторы ему отказывают.

В-третьих, еще до вторичной публикации его работы по социологической амбивалентности в 1976 году, во введении к сборнику «Социология науки» (1973), его сторонник Н. Сторер дал глубокий анализ критики мертоновской концепции за 30 лет ее существования. Главным в его анализе была не верность или неверность норм, а вопрос о том, **руководствуются ли ученые в своем повседневном поведении этими нормами или нет.** Вывод, который был сделан на базе измерения степени приверженности ученых нормам, сформулированным Мертоном, состоял в том, что многие ученые часто нарушают эти нормы. Как видно, Мертон это прекрасно знал и осознавал проблему.

Именно этот вывод критиков о несовпадении требований норм его этоса и реальности нам представляется неадекватным, даже тривиальным при изучении моральных явлений в науке методом социологического опроса, так как возникает вопрос: «ну и что?». Разве когда-нибудь, где-нибудь наблюдалось повсеместное и поголовное исполнение любых других моральных норм? Конечно, нет. Именно это в более поздних работах, критикующих Мертона, ставится ему в упрек, а его нормы тем самым объявляются устаревшими. Но на самом деле тут проявляется этическая некомпетентность критиков.

Суть проблемы не в этом, хотя американскими социологами науки в 1970–1990-х годах на деле измерялась не степень приверженности нормам Мертона, а реальные нравы и мотивация работы научных работников в крупных формализованных организациях, мало создающих новые научные знания и занимающихся в основном прикладными разработками. Но до 1974 года никто из критиков Мертона (за исключением Р. Богуслава) не предлагал какой-либо новой, радикально отличной системы норм, как это наблюдалось в последующие десятилетия.

Следует также отметить, что в американской научной литературе тех лет уже обсуждались проблемы этики науки, проблемы гражданской и нравственной ответственности ученых. Так, в 1973 году, после бурных публичных дискуссий об этическом обеспечении научных исследований в США и других странах, было создано Международное общество социальной ответственности в науке, имеющее свой журнал “Newlester”. В том же году Национальной академией наук США был принят мораторий на исследования с человеческими эмбрионами, снятый в 1975 году. В 1974 году на XVIII сессии ЮНЕСКО были приняты «Рекомендации о статусе научных работников», пункт 14 которых посвящен этическим аспектам научной деятельности и созданию условий для проявления ответственности ученых.

Все это означало, что Мертон не только был в курсе данных этических проблем науки, но и осознал постоянно существующую дилемму нравственного выбора ученых-естествоиспытателей между «должен» и «не должен». А это уже признание не только им, но и всем научным сообществом (за редким исключением) влияния нравственного фактора на научные исследования. Мертону, видимо, уже

тогда следовало бы сделать крайне важное уточнение, о том, что **его «этос науки» — не повседневные нравы, не практика современной или прошлой науки, а «этическое должное» в науке. Но он не посчитал нужным отвечать своим критикам**. Он выразил свою позицию в крайне вежливой форме, употребляя при формулировке каждой из девяти амбивалентных норм слово «должен» и понятие «норма-идеал».

Как отмечает Е. З. Мирская, «принятие идеи амбивалентности нормативов, регулирующих реальное поведение ученых, и, более того, ее детальная проработка наглядно демонстрирует действительное отношение Мертона к основным нормам научного этоса. Он прекрасно понимал, что поведение каждого ученого в любой ситуации, определяется в первую очередь его характером, личным опытом, научной и социальной интуицией и т. п. Реальные действия противоречивы, и всегда найдется одна из двух противоположенных формулировок, которая ретроспективно подтвердит правильность избранного пути (если он приведет к успеху) или его ошибочность (если он приведет к неудаче)» (Мирская, 2008: 129–130). Эти слова подтверждают наш тезис, а также свидетельствуют о том, что Е. З. Мирская вплотную приблизилась к этическому подходу при анализе этоса науки, но не применяла его последовательно. Несколькими страницами раньше она отмечала: «Основным механизмом, определяющим функционирование науки, является совокупность норм, действующих в научном сообществе и регулирующих профессиональную деятельность ученых. Сила же, обеспечивающая движение этого механизма — институционально подкрепляемое стремление каждого ученого к профессиональному признанию» (Мирская, 2008: 123). Соглашаясь с этим, следует, однако, добавить: кроме стремления ученых к признанию, есть и другие факторы. Уже тогда такой силой выступали профессиональные ассоциации ученых и принятые в них дисциплинарно-этические кодексы, то есть не только моральное сознание ученых, наличие научной честности, профессиональной совести, ответственности и т. п., но и внешние, организационные формы воздействия и контроля обеспечивали выполнение норм этики ученого.

В конце статьи Е. З. Мирская невольно подтверждает эту мысль, ссылаясь на свои эмпирические исследования: «Результаты эмпирического исследования российского академического сообщества, включая информацию о ценностной ориентации, мотивации, самооценках и намерениях ученых, представляются нам подтверждением сохранения классической модели человека науки и его профессионального поведения» (Мирская, 2008: 141). Тем обиднее за нее, когда в заключение статьи, противореча себе, она пишет: «Было бы, пожалуй, слишком смело утверждать, что мертоновские нормы научного этоса продолжают существовать в сознании современных ученых именно потому, что когда-то Р. Мертон „открыл“ совокупность этих императивов. Подавляющее большинство сегодняшних ученых не только не знают классических формулировок этоса науки, но вероятно, никогда даже не слышали имени Мертона» (Мирская, 2008: 141–142). Конечно, о Мертоне и его нормах, к сожалению, многие ученые не слышали, но это не мешает им руководствоваться по сей день в своей научной работе именно теми нравственными нормами-идеалами, которые впервые сформулировал Мертон.

Определенное приближение к этическому подходу в трактовке идей Мертона в указанной монографии мы можем констатировать и в статье В. С. Степина. Увязывая эволюцию принципов и идеалов этоса науки с типами рациональности на разных этапах развития науки (классической, неклассической и постнеклассической, или

постакадемической), В. С. Степин выделяет вслед за Н. В. Мотрошиловой институциональные и познавательные идеалы и нормы. Институциональная компонента «включает социальные нормативы, которые фиксируют роль науки и ее ценность для общественной жизни, управляют процессом коммуникации исследователей, отношениями научных сообществ друг с другом и с обществом в целом. Вторая выражает познавательные установки, которые регулируют процесс познания объекта и способы его репрезентации в различных формах знания» (Степин, 2008: 32–33).

Касаясь критики идеалов и норм Мертона американскими социологами, И. Митрофф и М. Малкей, которые отмечали, что ценностная структура научного этоса исторически меняется и в конкретной практике научных сообществ могут иметь применение альтернативные ценности и поэтому существование непреходящих, устойчивых институциональных ценностей сомнительно, В. С. Степин констатирует: «Этот вывод, хотя и с рядом оговорок, М. Малкей также склонен считать достаточно правдоподобным. Но тогда трудно провести различие между наукой и другими формами познавательной деятельности. *Из того факта, что в ряде конкретных ситуаций отдельные ученые не следуют строго и неукоснительно общим принципам научного этоса, не следует, что эти принципы не имеют регулятивной функции. Здесь примерно та же ситуация, как и в следовании принципам нравственности, высказанным в библейских заповедях* (выделено мной. — *М. Л.*). Заповедь „не убий“ является идеалом и в реальной жизни она нарушается <...> Однако <...> если этот принцип упразднить, то практически это будет означать поощрение убийства и общество быстро окажется в ситуации войны всех против всех» (Степин, 2008: 34–35).

Пожалуй, именно здесь цитированный автор также вплотную приблизился к этическому подходу при рассмотрении применимости норм этоса науки Мертона к реалиям постнеклассической науки. Но, к сожалению, дальше его не применяет.

В его понимании постнеклассическая рациональность как новый этап развития научного этоса привела к тому, что «только внутреннего этоса науки уже недостаточно для регуляции исследовательской деятельности с саморазвивающимися системами, его необходимо соотносить с общегуманистическими ценностями» (Степин, 2008: 45). И все. Главное для нас то, что В. С. Степин близок к этическому походу. Дальше идут лишь ценные рассуждения о том, по каким направлениям могут уточняться и совершенствоваться институциональные нормы науки с учетом нового типа рациональности — постнеклассической.

Хотелось бы также привести в пример статью В. Н. Поруса, весьма интересную с точки зрения философии науки, в которой, однако, он остается на позиции понимания науки преимущественно как системы знаний. Например, по поводу того, что в 1974 году И. Митрофф, изучив действия ряда ученых, сделал вывод о том, что их этос прямо противоположен тому, который Мертон считал свойственным науке как таковой (вместо «универсализма» — «партикуляризм», вместо «бескорыстности» — «скаредность», вместо «организованного скептицизма» — «организованный догматизм» и т. д.), В. Н. Порус констатирует: «Вряд ли разумно трактовать этот вывод в том духе, что за тридцать лет после работ Мертона этические принципы ученых сменились на противоположные. Скорее поменялись философские взгляды на характер научной работы, представления о социальных и культурных функциях науки, что изменило *интерпретацию* (выделено мной. — *М. Л.*) наблюдаемого поведения ученых» (Порус, 2008: 99). Касаясь точки зрения В. С. Степина, выраженной в указанной монографии и рассмотренной нами выше, В. Н. Порус

скептически отмечает, что с юридической точки зрения ученые ответственны не более и не менее перед законом, чем представители других профессий. «Но профессиональная этика науки, в смысле Р. Мертона, является концентрированным выражением этических норм „открытого общества“, в смысле К. Поппера. Значит, моральная ответственность ученого наступает, если эти нормы нарушаются и, что важно, осуждаются общественной моралью (плагиат, фальсификация данных, сокрытие истины по соображениям выгоды или карьеры и т. п.). Если же профессиональная этика науки понимается в духе И. Митроффа, то об особой моральной ответственности ученого вообще нечего сказать, зато можно меланхолически заключить, что наука не более и не менее моральна, чем общество, в котором она существует» (Порус, 2008: 100–101). Нам представляется, что данный автор, оставаясь на позиции философского подхода в трактовке норм Мертона, также приблизился вплотную к этическому, в силу разных причин не развивая его.

В чем состоит новшество предложенных в 1970-е и более поздние годы вариантов обновленных систем этических норм науки? Среди множества таковых отметим системы антинорм Р. Богуслава (1968), И. Митроффа (1974), С. Фуллера (1997) и Дж. Зимана (2000), содержание которых рассмотрено подробно в отмеченной статье Н. В. Деминой (Демина, 2008: 155–161). Как справедливо отмечает Демина, с начала 1970-х годов начинается интенсивное эмпирическое тестирование мертоновской концепции и, как следствие, она подвергается интенсивной критике. Однако еще в 1990-е годы аспирант и соратник Мертона Ст. Коул, полемизируя в специальной монографии с социологами научного знания, разъяснял ошибочность интерпретации концепции Мертона. Не понимая функции норм и ценностей науки как социального института, они «приписывали ее автору мнение, будто социальный институт науки реально работает по сформулированным им императивам (в то время как автор этоса науки утверждал, что нормы — это идеал, к которому ученые проявляют амбивалентное отношение)» (Демина, 2008: 154).

Сам Р. Мертон на эти нападки не отвечал (имеются в виду публикации М. Малкея, Б. Латура, К. Кнорр-Цетины), и, по мнению Ст. Коула, считал большую часть конструктивистских публикаций чепухой, хотя в своих публикациях о них не сказал ни слова.

В краткой форме системы антинорм, изложенные по цитированному выше автору (Демина, 2008: 156–160), выглядят следующим образом.

Р. Богуслав (1968) нормам: «коммунализм», «универсализм», «незаинтересованность», «организованный скептицизм» (CUDOS) — противопоставляет антинормы: «скупость», «единоличное владение знанием», «партикуляризм», «этноцентризм», «заинтересованность», «лимитированная оригинальность».

И. Митрофф (1974) нормам: «вера в моральную добродетель рациональности», «эмоциональная нейтральность», «универсализм», «коммунизм», «незаинтересованность», «организованный скептицизм» — противопоставляет соответственно «веру в моральную добродетель рациональности и нерациональности», «эмоциональную вовлеченность», «партикуляризм», «единоличное владение или скупость (мизеризм, права собственности и секретность)», «заинтересованность», «организованный догматизм».

Более оригинальные антинормы предлагает С. Фуллер (1997): четырем известным нормам этоса науки Мертона («универсализм», «коммунализм», «незаинтересованность», «организованный скептицизм») он противопоставляет «культурный

империализм» (доминирование англо-американских журналов), «мафиозность» (хорошие отношения с «боссами в науке», дающими добро на публикацию), «оппортунизм» (отсутствие интереса к использованию результатов своего исследования), «коллективную безответственность» (безразличие к возможным потрясениям в обществе, вызванным их исследованиями).

Последнее по времени предложение принадлежит американскому физику и науковеду Дж. Зиману (Ziman, 2000), в работах 1994–2000 годов. Он считает, что переход в конце 1960-х годах от «малой науки» к «большой науке» сопровождался ростом сотрудничества ученых с властями, промышленными и финансовыми структурами, вытеснением традиционного академического сообщества новым, постакадемическим сообществом, для которого характерны коллективный характер, командный тип организации науки. Жесткая конкуренция за финансирование породила предварительную политическую и коммерческую экспертизу, оценку исследований на научную перспективность, во главу угла становится этика утилитарности, соблазн работать над проблемами, предложенными государством или бизнесом, обеспечивающими гарантированное финансирование. Наука превращается все больше в рынок исследовательских услуг. Как тут не вспомнить российское языковое «новшество» в системе высшего образования, согласно которому вузы, на языке чиновников, больше не готовят специалистов, а оказывают «образовательные услуги».

Джон Зиман, взамен перечисленных выше норм CUDOS предлагает неоэтос науки — нормы, якобы учитывающие реалии нового этапа развития науки — систему PLACE (Proprietary, Local, Authoritarism, Commissioned and Expert Work). P — на науку распространяется право собственности, патента взамен всеобщего владения научным знанием, L — исследовательская работа решает локальные конкретные задачи, которые определяются авторитарным начальством (A) и более не выбирается учеными автономно. Наконец, C — научно-исследовательская работа делается на заказ, а не ради «чистой науки», E — научная работа осуществляется ограниченным кругом экспертов, а не всем компетентным в данной теме научным сообществом.

Мы столь подробно перечислили указанные «новшества» для того, чтобы показать, что в указанных системах антинорм отражены лишь новые нравы «большой науки» — рост утилитаризма и коммерциализации в науке как следствие отказа государства финансировать фундаментальную науку в целом и сосредоточение финансирования лишь на перспективных, сулящих выгоду исследованиях и темах; переход на систему грантов; превращение многих исследовательских групп в организации научного бизнеса. Но это всего лишь реалии науки XX и XXI веков, ее взаимодействия как социального института с институтами общества, а не идеалы, не нормы-ориентиры для всех ученых. Все опросы лишь указывают на то, что нравы в науке стали другими. Но нравы, как мы уже показывали — не этос Мертона, а этос науки Мертона — не повседневные нравы, а нормы-идеалы, нормы-ориентиры для всех ученых.

Применяя **этический подход** к анализу нормативной системы Мертона и предложенных новшеств, можно констатировать следующее.

Этос науки за более чем полувековую свою историю превратился в этику науки — новое научное направление философии и социологии науки, науковедения как формы самопознания науки. Этика науки изучает разные аспекты взаимоотношений науки и морали, в том числе и профессиональную мораль ученого или этику ученого. За

время своего существования этика науки превратилась в форму самосознания современной науки, в одну из форм социального контроля в науке.

Термин «этос науки» понимался многие десятилетия не просто как профессионально-этический кодекс ученых, а как нормы-идеалы, ценностные ориентиры деятельности ученых, что неоднократно подчеркивал сам Мертон. На упреки в идеализме концепции CUDOS он ответил рассмотрением реального поведения ученых и введением понятия социальной амбивалентности норм, противоречивости их требований. Для описания реальных проблем в профессиональной жизни ученых Мертон сам зафиксировал существование норм и антинорм, тем самым снимая противопоставление норм и выдвигая идею функциональной ценности напряжения между этими регулятивами.

Его нормы научного этоса выражают **познавательное и профессионально-этическое «должное» в науке**, в то время как новые системы антинорм — всего лишь констатация расхождения нравов в разные периоды развития науки и требований этого этического «должного». А это, как отмечали и некоторые цитированные авторы коллективной монографии, не исключение, а нормальное проявление морали и нравственности. Как мы неоднократно отмечали в своих публикациях на эту тему, следует всегда уточнять понимание морали и нравственности, которые не застывшие явления, но и не простая совокупность неких неизменных идеалов, принципов или норм (Лазар, 2001: 149–151). Мораль как форма сознания, как обязательность отношений и поведения имеет силу положительного примера и высшего образца, но фактически не может стать повседневным правилом каждого. Всеобщность в принципе, но исключительность на практике — такова форма **противоречия между должным и сущим в морали**. Это противоречие между гипотетической и реальной всеобщностью требований морали разрешается в этике в категории **нравственного идеала**. В теоретических формах нравственного сознания (этических категориях, или этическом дискурсе) воплощаются представления общества о должном в виде идеалов, принципов, норм, которые конкретизируются и фиксируются в этических кодексах.

Нормативное сознание общества может быть зафиксировано не только в виде законов, в общественном мнении, но и в этических конструктах, профессионально-этических кодексах, ученых в том числе. А фактическое моральное состояние социальной группы (ученых в нашем случае) необязательно отвечает объективно возникающим в конкретных условиях моральным требованиям. Их выполнение становится моральной задачей, осознание которой — долг и ответственность социальной группы. Это в полной мере относится к ученым, ставшим специфической профессиональной группой, задача которых — производство нового знания об окружающей действительности. Другими словами, суть этического подхода к анализу этоса науки означает осознание того, что должное и сущее никогда полностью не совпадают, а также то, что философский и социологический подходы к науке нуждаются в дополнении этическим анализом, использующим язык и категории этики как науки о морали и нравственности.

В современной, постакадемической науке, конечно, иной тип рациональности, больше практицизма, погони за грантами, высоким статусом, чем в период академической науки. Проведенные социологические опросы ученых разных стран свидетельствуют об изменениях в мотивации их деятельности в сторону практицизма. А отсутствие у большинства ученых знаний об этосе науки и его

проблемах свидетельствует лишь о недостатках в гуманитарной, философско-этической подготовке специалистов науки, в том числе и в системе магистратуры, аспирантуры и докторантуры. Отчасти этот пробел в Российской Федерации призвана ликвидировать новая программа курса «История и методология науки» для аспирантов.

Возникает закономерный вопрос: а возможно ли существование самой науки, если перечисленные выше антинормы «реальной, постакадемической науки» станут повседневной мотивацией каждого, станут нормами-идеалами науки как вида духовного производства? На наш взгляд, этот вопрос риторический. Наука превратится в таком случае в разновидность бизнеса, торговли идеями не всегда нравственными людьми. Поэтому можно сделать вывод о том, что нормы научного этоса Р. Мертона, выражающие этическое и познавательное должное в науке, не устарели. Здесь применимы слова Н. В. Деминой: «Шестидесятилетняя история развития идей Р. Мертона показывает, что его концепция оказалась столь глубокой и серьезной, что, несмотря на интенсивную критику и многочисленные попытки ниспровержения, она по-прежнему выполняет функцию „идеального типа“ — основополагающей рамки для анализа деятельности ученых» (Демина, 2008: 162). Его концепция этоса науки содержит то должное, без которого наука не может функционировать. А когда она была сформулирована — не суть важно; важно то, что нормы, разработанные Р. К. Мертоном, по сей день отражают идеалы научного познания, формулировка которых может быть скорректирована. Но это — идеалы, которые не устаревают.

Литература

Barber B. Science and the social order / with a foreword by R. K. Merton. Glencoe, Illinois : The Free Press Publ., 1952. P. 6.

Merton R. K. The ambivalence of scientists // ed. by R. K. Merton. Sociological Ambivalence and other Essaye. N. Y. : The Free Press, 1976. P. 35.

Merton R. K. The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. N.Y. : Free Press, 1973.

Ziman J. Real Science: What it is, and What it means. Cambridge: Univ. Press, 2000. P. 59–60. (Рец. в сб.: Социология науки. СПб., 2000.)

Батыгин Г. С. Коммуникации в научном сообществе // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М. : Академия, 2008. 535 с.

Витченко Н. Н. Европейская наука in statu nascendi: моральный модус. Томск, 2004.

Демина Н. В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М. : Академия, 2008. С. 144–165.

Лазар М. Г. К истории этики науки в СССР-России // Социология науки и технологий. 2010а. № 1.

Лазар М. Г. Этика науки в СССР–России: очерк становления и развития // Социологический журнал. 2010б. № 1.

Лазар М. Г. Этика науки как новое направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 147–158.

Лазар М. Г., Лейман И. И. НТР и нравственные факторы научной деятельности. Л. : Наука, 1978. 160 с.

Мирская Е. З. Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М. : Академия, 2008. С. 108–143.

Порус В. Н. Этика науки в структуре философии науки // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М. : Академия, 2008. С. 87–107.

Степин В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М. : Академия, 2008. С. 21–47.

Сторер Н. Социология науки. Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М. : Академия, 2008. 535 с.

The Ethos of Science in the Sociology of Robert Merton: Fate and Status in Science Studies

Mihay G. Lazar

Professor,
St. Petersburg State Hydro-Meteorological University, St. Petersburg;
mihai_lazar@mail.ru

By the middle of the XX century science had changed dramatically: after the World War II, the *little science* turned into *big science* that involved a boost in the number of scientists, more complex organization, control and generous funding from the government and big corporations. That period saw emergence and continuous discussion on the issue of civil and moral responsibility of scientists and science to society, interrelationship between science and morality.

These radical changes in the functioning of science attracted attention of scholars in the whole world. A young research assistant at Harvard University in the 1930s, later professor at Columbia and other universities Robert K. Merton (1910–2003) was a pioneer in the new discipline — science studies (as a form of self-studying science) and sociology of science. In his 1940s–1960s works he worked out a fruitful idea of exploring science as a social institution where one of the main features are epistemological norms and ideals the imperatives of which he called the *ethos of science*. Our goal is to prove that in order to analyze interaction between science and morality in the second half of the XX century, not only philosophical or sociological but also ethical approaches should be used that will enable us to assess the place and role of the Mertonian ideas in the present-day science studies. The essence of the ethical perspective is to analyze particular manifestations of morality in society including the scientists' occupational morality, ethos of science, namely, constant discrepancy between the "prescriptive" expressed in the Mertonian norms and the "real" in science which is everyday practice, morals in the post-academic science. This is a normal condition for morality.

After his dissertation entitled "Science, Technology and Society in Seventeenth-Century England" (1933–1935) Robert Merton paid more and more attention to science as a social institution and its norms. In his 1942 paper Merton formulated the notion of scientific ethos as consisting of four imperatives: communism, universalism, disinterestedness and organized skepticism (CUDOS).

Ten years after this Merton's article B. Barber published the book "Science and the social order". The scientific norms suggested by Barber developed further Merton's norms, with the organized skepticism substituted with individualism, and two new imperatives added: rationality (belief in its moral virtue) and emotional neutrality. B. Barber was the first to highlight the regulative capacity of these norms, and the fact that it is moral values that make science a moral enterprise in the sense that moral codes are needed only when scientific norms are violated. In his 1957 inauguration speech as president of the American Sociological Association, Merton showed the mechanism of how the scientific norms turned into the institutional motivation for scientists' orientation to observe these norms. In the paper of the same year he added to his system two new norms: originality and humility (CUDOS–OH).

In the 1960s–1970s Merton was criticized for his idealism and ahistorical approach. He responded by a notion of sociological ambivalence of scientists. It means a conflict between real behavior of scientists and the scientific norms. In his 1963 paper "The Ambivalence of Scientists" he put forward nine pairs of ambivalent norms which suggests that he saw a conflict or contradiction between ideal norms and real behavior of scientists. It is worth noting that Merton uses words *should* or *should not* when treating each norm which points to the progress in Merton's ethical vocabulary, his understanding and knowledge of real life in the scientific community. Perhaps, already at that time Merton should have made a very significant clarification that his ethos of science is not everyday morals, not the practice of the present-day or past science but an *ethical imperative* in science. But he did not find it necessary to respond to his critics.

The early 1970s saw a very intensive empirical testing of Merton's concept which was followed by a sharp criticism. R. Boguslav (1968) confronts norms: communalism, universalism, disinterestedness and organized skepticism (CUDOS) and anti-norms: miserism, solitariness, particularism, ethnocentrism, interestedness, limited originality.

I. Mitroff (1974) contrasts Merton's faith in moral virtue of rationality, emotional neutrality, communalism, universalism, disinterestedness and organized skepticism and the respective set: faith in the moral virtue of rationality and non-rationality, emotional commitment, particularism, solitariness or miserism (property rights and secrecy), interestedness, organized dogmatism.

S. Fuller (1997) suggested more original anti-norms. He opposes to Merton's four famous norms: cultural imperialism (domination of British and American journals), mafia mentality (good relations with the bosses in science who give permission for publications), opportunism (lack of interest in using research findings), collective irresponsibility (indifference to possible social troubles caused by their own research).

John Ziman suggests instead of the above CUDOS norms his neo-ethos of science, namely, norms that take in consideration the reality of the new stage in science, that is the PLACE system (Proprietary, Local, Authoritarian, Commissioned and Expert Work). P means extension of proprietary rights to science, patents instead of public possession of knowledge. L means that research solves particular local problems defined by authoritarian management (A), not any longer chosen freely by scientists. At last, C — research is commissioned rather than for the sake of *pure science*. E — research is done by a limited number of experts rather than by the entire particular scientific community who are expert in the field.

The above anti-norm systems reflect only the new morals of *big science* rather than ideals or the normative models for all scientists. Using the ethical perspective to the analysis

of Merton's normative system and the new trends it is possible to observe the following. The norms of the scientific ethos constitute the epistemological and professional-ethical *prescriptions* in science, whereas the above new anti-norm systems establish discrepancy between morality at different stages of science progress and requirements of this ethical *prescription*. The Mertonian theory of the ethos of science comprises the prescriptive part without which science cannot function.

The norms worked out by R. Merton reflect the ideals of scientific inquiry that have not become obsolete.

Gregory Sandstrom

Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM),
Instituto de Investigaciones en Matemáticas Aplicadas y en Sistemas (IIMAS)
Sector — Social Systems;
gregsandstrom@yahoo.ca

Pitirim Sorokin and the Matthew Effect in Mexico: a Reflection on Merton's Sociology of Science

Keywords: Robert Merton, Pitirim Sorokin, Sociology of Science, Development, Matthew Effect, Mexico, Altruism

> [T]he Copernican revolution in the sociology of science... truth is socially and historically constructed.
>
> *R. Merton (1938)*

> It is precisely the psychosocial aspects of man, his [sic] meaningful behaviour, communication, and control, which are neither revealed by, nor can be explained by, a physical account of some of his physical operations.
>
> *P. Sorokin (1956)*

Introduction

In our current age of reflexive social science (Burawoy 2005), we recognize that we are asked to hold a different vocabulary than what was possible at the beginning of 'modern, western science' (MWS) in Europe. This was the era when Francis Bacon (1597) wrote: "knowledge is power." Scientific times have changed much since then.

R. Merton, a U. S. American in the midst of the 20th century 'Cold War,' closer to our current era, wrote: "science is power" (1962b: 19). A more 'developed' nation-state, according to this definition, is a country with more and better 'science' and 'technology' which could then exploit the most modern forms of knowledge for power.

These implications follow: If we learn science we will gain power. If we do science, we will become more powerful. The key question at the core of this paper then is whether

or not our individual and collective *anthropic* powers, represented in both quotations by Merton and Sorokin above, can be used in various processes to improve the quality of human life and development around the world. This is the field studied by sociology of development and systems in/with which sociologists are involved. 'Science for development' and 'science for human dignity' are therefore our two main themes 'behind the scenes' in this paper, which are employed to speak to people globally, through this new dual-language Journal in Russia.

The 'industrial age' has peaked and declined already in the 'developed west,' particularly since the end of World War II (cf. 'the Great Patriotic War') and in many cases also since the Cold War. In the 'developed west' and in most 'highly developed countries' (including Russia and Mexico), we now live in the Electronic-Information (EI) Age. For many years we have lived in an age of 'Big Science' (de Solla Price 1962), i. e. the science that fuels industry and industrial development. Merton fixed his eye on this and discovered "two sets of contrary forces, approving and opposing science as a large-scale social activity" (1962b: 17). In this Merton identified a social dimension of 'doing science,' the flexing of human powers (and their/our personal and group interests) for knowledge that has both offensive and defensive aspects. He continued to translate and elaborate this unique finding in sociology of science (SoS) to new audiences throughout his career.

'Doing science' and the results that come from it are now considered as important features of developing socially and culturally as nations and peoples. Even if this perspective comes from within the mainstream, contemporary, 'western' canon, it is nevertheless separate from the Euro-Enlightenment notion of 'Science' as abstract, ideal or 'pure' knowledge, a 'secular good' unto itself, which is practiced in a social, cultural, ethical, religious, linguistic, and/or political vacuum. The latter perspective today is rarely held. The former follows through on views that 'science is a process' and that 'science begins in action,' which we believe helps to 'humanise' (or *anthrop*ise) it. Now, the phrase 'doing science' is considered more 'objective' in a reflexive sociological sense, than the old view of 'Science' considered as a road to utopia.

In this shared year of Merton's birth with the two Mexican Revolutions (1810 & 1910), this paper gives space for Canadian and Mexican voices on Merton's sociology of science (SoS). We might joke that we are looking at the elephant from different sides, or with a tail instead of a trunk, but what allows us to make this connection safely is through a common respect for Russian ideas, which highlights the Sorokin-Merton relationship. Merton made SoS respectable and visible in the U. S. American academic tradition and in the (English-language or 'western') sociological tradition generally speaking, although several of his main ideas came first from Sorokin. Our thesis question is as follows: in what ways did Merton influence SoS on the global scale?

What is Sociology of Science (SoS)?

The first two questions any student in a SoS classroom should be asked, are: Which science(s)/scientist(s)? Whose science(s)/scientist(s)? The power of the (inter-)disciplinary lenses we employ in this inquiry follows *after* these questions, as does much of the sub-field of SoS. Observers must always first establish the formal and first/final significance, and the efficient and material cause(s) of the 'science' or 'scientist' in question.

We take a position somewhat similar to sociologist of science Harry Collins, when he says, "Science has been oversold" (2005: 7). Science, we contend, is not always as 'big' globally anymore as some societies or groups perceive it to be. There are also 'middle' and 'small' sciences that involve people around the world in the action of 'doing science', of inventing or innovating technologies, and of achieving development in more or less socially-accountable ways. Natural-physical sciences (NPSs) cannot function as a universal scale by which to measure humanity now that we have 'unpacked' the meaning of 'scientism' (more on this below). We recognize now that science is inevitably influenced by and influences people at all social levels and that it is a 'type of knowledge' among others that are taught in the modern university.

We consider that amplifying and strengthening the diversity of 'sciences' (including natural-physical and human-social sciences — NPSs & HSSs) practiced at local and regional levels, in addition to building mass-funded sciences (NPSs & HSSs) at national and international levels can be a good thing that improves the present and future health and wellness of human communities and individuals. This possibility involves all human persons in the shared earthly eco-system. It is this topic, taken in the scope of 'sociology of science' (SoS) in a celebration of Robert Merton's life, works and relations that we now address.

SoS — National Comparisons

There are multiple streams, schools and traditions in SoS. This multiplicity is due to national as well as to economic and ideological differences or to varying material and technological conditions among participants. Some nations, and some centres within nations, are, if it can be said within the proper context, 'more scientific' than others, which means that others are 'less scientific' too. Thus, when seeking a discussion of SoS on a global scale, we first acknowledge that local and regional traditions need to be highlighted and brought into the conversation in the context of their domestic and international contributions to the field. The science produced in one national tradition might not feed-into 'big' science on a global scale, but may be nevertheless valuable for 'medium' and 'small' scientific progress and have consequences for many in the periphery.

Some sociological historians have noted the centrality of the U.S.A. in developing the general field — SoS. "Thus it was in America that the sociology of science, in the strict sense of the term, was born in its early Mertonian version, developed within an empirical perspective of limited breadth," notes Statera. "It is thus to America that we must turn to observe the development of the discipline, first casting our eye on Merton" (1998: 63). The institutional and/or formal-systematic building and collective organisation of actors, participants-in and observers-of the field's discourses and communications, including the strategic apparatus and publications that developed within U. S. American sociology to support the sub-discipline SoS was impressive.

Statera speaks of the Mertonians as a "legion of sociologists of science who elaborated the theoretical and empirical analysis of the normative structure of science" (1998: 65). But there were also constant references to political, economic and social conditions surrounding the modern University/Academy, upon which the directions and targets of the Mertonian research program, were focused. "I believe the Mertonian-style sociology of science was a

creature of the middle years of the Twentieth Century," says Collins, "it was a response to fascism and the horrors it had wrought" (1999: 2). With this in mind, we must not forget that the Cold War (U.S.A. vs. U.S.S.R., and satellites) served as a backdrop for most of Merton's works in SoS.

In Merton's view, people were more likely to originate/invent SoS in a totalitarian state than in a democratic one, the latter in which 'science' in the 'modern, western' (MWS) sense has come to be almost synonymous with 'democratic' and 'beneficial for humankind, everywhere and always' (Fuller 2010). Instead, no, wrote Merton, "science has become a 'social problem,' like war, or the perennial decline of the family, or the periodic event of economic depressions." ... "When something is widely defined as a social problem in modern Western society, it becomes a proper object for study" (1962a: 17). But Sorokin would prefer to call this a pathological reason and label it 'pathological sociology' and attribute its focus on negativity and deviance to a distorted quantophrenia, the enigma of 'sensate[1]' cultures (see below).

Is it easier to conduct research in the sociology of science and technology in the 'developed west' than in developing countries? If so, this raises again the issue of material and technological conditions that influence the way research is done, in addition to cultural and political surroundings. "The politicizing of science in Nazi Germany and in Soviet Russia, for instance," notes Merton, "has aroused the interest of many in identifying the particular kinds of social contexts in which sciences thrives, a problem central to the sociology of science" (1962a: 16). Indeed, this indicates that Merton is well aware that 'science studies' and even 'sociology of science' (SoS) so-defined came from Russia (or another of the formerly-communist countries), in an environment which considered the social and cultural influences on 'doing science' more closely and carefully as 'important for collective society' than in a laissez-faire, individualistic, market-oriented system.

One clarifying point is worth noting here. When sociologists make comparative studies, such as this one, they need not necessarily take the nation-state as their primary unit of analysis, i.e. the comparison of nationality-based traditions. Elsewhere[2] we have identified the 'Big Four' national traditions — U. S. American, British, German and French — a grouping we can now apply in our scholarly approach: Russians, Canadians and Mexicans seek to negotiate the terms of our engagement with global sociology via our contacts with great figures and communities in and from the Big Four. But we also seek contact with/from people in non-Big Four traditions and to nurture the local and regional talents trained in our home tradition(s).

It may thus be a surprise, or perhaps only to 'western' sociologists of science that have virtually un-opened the non-western or 'other' scholarly canons, that 'SoS' was a term first coined in the Russian language. The rise of 'science studies' (*naukovedeniye*, 1912) began in Russia before it began in 'the west,' through the work of Bogdanov, with the founding of tektology, an early form of 'systems science.' It was later that 'sociology of science' (*sotsiologia nauki*) was coined by Borichevsky, in 1926, before Merton had arrived on the scene. It is uncertain, however, if Borichevsky had read Weber (e. g. "Science as a Vocation," 1919)

[1] "Any system of sensate truth and reality implies a *denial of, or an utterly indifferent attitude toward, any supersensory reality or value*. By definition, supersensory reality either is nonexistent or, if it exists, is unknowable to us and therefore equivalent to the nonexistent." — Sorokin (1941: 86).

[2] Sandstrom 2010.

when he coined SoS, as translations of academic works into and out of Russia, particularly from 1914–1923, were considerably interrupted. Our next task is to discuss some of Merton's major contributions to SoS in the period 1938–1973.

Merton's SoS across Time and Space

Science is public, not private.
R. Merton (1973)

The most significant contribution that Merton made to SoS comes from his leadership and participation in sociological studies of science during the years 1938–1973. The time frame coincides with a significant part of the so-called Cold War in which 'development' was competed for in the 'space race' and other features of the military-industrial complex. The prestige of science, as a result of technological and systems applications of scientific innovations and discoveries, made it easy for 'modern westerners' to fall into an ideology of 'scientism' and the numbness of automation. There had to be some way to circumscribe the power of 'scientific method' used in or funded by the public sphere, but it was nowhere to be found.

Yet even in the U.S.A., a country where individualism and capitalism are nurtured in the attitudes of school children, the suggestion that 'science' could be a private activity was unpopular. Science needs to be at least minimally designed by the public (e.g. its elected representatives) to ensure social-accountability and it needs to be financed by the national purse to enable long-term planning and projects that could not occur without the collective efforts and contributions of a community, province, region or nation-state. The 'publicness' of science explains for Merton the importance for science to be supported by society in order for it to grow and prosper, i.e. for the betterment of humanity, beyond the boundaries of individual communities.

In 1973, as he did in 1938, which covers the main years he worked on SoS, Merton gave a definition for the 'development of science.' Noteworthy are the specific small changes in this particular passage, 45 years later:

> "The persistent development of science occurs only in societies of a certain order, subject to a peculiar complex of tacit presuppositions and institutional constraints" (1938: 322).
>
> "The **substantial and** persistent development of science occurs only in societies of a certain **kind**, which provide both **cultural and material conditions** for that development" (1973: 182) (bolding added).

By distinguishing 'kind' from 'order,' speaking of 'cultural and material conditions' instead of 'institutional constraints' and highlighting the 'substantial development of science,' Merton in the twilight years of his major period of focus on SoS, opened up a pathway into this conversation we are now having on the global scale. Merton's work enables us, as authors, to take a common approach, though we are separated both by time, space, place, and nationality. We are united as sociologists of science to consider the core work of a man whose presence in the field from the late 1930's to 1970s is a significant wonder.

In this sociology of science approach to Merton's contribution and categories, we enlist the help of Russian — U. S. American sociologist Pitirim Sorokin, one of Merton's teachers, which leads us into a conversation that distinguishes cultural from material conditions and needs. Distinguishing the cultural and material influences on science and the effects of science on society and culture shows how a cultural-materialistic ideological position towards science is always incomplete for understanding ourselves and the world in SoS. Looking at both material and cultural development fits into the wider realm in which the paper is framed: on the global varieties of human-social development.

Merton, Sorokin and Altruism in SoS

> However much Sorokin may on occasion seem to take joy in the system of truth described as characteristic of an idealistic culture, he nevertheless *practices* under the rules of a sensate system[1].
>
> *R. Merton*

> The beginning of the systematic scientific study of altruism can be attributed to the work of Pitirim A. Sorokin in the 1950s[2].
>
> *Tiryakian et al.*

To briefly address the student-teacher encounter between Merton and Sorokin at Harvard in the 1930s and 40s, we can look at Merton's dissertation, which Sorokin did not fully support, as one significant marker in their co-contribution to SoS on a broad scale. Was Merton closer to Weber's "Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism" view, as his similar thesis suggested, than to Sorokin's Orthodox-Integralist view? How much of Merton's SoS actually came from the prior work of Sorokin? In what ways did Merton move forward in his SoS with the help of Sorokin?

We would like to read more on the relation between Merton and Sorokin during the latter's experience with philanthropic work and writing on the topic of 'altruism' and 'good neighbours.' A recent collective paper on "Altruism and Social Solidarity" by a group of distinguished scholars did not mention Merton's influence on the field. But we consider Merton's 'Matthew Effect' (1968) as an effort to imbue sociology with a hidden work ethic, in the spirit of Sorokin. The Matthew Effect does not act merely as an instrument to point out injustices, exploitation and inequalities, but it also aims to generate equalizing mechanisms that can transform a social-cultural system through planning and design that yields positive results.

Indeed, one feature of both Merton and Sorokin is their insistence that 'science' cannot serve coherently as a 'worldview-defining paradigm,' like some people in the 'modern west' have made it out to be. In other words, to study 'modern, western science' (MWS) comprehensively, one must also take into account both philosophy and religion alongside it, in addition to society, culture, politics, language, economics, etc.

---

[1] 1990: 66.

[2] 2006: 69.

Of special interest to us in this paper is an article that Merton wrote together with Bernard Barber (1990), titled: "Sorokin's Formulations in the Sociology of Science." Here we read in Merton strong words of criticism for Sorokin's overall coherence and unity and for his post-materialistic evaluations in sociology of knowledge (SoK). Yet, Merton also shows great respect for his teacher, a master sociologist, a dual-citizen, world ambassador, who deeply influenced the field of sociology and SoS as one of the last grand theorists.

Merton notes that Sorokin "considers that particular theories of science as well as the rate of scientific advance are dependent upon these underlying cultural premises" (1990: 48). For Sorokin, the prevailing 'cultural super-system' to a considerable extent indicates or decides 'which science' is or perhaps even 'can be' studied and/or developed in a given local, regional and/or national setting (this might be called 'social selection,' in a Mertonian evolutionary framework). We will return to this below, but it is enough to show that Sorokin accepts a degree of socio-cultural constructivism and in some cases even of environmental determinism when it comes to the study of 'science' in the realm of HSS. This reveals a possible pre-cursor[1] to the 'discovery' by Merton that 'doing science' is influenced by society and culture.

When observing the field today, we note two views of the common disciplinary core and how to approach 'science' as sociologists. We recognize two sides of the same topic in the combined Merton-Sorokin contribution to SoS. 1) Investigating the individual and social (collective) meaning(s) of sciences and technologies, including NPSs and HSSs, in relation to ideologies and worldviews, and 2) Studying the institutionalisation, systematisation, organisation and management (operations) of 'science' in societies, cultures and nations, along with its relation to religion and politics, big business, the military, media, etc. Merton's emphasis was more on the 2nd approach than the 1st, following his Parsonian structural-functionalist turn, while Sorokin instead grappled more with the 1st approach and less with the 2nd, which happened when he began to eschew the quantitative-empiricist approach to sociology as his career developed in the U.S.A.

In suggesting that SoS is subsumed by empiricism, one privileges a certain definition of the field that challenges the value of theoretical or other non-empirical aspects in sociology of science[2]. The sociology that Sorokin promoted was "a generalizing science of the superorganic or sociocultural reality[3]." By adding the prefix 'super-' to 'organic,' Sorokin followed the Russian and French sociological traditions in looking at society like an *organism*, but which required an additional level of identification to coincide with the 'higher consciousness,' 'special character' or 'spiritual status' of human beings. By identifying 'culture' as an example of the 'super-organic,' Sorokin made a traditional distinction in that would allow future global researchers to follow him in opening up a discourse that involves 'ideational' aspects of culture and society that influence how science is done[4] to come-of-age once again.

---

[1] Other precursors include Russian historian of science Boris Hessen ("Science at the Crossroads," 1931) and German Max Weber's "Science as a Vocation" (1919), in addition to Borichevsky and Marx/Engels.

[2] "The definition of the object and method of the sociology of science, its academic institutionalization, its spread and popularization, can be almost entirely attributed to Merton." — Statera (1998: 61).

[3] 1965: 838.

[4] "The scientists of Ideational culture would be more interested in the study of spiritual, mental, and psychological phenomena...Scientists of Sensate culture would probably by more interested in the purely material phenomena." – Sorokin (Social and Cultural Dynamics. Vol. 2. N. Y. : American Book Co., 1937. P. 13).

Sorokin knew where he was living (Russian in the 'developed west') and in what era, when he wrote in the Introduction to one of his greatest works, "in my study I shall intentionally follow the 'empirical system of truth' which must be convincing to such a partisan of 'scientism'[1]." He knew that his writing would gain recognition in the U.S.A. only if it included empirical 'proofs' which are gathered through statistics, data collection and social experiments; only if sociology appeared to be 'scientific' based on a NPS model. Of course, this precautionary tactic would be no longer necessary today because of what has happened to the reputation of 'scientism' as ideology. Sorokin would have been pleased to see the ideology of scientism fall from its 'sensate supremacy,' as has slowly happened since the dropping of bombs in Hiroshima and Nagasaki (e.g. his annual lectures regularly reminded students of material-global destruction). The idea that 'science' has all of the answers to life's questions and can possibly solve all of humanity's problems and needs is a proposition that has been dethroned and deconstructed.

In addition to Sorokin's lack of patience with 'quantophrenia' — the empiricist bid to quantify everything about human-social existence as the only legitimate means of 'measuring' every type of value that matters to people — he was also seeking evidence to validate the super-sensory in human socio-cultural reality. The question for people today is: what other kinds of knowledge than natural-physical (cf. modern, western) scientific knowledge may contribute to a healthier and/or happier life for people, lived in community, and at peace with one's environment, seeking personal and collective development or enlightenment (e. g. indigenous knowledge) as a nation?

Sorokin might ask: 'Why does it matter if a sensate culture is shifting back toward the ideational?' One answer is because it helps us to establish proper criteria and limits for responsible *qualitative* analyses in the sciences. Sociology has been welcoming *qualitative* analyses already for decades, in addition to using *quantitative* methods and collecting data. By combining strengths (e. g. empirical and theoretical), the institutionalization of sociology does not necessarily correspond to growth in the use of *quantifiable*-only methods, an approach that can lead to the ideologies of 'pragmatism' and 'scientism.' Instead, more *qualitative* research is required to fill in the gaps created by the former predominance of *quantitative* methods, wherein a new *reflexive* understanding by scientists them-selves can be included in 'doing science.' Today, to hear Sorokin write reflexively or speak to an audience under the spell of 'scientism' is such a great need in some places that Merton's notion of practising "under the rules of a sensate system" would no longer hold across the board.

Sorokin undoubtedly practiced "under the rules of a sensate system" in the U.S.A. Yet, all the while he continued to advocate an integral[2] perspective which could be applied around the world. He sought a holistic model that could be adaptable with any cultural super-system; a 'non-western' perspective.

---

[1] Social and Cultural Dynamics. Vol. 2. P. 12.

[2] "The integral study of the psychosocial world contains in itself all the main methods of investigating and understanding psychosocial reality: the empirical, the logico-mathematical, and the intuitional...the integral approach to the understanding of the psychosocial universe is fuller and more adequate than any single method of cognition...there should be closest cooperation and unification of all three methods into one integral conception of reality, an integral system of truth, and an integral method of cognition. Only such an integral way can lead today's psychosocial science out of the blind alley onto the royal road of a recreated sociology and psychology." — Sorokin (1956: 317).

"Sorokin's integral perspective incorporates ideas from religious and philosophical traditions within the frame of reference and practice of social science," write Tiryakian et al. (2006: 76). The research that can and could be done with an 'integral perspective' taken as the basic framework in which to 'do sociology' on the topic of science studies and SoS is based on the necessary connection between 'doing science' and accepting that *some aspects of knowledge in human culture are 'by their natural character' best understood as 'ideational,' or at least 'idealistic.'* Note: this differs from the idealism vs. materialism dialectic at play with Marx, Habermas, Luhmann, M. Harris, G. Lenski, S. Sanderson, et al. Instead, topics in the realm of SoS inevitably include human values, beliefs, ideologies, emotions, intuitions, ethics (e.g. labour/work), languages, teleological dispositions, i.e. positive sociology combined with a reflexive *anthropic* method[1].

Indeed, one reason some observers thought Sorokin had gone senile in the 1950s was his return to study psycho-social realities[2] and especially the topic of 'altruism.' The relevance of reconnecting sociology in his later years with philosophy and religion was obvious to Sorokin, though the latter two had been de-prioritised during his 'empirical period,' when appearing to be 'positive,' i.e. quantitative and 'scientific' in the NPS sense. Yet, this return for Sorokin to the study of human love and altruism (i.e. unselfishness and sacrifice for others) was direly needed in the realm of sociology, even if it took place under a guise that did not often involve the term 'socialism.' It nevertheless reflected something that Merton would also later briefly explore in the so-called Matthew Effect (article first published 1968, the year Sorokin died); altruism in the distribution of human talents at the core of HSSs.

Merton, Mexico and the Matthew Effect in Science

When speaking about the 'Matthew Effect' in science, we offer a parallel analysis with the 'centre' and the 'periphery,' concepts taken from the world systems approach of Wallerstein and others. The Matthew Effect establishes that when an imbalance exists between two groups, the differences tend to be enlarged, causing the 'privileged' group (i. e. the 'haves') to each time gain more, while the not-privileged group (i. e. the 'have nots') tends to remain in a perpetually less-favourable situation, and thus the imbalance. The technical term for this in sociology is 'stratification' and the discourse is one of 'equality' and in the social-political-economic-cultural spheres, freedom to develop or to 'self-determine' (cf. 'sovereignty'). Merton's usage of the term 'Matthew Effect' in 1968, however, was particularly focussed on the reward system in science and science communication; i. e. that prominent scientists get more than their share of credit for producing works, based on the hierarchical structure of the system.

The centre-periphery effect observed between the systems of science and technology of 'developed' versus 'developing countries' was a recurrent theme thoroughly studied during the second half of the 20th century that has come of age again in recent years. Jiménez (1988) observed that the same effect also takes place within countries. In a study made in Mexico in the 1980's about productivity at the level of national research units, an imbalance was found between the units located in the 'centre' (Metropolitan area of Mexico City) and the 'periphery,' defined as the rest of the country (Jiménez, 1991).

[1] See Sandstrom's "Evolution and/or Extension" (2011, Forthcoming).

[2] From 1917–1922, Sorokin taught sociology at the psycho-neurological institute in St. Petersburg.

In this study, we reported the characteristics of effects with respect to five major scientific fields: agro-sciences, medical sciences, engineering sciences, natural and exact sciences, and social and human sciences. It was shown that natural and exact sciences and medical sciences, which are in the centre, are the most active participants in 'big international science.' At the same time, being active and visible participants in scientific and academic events on the global scale, with a budget and laboratory or experimental equipment and resources, implies there are various scales in terms of the players involved at the 'core' and the 'periphery' in all scientific fields.

Another aspect of the imbalance that the study shows is a more accentuated lack of resources in the agro-sciences, both in the centre and periphery. The medical sciences suffer a similar abandonment in the periphery. The imbalance is also shown in the number of units dedicated to each scientific field. The small number of units dedicated to agro-sciences and medicine is notorious compared to the rest of the sciences, including the social sciences and humanities. This incongruence is in sharp contrast with the felt needs of developing populations in terms of food production, public health and education.

It may be observed by some that science in the periphery is 'younger' than at the centre. The growth of scientific establishments in the 1970's in Mexico was relatively homogeneous in the centre and periphery. However, starting from the 80's, growth in provincial institutions was approximately doubled, reflecting a federal government policy to decentralize the country's scientific activities. However, data allow us to confirm that the new provincial units have not had the 'proper support,' either in terms of infrastructure or in the availability of scientists and technicians. In other words, the provincial units have been founded rather as 'secondary units'. This distribution in the category of primary and secondary units, according to the Matthew Effect, tends to be perpetuated in the realm of scientific practise and position. A re-vitalized life-cycle of scientific creation and production can be followed to allow for developing sectors, regions or countries to 'catch-up' or 'move ahead' in their development by improving their efficiency and production in ways that are consistent with the inner needs and desires of the people.

Our recommendation then and still now is to continue growth of scientific centres in the provinces, as opposed to in the Metropolis, particularly with respect to agro-sciences and medicine. However, these new units should be equipped with at least the same equipment available in the Metropolis, and acquire similar quality specialists to do research for development, right from the beginning. Likewise, the provincial institutional science centres should dedicate themselves to the solution of local and regional scientific problems, regardless if they are apparently not called 'mainstream science'. These units and centres will gain themselves credit at the top of international science by solving problems not touched by big international centres, as they produce original research that can be applied to solve crucial local and regional problems in developing countries. There are problems in many parts of the world that can benefit from 'peripheral' or middle-small scale scientific research. Omitting peoples' efforts condemns these centres and units to remain at a 'lower level', where it is extremely difficult to change their category, as the Matthew Effect predicts.

The source of the 'Matthew Effect' reminds us of several sides to the story. According to the Matthew Gospel, before going on a journey, the master gives money to three servants, in different amounts, "each according to his ability." Two of the three servants put their money to work and when the master returns, they offer to him their gains. The third servant did not put the money to work, but just hid it, to give back to the owner without interest or gain of

any sort. Thus, the master took this 'wicked' servant's money to give to the 'blessed' servant who gained the most and he punished the servant who gained nothing with his 'talents.'

In other words, the opportunity for development, investment, growth, innovation, etc. was made available to all three persons in the parable. It was the result of one person's choice, considered within the context of the culture and the story's domain, however, to hide and not to invest or to put the money to work that resulted in the supposed 'Matthew Effect' taking place: those who have more already, getting even more. The 'teaching' moment from the parable, then, is to recognize the talents that people are given and to do the best we can with what we have.

In Merton's words, "The Matthew effect consists of accruing greater increments of recognition for particular scientific contributions to scientists of considerable reputation and the withholding of such recognition from scientists who have not yet made their mark" (1973: 446). This can be considered in different ways. The Gospel of Matthew (NIV) reads: "For whoever has will be given more, and they will have in abundance. Whoever does not have, even what they have will be taken from them."

This scripture passage can be interpreted in the context of SoS. It can be seen as rewarding those who make 'achievements' in the field or as misallocating 'credit' for scientific work based on institutional inequalities. Are all 'scientists' created equal and, if not, then by what criteria should it be decided that one person should (normatively) receive more (i.e. status, wealth, position, etc.) than another? In most cases, it allows those who receive less to grumble (i.e. complain, protest) about being lower 'on the totem pole' and about their unfortunate situation or turn of fate.

An easy way to speak of the Matthew Effect in folk language is: 'You did well with what you had and helped others as often as you could.' This approach would fit with Merton's recognition of inequality and his charitable notions without falling into the communalist mentality of Marx or Marx-Lenin-Stalin-Mao. The topic of individual need and community-social responsibility still remains at the heart of socio-economic theories and also of real everyday life inequalities and relationships with others. How we strive to solve the problems of statecraft and stewardship in years to come will partially determine the fruit of efforts made to improve human-social systems and individual understandings of those systems using sociological tools and activities.

The 'mutual aid' scenario, with which Sorokin was very familiar given that it was first widely discussed in the same city of his University studies and about which much recent discussion has taken place in tune with *green* social sympathies, is applicable across the boundaries of centre and periphery. "Mutual aid was a daily routine," notes Sorokin, "which permeated the life of the community" (1963: 14).

On the one hand, Merton redeemed himself from Sorokin's quantophrenia and hypercompetition that had defined the major period of his contribution, by offering "a contribution to social theory, a counter-weight to «materialist» determinism[1]" (1987: 130). On the other hand, Merton, instead of materialism advocated a "combination of *rationalism and empiricism* which is so pronounced in the Puritan ethic," saying that it "forms the essence of the spirit of modern science[2]." Merton was trying to express the spirit of MWS through

[1] The Emergence and Maturation of the Sociology of Science Bernard Barber // Science & Technology Studies. 1987. Vol. 5. № 3/4 (Autumn–Winter). P. 129–133.

[2] Social Theory and Social Structure. N. Y. : Free Press, 1968. Chapter XIV : Puritanism, Pietism and Science. P. 91.

U. S. American sociological glasses. This U. S. Americo-centrism, however, ultimately limited Merton's SoS reach on the global scale.

One practical example of a Canadian and a Mexican finding common ground with Mertonian terms is with respect to the North American Free Trade Agreement (NAFTA) in light of the 'Matthew Effect.' The idea that the 'haves' somehow normatively 'should' get to have more is discussed in the context of a global balance of powers and new trade channels that opens a bridge to Latin America and Asia, removing over-dependency on the hyper-consumerist/debt-ridden economy of the U.S.A. that many people around the world today think is unsustainable. Would NAFTA have been considered 'fair' or 'sustainable' by Merton as a reference to the 'Matthew Effect' as a normative justification for inequality and sweat shops?

Local, Regional and National Science Systems Development

The field of SoS is applied reflexively in this paper to look at Russian, U. S. American and Mexican SoSs. Several questions are raised regarding the effects of the environmental-material and technological conditions on the development of science: Why didn't Russia or Mexico have the conditions to create a 'scientific revolution' or 'modernization' of knowledge production, acquisition and diffusion as 'early,' i. e. 17th or 18th centuries, as did England, then the U.S.A. and later Canada?

The question of when Russia and Mexico finally had their 'scientific revolutions' and/or how these 'revolutions' are still progressing, and of their general and/or specific contrasts with the over-lapping 'scientific revolutions' achieved in England, the U.S.A. and Canada, along with other parts of Europe and (at that time) the colonies, is an open one. Russia's 'scientific and technological revolution' (*nauchni i technologicheski revolutsia)* happened roughly during the 1950–70's and is cited regularly in the science studies literature, throughout the Soviet period and continuing today.

In Mexico, the rapid growth of elementary education took place from the 1930's–50's, modernization in higher education took place from the 60's–80's and swift growth in S&T, especially with the construction of regional science centres, too place from the 70's–80's. To developing countries like Mexico, it is not simply a matter of importing and imitating scientific culture as a package or formula of success from abroad. It is also a matter of dedicating important resources to solve crucial local/regional/national problems in terms of water, pollution, agriculture, education, health research. By identifying and working on problems derived from local/regional/national needs, the 'science' being done does not necessarily coincide between developing and developed countries. It is thus the case that Mexico's biggest problem is applying what is already known, in addition to Mexican and other regional scientists making new innovations and inventions to help solve local, regional and national problems.

Just giving a country some new technologies to use does not guarantee an improvement in their human development. "[T]here is no correlation between progress in technique and progress in civilization[1]," said Toynbee. The heart of the people must centre on a developmental plan that is suitable and achievable by the needs and desires of the people. If Mexicans want to develop, they will; if they don't, they won't. This is the social reification message; that people speak together as one.

[1] *Toynbee A. J.* A Study of History, 1948. Vol. 3. P. 173–174

Merton depended heavily on the particularly 'western' version of science and 'scientific sociology,' which is steeped in the analytical and empirical traditions and tied together with a Darwinian evolutionary perspective to insist that science is automatically progressing and that human development happens because the fittest survive and the rest die out. We believe that Merton was wrong to hold this perspective because it leads to civilisational discrimination as well as government and market policies that actively contribute to the inability of the periphery to 'catch-up' at an achievable speed to the centre. These are the social-cultural and political tensions that arise between communities, regions, nations and international organizations when speaking about what is fair and issues of justice and peace-building, which occur in various degrees and in various forms around the world.

Conclusion

Mexican and Canadian perspectives differ on the legacy of Merton in the USA and around the world. Mexico has experienced the Matthew Effect directly in terms of imbalances between the centre and the periphery. The question is about whether or not Mexicans can find the other side of the parable to make good use of the talents they are given. The additional requirement of course, is fair trade and fairness in general in the new post-unipolar geo-political world we are in today (2010).

Merton's 'Matthew Effect' has both lessons for teaching and for learning in the case of Mexico's scientific development and in the redistribution of rewards for scientific achievements, including those made in the developing world that aim to tackle development challenges and problems. The potential solutions or contributions this can make to help balance the playing field between 'big science, middle science and small science' in terms of social accountability instead of market-determinism are significant in breadth and scope. Although 'developing world' problems are less commonly on the radar of scientists in developed or 'mainstream science' scenarios, this does not mean that those middle and small science approaches cannot be included in the mainstream for their contribution to global knowledge.

We agree with Merton when he writes: "The continuity of science requires the active participation of interested and capable persons in scientific pursuits. But this support of science is assured only by appropriate cultural conditions" (1973: 254). It is up to the active participation of citizens, in whatever country and in whichever environmental or surrounding conditions, to immerse them-selves and their children in science or in the process of 'doing science' in various fields and settings. What must be realized from Merton's contribution, is that 'science' is not a 'universal method,' but is rather a changing methodology that is influenced, in respectively different spheres, by social, cultural, economic, political, religious and linguistic pressures and factors that mould and shape the 'science' in a formal sense. This aspect of 'doing science' should not be forgotten or a naïve 'objectivist' perspective maintained around the holy shrine of 'scientific practice.' SoS has de-mystified the sacred realm of the brilliant and genius 'scientist,' who walks around in a lab-coat, with a beaker and their hair partly blown back. The reality of the human equation in science is now visible.

Many questions, however, remain: What kind of 'science' does each particular society, community or nation-state need and desire? How can this 'ideal' be determined and realized

by individuals and groups relative to their own perceived needs and desires, in their quest for a higher quality of life? How do social systems, structures, networks, institutions, etc. 'get organized' and what role do individuals, managers, monitors, teams, etc. play through the influence of leaders, followers and groups interacting in this work-life situation? We refuse to accept that since work is often associated with a Marxist approach that it cannot be studied outside of a Marxist framework that looks to dignify human relations through a non-evolutionary social systems narrative.

"The development of a systematic approach to the study of altruism and solidarity with global society as the primary unit of analysis is a potentially vital focus in the sociology of globalization," says Tiryakian et al. Such a prospect seems to answer at least two features of the SoS discussion in this paper. First, it speaks to the Matthew Effect when elevated to the theme of international or inter-society relations, alongside of personal actions and attitudes towards others. Second, it opens up a discussion of philosophy alongside of science and religion, which allows more voices to be heard, which are bursting at the seams in this information-electronic age of simultaneous communications and social networks. The inclusion of altruism as a foundational concept in human-social science wrestles it free from invasion by socio-biology and ethology and allows for sciences, including both natural and social sciences, to cooperate with philosophy and ideology or religion more respectfully.

"Science must not suffer itself to become the handmaiden of theology or economy or state," Merton reminds us. "The function of this sentiment is likewise to preserve the autonomy of science. For if such extra-scientific criteria of the value of science as presumable consonance with religious doctrines or economic utility or political appropriateness are adopted, science becomes acceptable only insofar as it meets these criteria." (1938: 328) With a warning like this, we can be sure that scientism will be held under check by those who study SoS.

Guarding the 'developed west' from and warning the 'developing rest' about the ideology of scientism is a serious and legitimate challenge in our era. In hindsight, this could turn out to be seen as one of SoS's greatest contributions to knowledge and a signpost in the *anthropic* age of science.

References

Barber, B. (1962a) Science and the Social Order / foreword by R. Merton. 2nd ed. N. Y. : The Free Press.

Ben-David, J. (1971) The Scientist's role in society: a comparative study. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs.

Bunge, M. (1999) Sociology of Science: From Marx to Merton and Beyond. // The Sociology-Philosophy Connection. New Jersey : Transaction Publishers.

Campos, M. A., Jiménez, J. (1994) La ciencia y la tecnología en México: un factor marginado en la sociedad mexicana // Los Grandes Problemas de la Ciencia y la Tecnología / R. Varela, L. Mayer, compiladores. Universidad Autónoma Metropolitana, UNAM. P. 171–186.

Cata o, G. (2003) Robert K. Merton // Espacio Abierto. Vol. 12. № 4. P. 471–492.

Collini, S. (2000) C. P. Snow's Las Dos Culturas (The Two Cultures). Buenos Aires : Nueva Visión, (Introd.).

Collins, H. (2005) The Uses of Sociology of Science for Scientists and Educators // Springer Distinguished Lecture, International History and Philosophy of Science Teaching Group (IHSPT), Conference, University of Leeds. July 17.

Feyerabend, P. (1975) How to Defend Society against Science. URL:http://www.galilean-library.org/manuscript.php?postid=43842

Fuller, S. Science. (2010) The Art of Living Series / ed. by M. Vernon. Durham : Acumen.

Fuller, S. (2005) The New Sociological Imagination.

Jeffries, V., Johnston, B. W., Nichols, L. T., Oliner, S. P., Tiryakian, E., Weinstein, J. (2006) Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization // The American Sociologist. Fall.

Jiménez, J. (1991) La ciencia en el centro y la periferia: problema hacia 'adentro' y hacia 'afuera' // El Sistema de Ciencia y Tecnología en México / eds. M. A. Campos y J. Jiménez. UNAM. P. 71–104.

Jiménez, J. (1993) Distribución de tareas científicas y tecnológicas en México // Prospectiva social y revolución científico-tecnológica / eds. M. A. Campos y R. Varela. Universidad Autónoma Metropolitana. P. 105–116.

Jiménez, J. (1994) Development of Science and Technology within Modern Global Transformations (the Experience of Mexico) (en ruso) // Science and Science of Science. Ukrainian Academy of Science. Vol. 4 P. 41–46.

Jiménez, J., Campos, M. A., Diaz-Francés, E. (1988) Efecto Mateo en la Problemática Centro — Periferia de la Ciencia en México // Memorias del Tercer Foro de Estadística. IIMAS, CIMAT, Facultad de Matemáticas, Universidad de Guanajuato. Guanajuato, Gto., 128–139. 12–14 de septiembre de 1988. También publicado en Comunicaciones Técnicas, IIMAS, UNAM. Serie Naranja, № 537.

Jiménez, J., Campos, M. A., Escalante, J. C. (1991) Distribution of Scientific Tasks between Center and Periphery in Mexico // Social Science Information.Vol. 30. P. 471–482.

Merton, R., Barber, B. (1990) Sorokin's Formulations in the Sociology of Science // Social Studies of Science / B. Barber. L. : Transaction.

Merton, R. K. (1971) The Sociology of Science: theoretical and empirical investigations. Chicago: University of Chicago Press.

Merton, R. K. (1968) The Matthew Effect in Science. // Science. Vol. 159 (3810). P. 56–63.

Merton, R. K. (1962b) The Sociology of Science / eds. B. Barber and W.Hirsh. New Jersey : Free Press.

Merton, R. K. (1938) Science and the Social Order // Philosophy of Science. Vol. 5. № 3. P. 321–337.

Merton, R. K. (1938) Science, Technology and Society in Seventeenth Century England // Osiris. Vol. 4. № 2. P. 360–632.

Sandstrom, G. (2010) A Comparative Analysis of Sociology as a Scientific and Academic Discipline in Russia and Canada : Candidate of Science, dissertation. St. Petersburg, Russia (unpublished). 205 p.

Sorokin, P. (1965) Sociology of Today, Yesterday and Tomorrow // American Sociological Review. Vol. 30. № 6.

Sorokin, P. A. (1961) Quest for an Integral System of Sociology // Memoire du XIX Congres International de Sociologie. Vol. 3. (Mexico: Comite Organisateur du XIX Congres International de Sociologie). P. 71–108.

Statera, G. (1998) Merton and the Sociology of Science in Europe // Robert Merton and Contemporary Sociology / eds. C. Mongardiani and S. Taboni. New Jersey : Transaction.

Tiryakian, E. (1999) Pitirim A. Sorokin, My Teacher: Prophet of Late Modernity // International Symposium in Honour of Pitirim A. Sorokin, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow and St. Petersburg, February 4–6.

Weber, M. (1989 [1919]) Max Weber's Science as a Vocation / eds. P. Lassman, I. Velody ; transl. M. John, L. : Unwin Hyman.

Юревич Андрей Владиславович

член-корреспондент РАН,
доктор психологических наук, заместитель директора
Учреждения Российской академии наук Института психологии РАН,
Москва, Россия;
yurevich@psychol.ras.ru

Теневая наука в современной России

В связи с нормами научной деятельности, сформулированными Р. Мертоном, автор рассматривает такое явление, как теневая наука. По его мнению, она сопровождала официальную науку с момента ее появления на свет, однако в современной науке, особенно российской, соответствующие феномены становятся все более многочисленными и получают все более экстремальные проявления.

Ключевые слова: теневая наука, научная этика, нормы и антинормы науки, научное антрепренерство, поп-наука.

Нормы и антинормы науки

Как правило, вклад в науку ученых такого масштаба, как Р. Мертон, выходит далеко за пределы тех областей знания, которые они разрабатывают. Его труды, послужившие фундаментом социологии науки, имели большой резонанс за ее пределами, оказав огромное влияние на *ви́дение* науки и ее истории представителями самых различных научных дисциплин. При этом, что тоже характерно для крупных мыслителей, большое влияние на это ви́дение оказали не только сами идеи Мертона, но и *оппонирование* этим идеям, в частности противопоставление сформулированным им нормам научной деятельности ее антинорм. Большую известность в социологии науки и за ее пределами приобрели системы таких антинорм, описанные И. Митроффом, С. Фуллером, Дж. Зиманом и другими исследователями, существенно содействовавшие приближению науковедческих образов науки к реальности.

Работы Мертона и его оппонентов во многом содействовали и привлечению внимания к ненормативным, «теневым» сторонам научного познания, без учета которых его науковедческие образы были бы не только неполными, но и в значительной мере искаженными. Это открыло богатое поле и для отечественных науковедов, ибо наша страна традиционно преуспевает в культивировании всего ненормативного, в том числе и теневой науки.

Термин «теневая наука» все прочнее утверждается в нашем науковедческом и бытовом лексиконе и становится все более популярным, что неудивительно: было бы странным, если бы в стране, где значительная часть экономики, да и других социальных структур, находится «в тени», а «теневой» образ жизни сколь широко распространен, столь и естественен, не было бы и теневой науки.

Когда термин у всех на слуху, трудно установить его авторство, и, скорее всего, изобретатель выражения «теневая наука» так и останется неизвестным, хотя претендентов на пальму первенства обнаружилось бы немало. Например, среди отечественных пионеров его употребления можно упомянуть В. А. Бажанова, назвавшего одну из

глав своей книги, вышедшей в 1991 году, «Феномен теневой науки и его особенности в СССР». Из названия этой главы можно заключить, что уже в те времена, когда, как тогда было принято считать, у нас «не было» наркомании, проституции и даже секса, теневая наука у нас была, а к ее основным проявлениям В. А. Бажанов относит написание авторами рецензий на собственные работы, рецензирование научных трудов без их чтения и т. п. Он пишет: «По аналогии с теневой экономикой, под которой имеют в виду незаконную экономическую деятельность, теневую науку можно было бы определить как деятельность представителей научных сообществ, микросоциумов (входящих в них по формальным либо содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых и поддерживаемых обществом в качестве своего рода идеалов, ценностей и норм — правовых, этических и т. д., которые регулируют научную жизнь» (Бажанов, 1991: 153). По мнению В. А. Бажанова, «функционирование теневой науки покоится на действии, по меньшей мере, двух механизмов: первый (и самый эффективный) из них — наличие влиятельного лица в структурах власти, готового помочь („вырожденный“ случай — влиятельное лицо в самом издательстве), готового исполнить чье-либо желание, а второй — пробивная сила некоторого множества отзывов, заверенных, как полагается, печатями солидных научных учреждений, от ученых со степенями и званиями, да еще — если повезет — занимающих какие-либо административные должности» (там же: 156–157).

Теневая наука, если исходить из ее описанного выше понимания, существовала не только у нас, и вообще можно предположить, что с тех пор, как возникла сама наука, сформировалась и область феноменов, которые можно причислить к теневой науке, хотя, естественно, и характер этих феноменов, и их выраженность менялись с течением времени. Так, например, А. Кон в своей книге с красноречивым названием «Ложные пророки: обман и ошибки в науке и медицине» (Kohn, 1986) приводит доказательства того, что уже основатели науки Нового времени — И. Ньютон, И. Кеплер, Г. Галилей и др. — регулярно грешили подделкой научных данных, которую принято считать одним из главных проявлений теневой науки. Наиболее громкую огласку в этом плане приобрел случай Г. Менделя — после того, как математиком Р. Фишером было доказано, что количественные данные, приводившиеся «великим монахом» в подтверждение открытых им законов генетики, получить было принципиально невозможно. Скандал разразился и по поводу английского психолога С. Барта, который сначала был первым среди психологов посвящен в дворянство (превратившись в сэра Сирилла Барта) и удостоен престижной премии Торндайка, а потом, когда выяснилось, что всего этого он добился с помощью разветвленной системы подлогов, включавшей описание непроводившихся исследований, искажение действительного размера выборок, публикацию данных, подтверждавших его выводы, под вымышленными именами, и другие подобные приемы, подвергся — посмертно, впрочем, — многоступенчатой процедуре «деградации статуса» и даже отлучению от науки[1].

Б. Барбер (Barber, 1952), У. Хэгстром (Hagstrom, 1965) и другие известные исследователи науки публикуют длинные списки ученых, подделывавших результаты исследований, которые, возглавляемые Ньютоном и Галилеем, включают и наших соотечественников. В 1985 году журнал “New scientist” провел опрос,

[1] Окончательный вердикт ему вынесла Британская психологическая ассоциация: «Ни по своему темпераменту, ни по своей подготовке Барт не был ученым ... его работы имели лишь форму научных, но далеко не всегда были таковыми по существу» (Gieryn, Figert, 1986: 80).

продемонстрировавший, что 194 из 201 опрошенных им ученых сталкивались с подобными случаями, причем только 10 % уличенных в обмане были уволены со своих должностей, для остальных же обнаружение подлогов не имело сколь-либо значительных последствий (Kohn, 1986). С. Волинз разослал 37 авторам научных статей письмо с просьбой описать «сырые» данные, на которых были основаны сделанные выводы. Ответили 32 респондента, у 21 из которых первичные результаты куда-то «случайно» затерялись, при этом и в присланных данных обнаружились подозрительные неточности и ошибки (ibid). А среди ученых, опрошенных М. Махони, 42 % ответили, что хотя бы однажды сталкивались с подделкой данных, причем биологи (57 %) — чаще, чем представители социогуманитарных наук — психологи (41 %) и социологи (38 %) (Mahoney, 1976).

Вышеупомянутый А. Кон, проанализировавший и систематизировавший подобные случаи «мошенничества» в науке, пришел к выводу о том, что оно носит массовый характер, является правилом, а не исключением, и выделил три его основные разновидности: 1) «подлог» — прямая фальсификация результатов исследований, выдумывание несуществующих фактов, 2) «приукрашивание» — искажение полученных данных в желаемом направлении, 3) «стряпня» — отбор только тех данных, которые подтверждают гипотезы (Kohn, 1986).

Эта тема, в 80-е годы прошлого века ставшая одной из самых популярных в разделе «Научное творчество» выходившего у нас тогда реферативного журнала «Науковедение», поистине неисчерпаема. В то же время было бы неверным сводить исторические предпосылки теневой науки только к манипуляциям с результатами исследований. У науки всегда существовала куда более многообразная теневая сторона, скрытая от взглядов непосвященных. Так, Р. Мертон, сформулировавший официальные нормы науки — «универсализм», «незаинтересованность», «коммунизм» и «организованный скептицизм», от которых, очевидно, должно отмеряться «нарушение принятых и поддерживаемых обществом (и научным сообществом) идеалов, ценностей и норм» (Бажанов, 1991: 153), отдал должное и таким теневым феноменам научной деятельности, как «эффект Матфея» (чем больше имеешь, тем больше и приобретаешь), «эффект Ратчета» (завоевав определенный статус, практически невозможно его потерять) и т. п. (Merton, 1969). А. Митрофф описал теневые антинормы науки, противоположные ее официальным нормам: «вера в моральную добродетель не только рациональности, но и иррациональности», «эмоциональная вовлеченность», «партикуляризм», «уединенность» (то есть секретность, стремление ученого обрести право собственности на произведенное им научное знание), «заинтересованность», «организованный догматизм» (Mitroff, 1974). Еще одна система антинорм была описана С. Фуллером, назвавшим их «земными», то есть не абстрактно декларируемыми, как нормы Мертона, а реальными нормами «земной» науки. К их числу он относит: «культурный империализм» (то есть доминирование англо-американских научных журналов и т. д.), «мафиозность», «оппортунизм» (то есть готовность, например, создавать оружие массового уничтожения), «коллективная безответственность» (Fuller, 1997).

Резонансный шаг в высвечивании теневой стороны науки сделали Дж. Гилберт и М. Малкей, которые в своей книге «Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых» продемонстрировали, что у людей науки имеются два «репертуара» — «условный» и «эмпирический»; в рамках первого одни и те же ситуации научной деятельности воспринимаются в их официальном, а в рамках

второго — в скрытом, или теневом, контексте. Примеры расхождения этих «репертуаров», которые приводят авторы, настолько ярки и остроумны, что их стоит воспроизвести в очередной раз.

Что пишется	**Что имеется в виду**
Давно известно, что ...	Я не удосужился запастись точными ссылками
Хотя не оказалось возможным найти точные ответы на поставленные вопросы...	Эксперимент провалился, но я считаю, что, по крайней мере, смогу выжать из него публикацию
Три образца были отобраны для детального изучения...	Результаты, полученные на других образцах, не давали никакой почвы для выводов и были проигнорированы
Имеет большое теоретическое и практическое значение...	Интересно для меня
Утверждается... представляется... считается, что...	Я считаю
Общепринято, что...	Еще двое отличных ребят думают точно так же
Наиболее надежными следует считать результаты, полученные Джонсом...	Он был моим аспирантом

Взято из кн.: Гилберт, Малкей, 1987

В целом же самые разнообразные направления изучения науки — изучение ее истории, социологический анализ так называемой «лабораторной жизни» (см.: Современная западная социология науки, 1988), психологические исследования взаимоотношений между учеными и т. п. — убедительно свидетельствуют о том, что у любой науки есть своя теневая сторона, которая проявляет себя не только в грубых нарушениях научной этики, как в случае подлогов и др., но и в «нормальных», этически нейтральных ситуациях.

Так, например, у любой научной дисциплины существует теневая методология, которая позволяет «самортизировать» издержки, а то и вообще неосуществимость ряда ее официальных методологических стандартов. Например, в пору господства позитивистской методологии в поведенческих науках исследователю было предписано строго соблюдать правила добывания научного знания, основанные на компактно суммированных У. Веймером позитивистских мифах:

— научное знание основано на твердых эмпирических фактах;

— теории выводятся из фактов (и следовательно, вторичны по отношению к ним);

— наука развивается посредством постепенного накопления фактов;

— поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение;

— теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции;

— теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом (Weimer, 1976).

Поскольку подобным путем нового знания построить невозможно (что убедительно показано в разрушивших эти мифы работах Т. Куна, П. Фейерабенда, С. Тулмина и др.), исследователи были вынуждены изощряться и изобретать всевозможные теневые методологические «ходы», дабы обойти эти правила, одновременно создавая видимость их соблюдения. Среди подобных «ходов» наибольшее распространение получили такие, как формулирование гипотез *post factum* — когда исследование уже проведено, придумывание якобы неподтвердившихся гипотез, призванных продемонстрировать добросовестность исследователя, камуфлирование истинных источников этих гипотез, «отсечение» их связи с самоанализом, личным опытом исследователя и т. п. В результате в поведенческих науках сосуществовали две методологии: официальная — позитивистская, и теневая, которая делала возможным реальное приращение знания и была легализована — да и то не полностью — лишь в результате распространения в методологической рефлексии науки постмодернистских идей и настроений (Юревич, 2000)[1].

Подобные примеры свидетельствуют о том, что к области теневой науки можно отнести большое разнообразие феноменов, которые трудно отмерить от какой-либо системы морально-этических норм (кто решится утверждать, что теневое нарушение позитивистской методологии было аморальным?) и выстроить в едином смысловом пространстве. В то же время и полное отождествление теневого с неофициальным, противоречащим упрощенным представлениям о науке, было бы чрезмерным расширением данного понятия. Так, скажем, многолетнюю судебную тяжбу между И. Ньютоном и Г.-Х. Лейбницем, как и бесконечные споры о приоритете, в которые было втянуто множество выдающихся ученых, едва ли можно отнести к теневым феноменам науки, хотя они и противоречат ее официальным нормам — «незаинтересованности», «коммунизму» и др. Вследствие того, что реальные ученые не живут в «башне из слоновой кости», что они не «святые» (Mahoney, 1976) и не «рациональные автоматы» (Roe, 1953), которым чуждо все человеческое, они часто позволяют себе не вписывающееся в официальные нормы науки, да и ключевые фрагменты в развитии научного знания, например научные революции, сильно напоминают социальные революции, заключающиеся в ниспровержении друг друга политическими кланами (Кун, 1975). Так можно ли считать когнитивную сторону научных революций — вытеснение одной научной парадигмы другой — «белой»,

[1] Эта ситуация, помимо всего прочего, демонстрирует, что теневая наука охватывает не только негативные явления, подлежащие порицанию и — в идеале — искоренению. Другой пример «позитивной» теневой науки — отечественная философия советского времени, которая в условиях диктата истмата и диамата тоже вела во многом теневой образ жизни, будучи замаскированной под историю философии.

«легальной» и т. п. наукой, а те социальные процессы, которые за этим стоят, например описанное тем же Т. Куном вытеснение сторонников прежней парадигмы из научных журналов и т. д., теневой наукой? Наверное, можно, но опять же при чрезмерном и неоправданном расширении этого понятия.

В результате грань между неофициальным в науке, противоречащим ее парадному и сильно ретушированному образу, и теневым прочертить очень сложно, а любой способ ее проведения будет условным и конвенциональным. Вместе с тем и совсем пожертвовать этим сколь эффектным, столь и полезным понятием, причислив его к категории пустых метафор, было бы неверно. Возможно, к теневой науке имеет смысл относить слишком явное нарушение этических норм, причем не только тех, которые, подобно нормам Мертона, существуют в самой науке, но и принятых в том обществе, в котором она развивается.

Защиты «под ключ»

Вспомним очевидную и многозначительную формулу: «наука — зеркало общества». Она, в числе прочего, означает, что все негативные явления, характерные для данного общества, в той или иной форме воспроизводятся и в науке, а степень ее отклонения от принятых в ней норм в целом пропорциональна степени отклонения от общечеловеческих моральных императивов соответствующего общества. К тому же, во времена, отмеченные снижением морали, наблюдается смещение представлений о том, что считать нормой, а что — патологией, и ученого, «подмахивающего» отзывы и рецензии, сейчас вряд ли сочтут злостным нарушителем научной этики. В результате явления, которые В. А. Бажанов отождествлял с теневой наукой в начале 1990-х, — саморецензирование, подписывание рецензий без чтения соответствующих работ и др. — выглядят детскими шалостями в сравнении с тем, что олицетворяет ее сейчас. Разумеется, каждое общество и характерные для него формы нарушения моральных принципов порождают и соответствующий вид нарушения научной этики, а значит, и теневой науки. И в этом плане наша отечественная наука не может посетовать на отсутствие изобретательности. В качестве примеров приведем типовые образцы объявлений, помещаемых в Интернете[1] .

Расценки на диссертации по гуманитарным наукам в у. е. (качественно):

Кандидатская — от 5000 до 7000 (в зависимости от сроков и формы оплаты).

Докторская — от 9000 (принимаются в расчет интеллектуальные возможности и степень участия самого соискателя. Предусматривается скидка, если докторская заказывалась «в одном пакете» с кандидатской).

Докторская «под ключ» — 16 000.

Выполнение диссертационной работы (кандидатской, докторской) — от 1000 (определяется индивидуально в каждом случае, срок исполнения — 2 месяца).

Сопровождение работы и защита в экспертных советах ВАК — от 4500 (определяется индивидуально в каждом случае, срок — до 3 месяцев).

[1] Куплю докторскую. Российская газета. 2002. Архив старого сайта РГ. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2002/0322/1.shtm

Специальное предложение:

Дружественный ученый совет принимает к рассмотрению работы по специальностям:

— информационная безопасность по отраслям — кандидат (доктор) технических, экономических, юридических наук;

— управление народным хозяйством — кандидат (доктор) экономических наук.

Во всех случаях конфиденциальность гарантируется.

Знаки отличия:

Звание академика — 1000.

Настенный цветной диплом на русском языке — 50.

То же самое на английском — 50.

Твердый переплет для диплома с золотым тиснением — 25.

Твердый настольный бювар для диплома — 25.

Удостоверение академика карманного формата — 25.

Дипломы:

Диплом о высшем образовании (бланк настоящий, подписи и печати поддельные) — от 150 до 900 (зависит от времени изготовления и престижности вуза).

Настоящий диплом (введенный в базу данных вуза) — 5000 (плюс 4 маленьких фото).

Документ об образовании экстерном. Высылается по почте — независимо от того, в Москву или Магадан. Юрист, бухгалтер, менеджер, экономист и др. — законно, быстро и всего за 6000 руб.

Обращают на себя внимание и характер предлагаемых услуг, от которого у ученого 1990-х годов волосы встали бы дыбом, и их разнообразие (можно купить кандидатскую, можно — докторскую, можно — книгу или статью, можно — диплом, можно — место в академии), и их дифференцированность в зависимости от платежеспособности клиентов (можно, если средства позволяют, организовать защиту «под ключ», можно — менее удобными, но более дешевыми способами), и своеобразная «честность» (хотите — подлинные бланки и печати, не хотите — поддельные). Симптоматично и то, что соответствующие услуги, выглядящие нелегитимными с позиций самой науки, не воспринимаются таковыми нашим обществом и его правоохранительными структурами: во всяком случае, предлагающие их ничего не скрывают, а, напротив, афишируют и ни от кого не прячутся. А реакцию этих структур на жалобы возмущенных нетрудно предугадать: «И такую ерунду вы считаете правонарушением?». Тем более что написание диссертаций третьим лицам обычно закамуфлировано под абсолютно неуязвимое с юридической точки зрения их «научное консультирование».

Но дело, конечно, не в этих структурах, у которых и в самом деле есть более серьезные заботы. Более симптоматична реакция самого научного сообщества. Диссертации «под ключ» не пишутся сами по себе, их пишут его представители, поведение которых в основном встречает весьма толерантное отношение в нашей научной среде: дескать, ведь жить как-то надо. По статистике ВАК, 15 % кандидатских и 10 % докторских диссертаций у нас защищают люди, не имеющие к науке никакого отношения, делая это благодаря своеобразным «конвенциям», которые тоже выражают своего рода антинормы, распространенные в нашем научного сообществе: «нельзя

подводить председателя ученого совета, ведь он уже договорился» (а стало быть, и получил деньги или что-то еще), «диссертанта нельзя „зарубить“, ведь он может сделать что-нибудь полезное для нашего вуза (института), а может, если рассердится, и навредить», и т. п. Так что в подобных ситуациях научную этику нарушает не узкая группа людей — пишущие диссертации «под ключ», защищающие их или организующие такие защиты, а все наше научное сообщество, или, по крайней мере, его основная часть (в противном случае подобные защиты завершались бы провалом, чего, как правило, не случается), и есть все основания констатировать погруженность в соответствующий вид теневой науки его значительной, если не большей, части.

Научное антрепренерство

Жизнь внесла свои коррективы и в формы организации отечественной науки, обогатив ее рядом если и не строго теневых, то, по крайней мере, «серых» форм, например таких как «институты-призраки». В отличие от близких к ним по форме, но не по содержанию «институтов-карликов» (Юревич, 2004), «институты-призраки» выглядят специфической для современной России формой организации науки, неся на себе печать массовой склонности к профанациям, очень характерной для нашего общества. Как и любые призраки, подобные институты неуловимы, а об их существовании можно судить лишь по неким косвенным признакам — главным образом, по продуктам их «трансцендентной» активности. Ее типовыми проявлениями служат, во-первых, вывеска на стене какого-либо известного научного или образовательного учреждения, в помещении которого «призрак» живет — подобно тому, как привидения жили в средневековых замках, во-вторых, личность, которая позиционирует себя в качестве директора такого института, выступая, в основном в СМИ, от его имени. Другие проявления активности «институтов-призраков» окружающему их научному сообществу, как правило, не известны.

Говоря о «серой» науке было бы несправедливым не отдать должное и такой ее форме, как антрепренерская наука. Дж. Раветц называет «научным антрепренерством» способность проводить быстро осуществимые и низкокачественные исследования, браться за любые задачи, если это сулит материальные выгоды, действовать, в том числе и искажать результаты исследований, в угоду властям предержащим и т. д. (Филатов, 1993). Яркой иллюстрацией этого стиля работы может служить социолог, который, получив предложение провести социологическое исследование, спросил заказчика: «А как Вам подсчитать результаты?» — то есть в чью пользу.

Антрепренерская наука стала целой индустрией в современной России, где, как отмечает И. Мильштейн, в процессе гневного комментирования тех или иных политических событий так называемыми независимыми аналитиками, оценивающими их «от имени» науки, «уровень гнева определяется количеством „зеленых“ в незаклеенном конверте» (Мильштейн, 1998: 16). Очевидный «прогресс» — коммерческий, пиаровский и прочий — этой индустрии в основном связан со стремительным разрастанием сети так называемых независимых (непонятно от кого, но явно не от основных источников финансирования и политических интересов их клиентуры) исследовательских центров[1], основные задачи которых очень далеки

[1] В одной только политологии их насчитывается более 300 (Цепляев, Пивоварова, 2002).

от главной задачи науки — раскрытия истины. В нашей стране сложилась крайне благоприятная среда для развития антрепренерской науки: ведь в условиях нынешнего статусно-организационного «беспредела» (любой может учредить собственную академию, купить ученую степень и т. п.), «сейчас каждый, кто составил опросный лист или провел интервью, без зазрения совести называет себя социологом (а также политологом, психологом и т. п. — *А. Ю.*),[1] более того, считает возможным выдвигать и отстаивать различные проекты преобразования российского общества» (Осипов, 1997: 506). В то же время «конкурировать в одиночку с представителями академической науки непросто, однако можно это делать, выступая с оценками от имени центра или фонда с солидным наукообразным названием» (Филатов, 1993: 94). В результате такие центры и фонды плодятся как грибы после хорошего дождя, наблюдается «лихорадочное основание всевозможных социологических и политологических, экономических и стратегических центров, явно настроенных на обслуживание тех или иных структур власти, предпринимательства, общественных организаций» (там же: 94)[2], а образуемая ими антрепренерская наука не только оттесняет «настоящую» науку от умов и кошельков политиков и бизнесменов, то есть от основных источников финансирования, но и создает в нашем обществе сильно искаженный образ того, что такое наука вообще и кто является ее ведущими представителями, а, стало быть, кого следует использовать в качестве экспертов и аналитиков. Эта разновидность «серой» науки не только настойчиво пробивается «на свет», но и стремится вытеснить оттуда свою соперницу — официальную науку, пытаясь выставить ее «ленивой», «неразворотливой», «догматичной», «испорченной советскими традициями» и обладающей качествами, противоположными основным характеристикам антрепренерской науки.

Подобные ситуации высвечивают и еще одно важное свойство современного варианта теневой науки. Если, скажем, идеологизированная наука служит определенной идеологии и фабрикует выгодный для нее образ реальности, то теневая наука в своей «служивой» части обслуживает интересы определенных политических, около- и внутринаучных кланов, подгоняя под их интересы образ реальности, в том числе и самой науки[3]. Однако в отличие, скажем, от теневой экономики, теневая наука стремится пробиться «на свет», но специфическим способом, явив всему миру сфабрикованный ею образ реальности, но оставив в тени истинный механизм его порождения.

---

[1] Интересно, что наш специфический рынок породил не только обильное предложение «липовых» специалистов этих профилей, но и спрос на них. Например, в одной из наших газет было опубликовано такое объявление: «Требуется психолог до 35 лет. Психологическое образование необязательно».

[2] Разумеется, возникает вопрос: а почему подобного не происходит в естественной и технической науке? Ответ может быть основан на том, что, во-первых, в естественной и технической науке проще отличить истинную науку от ее профанаций, чем в социогуманитарных дисциплинах, во-вторых, в современной России, в условиях специфики характерного для нее социального заказа науке, профанировать, скажем, на естественной науке куда менее выгодно, чем на социогуманитарной. В то же время нечто подобное, хотя и в более скромных масштабах, наблюдается и в естественной науке, например в медицине, где тоже появилось немало «своеобразных» центров.

[3] При этом интересы соответствующего клана тоже могут состоять в распространении определенной идеологии, но чаще сводятся к продвижению самого клана — завоеванию им ключевых позиций в науке и в системе ее взаимоотношений с обществом.

Это же ее свойство отчетливо проявляется и в тех случаях, когда ученые практикуют способы поведения, описанные А. Коном: куда-то «случайно теряют» данные, на которых основаны сделанные ими выводы и т. д. В тени остается собственно «генерирующая часть» теневой науки, а не ее продукт — порожденные теневым механизмом результаты.

Поп-наука

Область теневой науки расширяется и за счет того, что в современном обществе большое распространение получила так называемая поп-наука (не путать с паранаукой и т. п.), охватывающая различные формы приспособления науки, главным образом социогуманитарной, к потребностям современного обывателя и «продажи» ему научного знания в наиболее доступном его пониманию виде. Ее типовые образцы — книги под названиями «Как заводить друзей», «Как нравиться женщинам», «Как добиться успеха в бизнесе» и т. п., наводнившие прилавки наших, даже наиболее солидных, книжных магазинов. По форме — это адаптация научного знания к потребностям практики, по сути — его явная профанация в угоду обывателю, увы, пользующаяся у него куда большим спросом, нежели «настоящая» наука.

Формально поп-наука и теневая наука не пересекаются друг с другом, поскольку вторая обитает «внутри» самой науки, а первая образует внешнее по отношению к ней наслоение. Но в действительности многие ученые активно и охотно занимаются поп-наукой, «адаптируя» научное знание к потребностям обывателя и его представлениям о науке, что нередко выдается за коммерциализацию этого знания, его приспособление к нуждам практики. Причины подобного поведения ученых достаточно очевидны: на поп-науке можно заработать и известность, и деньги, которых не заработаешь, занимаясь серьезной наукой. И если толерантно относиться к научным сотрудникам, пишущим диссертации «под ключ», то их коллеги, промышляющие поп-наукой, едва ли заслуживает более строгого порицания.

В принципе, алгоритм их действий достаточно прост. Из научного знания выводятся импликации относительно того, что потребно обывателю, не только сильно упрощающие, но и искажающие это знание. В результате в массовое сознание «от имени» науки транслируются мифы, противоречащие научным данным, например о том, что «чтобы добиться успеха в достижении цели, ее надо визуализировать», «сдерживать свои чувства неправильно и вредно», «если вы пребываете в дурном расположении духа, то почувствуете себя лучше, переключив свои мысли на что приятное» (Степанов, 2005: 12–13). Поскольку научного знания для подобных импликаций всегда недостаточно, поп-ученый заполняет вакуум своим здравым смыслом и фантазией. В общем, получается «адская смесь» из научных представлений, их изрядного искажения, находок здравого смысла и т. д., которая продается обывателю от имени науки. А ввиду того, что в отличие, скажем, от паранауки и сопутствующего ей шарлатанства («сниму порчу», «приворожу любовника», «верну мужа за полчаса»), здесь все же корни вырастают из науки, то поп-науку можно считать одним из проявлений теневой науки, тем более что промышляющие ею представители научного сообщества, как правило, занимаются ею «в тени», стараясь скрыть это от коллег.

Вообще следует отметить, что в тех случаях, когда ученый, в особенности представитель социогуманитарных наук, занимается тем, что принято называть внедрением[1] научного знания в практику, он часто практикует те приемы, которые характерны для теневой науки. И дело здесь даже не в том, что он, как и подавляющее большинство отечественных предпринимателей, стремится уклониться от уплаты налогов, занизить размер своих доходов и т. д., что характерно для теневой экономики, то есть в этом смысле погружается «в тень», сколько в том, что он нередко продает товар — псевдознание, которое в самой науке в качестве знания не рассматривается.

Например, значительная часть тестов и других подобных процедур, применяемых так называемыми практическими психологами, не имеет выдаваемых научным сообществом «сертификатов» валидности и надежности и вообще, подобно очень популярному сейчас нейролингвистическому программированию (НЛП), крайне сомнительна. Однако покупателю все это выдается за получивший научную «сертификацию» абсолютно надежный товар, что предполагает достаточно явное нарушение норм науки. Такие формы поведения характерны не только для «чистых» практиков, многим из которых основополагающие нормы науки просто неизвестны, но и для ученых, которые, в основном не от хорошей жизни, вынуждены заниматься практикой и внедрять в нее все, что она может вытерпеть (и в таком контексте этот «скрежещущий» термин вполне оправдан).

Подобная ситуация кроссдисциплинарна, то есть характерна для многих научных, особенно социогуманитарных, дисциплин. Например, в социологии происходит размежевание трех основных ипостасей (фактически самостоятельных профессий) этой профессиональной деятельности: социолога-ученого, социолога-прикладника и социального технолога. При этом, как отмечает М. Задорин, «в фундаментальной науке просто не хватает денег для обеспечения достойного существования и экономически не стесненного занятия любимым творчеством. А в прикладной сфере не хватает символического капитала и соответствующих профессиональных статусов, подтверждающих свою компетентность и профессионализм. Вот и получается, что ученый бежит за деньгами в „коммерческую халтуру“, доказывая одновременно себе и другим свою „востребованность“, а прикладник вынужден на полгода „уходить из бизнеса“, чтобы написать кучу не очень научных статей в очень научные журналы и получить „корочки“ кандидата или доктора, в общем-то, малополезные для его непосредственной деятельности» (Задорин, 2007: 71).

Нечто подобное наблюдается и в психологии. Академические психологи тоже неравнодушны к впечатляющим гонорарам психологов-практиков, а те — к имеющимся лишь у немногих из них ученым степеням. К тому же, академические психологи подчас воспринимают психологическую практику если не как торговлю воздухом, то как продажу, причем за немалые деньги, весьма сырого и ненадежного знания, которое, прежде чем выставлять на продажу, следовало бы многократно перепроверить в психологических лабораториях[2]. Немало проблем возникает и в отношениях научного психологического сообщества с теми психологами-практиками, которые обслуживают

---

[1] Источающее механический скрежет слово, демонстрирующее, что практика неизбежно сопротивляется этому.

[2] В этом плане наиболее показательно отношение к психоанализу, ни одно из базовых положений которого, как принято считать в академической психологии, до сих пор не получило нормативного в науке эмпирического подтверждения. Отмечаются, в частности,

политиков. В процессе подготовки и проведения избирательных кампаний, предполагающих различные формы «одурачивания» избирателей («черный» пиар, «грязные» политтехнологии и т. п.), эти психологи грубо нарушают этические нормы науки (и не только науки). В. Е. Семенов задается вопросом: «Ведают ли, что творят те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы победителей? А на самом деле — людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов» (Семенов, 2007: 42). Иногда раздаются призывы к отлучению таких психологов от психологического сообщества.

Но даже если подобных нарушений не происходит, наблюдается расхождение этических систем фундаментальной и прикладной науки, на неизбежность которого обращает внимание Б. И. Пружинин (Пружинин, 2008). В частности, «поиски истинного знания являются для фундаментального исследования вещью самодовлеющей; для прикладного исследования истина является ценностью инструментальной, а самодовлеющей ценностью оказывается как раз технологическая эффективность знания» (там же: 116), что обусловливает расхождение ценностных ориентаций, характерных для двух страт научного сообщества.

Отмечается и то, что практическая психология, в отличие от академической, во многом носит теневой характер, что углубляет «схизис» (Василюк, 2003) между ними. В. Б. Хозиев пишет, что «значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой ею в современной культуре» (Хозиев, 2007: 190). Теневой характер этой ниши определяется тем, что «невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия, публикуемая в виде описаний „консультативных случаев“ в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностном характере консультативной психологии» (там же: 190).

В общем, достаточно очевидно, что активизация прикладного потенциала социогуманитарных наук существенно расширяет область их теневого приложения и порождает целый спектр этических проблем, вынуждающих значительно расширить традиционные представления о научной этике.

* * *

Множество явлений, которые следует отнести к области теневой науки, сейчас настолько широко и многообразно, что едва ли возможно дать их всеобъемлющее описание, тем более что наша жизнь порождает все новые их виды. В то же время, если придерживаться сформулированного в начале этой статьи определения, основные формы «деятельности представителей научных сообществ, микросоциоумов (входящих в них по формальным либо содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых и поддерживаемых обществом в качестве своего рода идеалов, ценностей и норм — правовых, этических и т. д., которые регулируют научную жизнь» (Бажанов, 1991: 153), все же поддаются систематизации.

Во-первых, к их числу можно отнести — и это, наверное, самое древнее понимание теневой науки — нарушение представителями научных сообществ тех норм,

---

«вызывающая метафоричность» психоаналитической теории, «сомнительность... доказательной базы» (Хозиев, 2007) и т. п.

ценностей и идеалов, которые регулируют *сам процесс производства научного знания* и «развернуты» в сторону изучаемых учеными объектов: фабрикация вымышленных данных, подделка результатов исследований, описание непроводившихся опытов, — в общем, все то, что описывает в своей книге А. Кон.

Во-вторых, нарушение норм, которые регулируют *процесс оценки и распространения научного знания в самой науке,* — «подмахивание» рецензий и отзывов на непрочитанные диссертации и книги и т. п.

В-третьих, нарушение норм, призванных регулировать *взаимоотношения между учеными,* например использование в научных дискуссиях статусных позиций и вненаучных, скажем идеологических, аргументов, подыгрывание начальникам, клановое поведение и т. п.

В-четвертых, нарушение тех норм, которые регулируют *отношения научного сообщества с внешней по отношению к нему социальной средой*: преподнесение ей искаженных представлений о том, «кто есть кто в науке» в виде липовых рейтингов и самопрезентаций, трансляция в нее поп-версии научного знания и т. д.

В-пятых, нарушение *общечеловеческих норм* в виде наиболее экстремальных форм неэтичного поведения ученых, таких как торговля обогащенным ураном или человеческими органами.

Возможно, в отдельную категорию стоит выделить и нарушение норм, которые выполняют «охранительную» по отношению к научному сообществу функцию, препятствуя его наводнению «чужаками» — людьми, не имеющими к науке отношения. Например, организация защит «под ключ» или толерантность к такого рода явлениям.

К сожалению, в качестве общих тенденций можно зафиксировать, во-первых, увеличение количества сегментов теневой науки — постоянное появление ее новых видов, во-вторых, расширение каждого из этих сегментов, превращение нарушения соответствующих норм во все более массовые явления, в-третьих, размывание границ между нормой и патологией, то есть между теневой и «нормальной» наукой, в результате чего еще совсем недавно считавшееся патологией начинает рассматриваться как норма, в-четвертых, «экстремализацию» теневой науки — нарушение норм все более грубыми способами (кто лет двадцать назад смог бы себе представить, скажем, защиту диссертаций «под ключ»?), в-пятых, своеобразную «социализацию» теневой науки в виде сдвига ее главных проявлений с нарушения «внутренних» норм науки на нарушения норм, регулирующих ее взаимоотношения с обществом.

Не хочется строить прогноз о том, как будут развиваться эти тенденции, и что будет дальше, но совершенно очевидно, что у теневой науки есть не только прошлое и настоящее, но и будущее. Хотелось бы лишь выразить надежду на то, что вся наша наука со временем не погрузится в тень.

Литература

Бажанов В. А. Наука как самопознающая система. Казань, 1991.

Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. М., 1987.

Задорин М. Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5 С. 65–74.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Мильштейн И. Судьба математика // Новое время. 1998. № 41. С 14–16.

Осипов Г. В. Что происходит с социологией? // Вестник РАН. 1997. № 6. С. 502–507.

Пружинин Б. И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. М., 2008. С. 108–121.

Филатов В. П. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89–96.

Семенов В. Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.

Современная западная социология науки. Критический анализ : кол. моногр. М., 1988.

Степанов С. 7 мифов поп-успеха // Мы и мир. Психологическая газета. 2005. Январь. С. 12–13.

Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 190–206.

Цепляев В., Пивоварова Л. В коридорах власти пахнет анализами // АиФ. 2002. Август. № 33 (1138).

Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.

Юревич А. В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М., 2004.

Barber B. Science and the social order. N. Y., 1952.

Eiduson B. T. Scientists, their psychological world. N. Y., 1962.

Gieryn T. F., Figert A. E. Scientists protect their cognitive authority: The status degradation ceremony of sir Cyril Burt // The knowledge society. Dordrecht, 1986. P. 67–86.

Fuller S. Science. Birmingham, 1997.

Hagstrom W. O. The scientific community. Cardonale, 1965.

Kohn A. False prophets: Fraud and error in science and medicine. Oxford, 1986.

Mahoney M. J. Scientists as subjects: The psychological imperative. Cambridge, 1976.

Merton R. K. Behavior patterns of scientists // American scientist. 1969. Vol. 57. P. 1–23.

Mitroff I. I. The subjective side of science. A psychological inquiry into the psychology of the Appolo Moon scientists. Amsterdam, 1974.

Ravetz J. Scientific knowledge and its social problems. Oxford, 1971.

Roe A. The making of a scientist. N. Y., 1953.

Weimer W. B. Psychology and the conceptual foundations of science. Hillsdale, 1976.

Shadow Science in Present-Day Russia

Andrey V. Yurevich

Professor, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow
Deputy director, RAS corresponding member;
yurevich@psychol.ras.ru

R. Merton's works that had laid the foundation for sociology of science made a great impact on the *vision* of science and its history by scientists from various disciplines. Not only did Merton's ideas influence this vision, but also *opposition* to these ideas contrasted in particular, the norms of scientific work and its anti-norms. The works of Merton and his opponents

helped to attract attention to non-normative, "shadowy" sides of scientific inquiry. Without knowing about them, views in the field of science studies would be incomplete and, in large measure, distorted.

The term "shadow science" has become more and more widely accepted and even popular in the vocabulary of science studies and everyday speech. Shadow science is understood as activities of scientific community members that is based on a violation or distortion of ideals, values and norms (legal, ethical, and so on) that govern scientific life and that are accepted and maintained by society. Since the very beginnings of science, a sphere of phenomena appeared that could be assigned to the shadow economy, though their nature changed in the course of time. You can observe a mass of facts belonging to the shadow economy, and this is a rule, not an exception. A. Kohn examined similar cases of scientific fraud and identified its three main types: *forgery, fudging,*and *cooking* (reporting only the findings that support particular hypotheses). At the same time it would be wrong to reduce the historical causes of shadow science to only manipulations of research findings.

Merton formulated the official scientific norms: universalism, disinterestedness, communalism and organized skepticism. Yet he also paid attention to shadow science phenomena like the *Matthew effect* (the more you have, the more you get), the *ratchet effect* (on acquiring a certain status it is practically impossible to lose it), and so on. Further steps in studying the shadowy sides of science were made by A. Mitroff, S. Fuller, G. Gilbert and M. Mulkay. Generally speaking, most different approaches to science studies point convincingly to the fact that each scientific discipline has its own shadow side that can appear not only in brazen violations of scientific ethics but also in more "normal", ethically neutral situations. Perhaps it would be reasonable to assign to shadow science an absolutely certain violation of ethical norms; not only those like Merton's norms that are found in a given science but also the ones accepted by the society in which it originates.

A clear and telling formula "science is the mirror of society" means that all negative instances common to a particular society are reproduced in various forms in science. In present-day Russia, shadow science episodes strike with ingenuity: services are offered through the Internet from "turnkey security" to "conferring the title of an academician". It is symptomatic that services that look illegal from a scientific point of view are not perceived as such both by society and its law enforcement: those who tout them do not conceal anything and do not hide from anybody. A response by the scientific community is more indicative. "Turnkey" dissertations are not written by the candidates themselves, rather they are written by scientists whose conduct is mainly tolerated in our current scientific environment.

Phantom institutes should be considered as shadowy, *grey* forms of scientific organization. Their typical features are: first, a sign on the wall of a famous research or educational institution on the premises of which a phantom lives; secondly, a person who claims themself to be a/the director of this institution, thus speaking on its behalf mainly in mass media. It would be wrong to ignore entrepreneurial science as another form of grey science. Entrepreneurial science is capabile of doing quick, feasible and low-quality research, taking on any task if it promises material advantages, acting in favor of people in power including the willingness to massage scientific findings for corporate gain, etc. Entrepreneurial science has become a real industry in present-day Russia. It creates a distorted image in society of what science is in general and who the leading scientists are, and subsequently compromises who should be used as experts and analysts and who should not be used. This species of grey science tries to oust its rival, established science, by presenting it as lazy, inert, dogmatic, spoiled by Soviet traditions, and possessing qualities that are contrary to the main features of entrepreneurial science.

The sphere of shadow science is growing because of expansion in modern societies of pop science. This means adapting scientific knowledge to the needs of daily practice, which actually is a profanation that indulges consumers, with a larger demand than *real* science. As a result, mass society's consciousness is imbued *on behalf* of science with myths that actually contradict scientific findings. The situation is cross-disciplinary which means that it may be found in many disciplines, especially social sciences and humanities. The rising applied potential of social sciences and humanities extends significantly the area of *shadow* scientific application and produces a wide range of ethical problems which lead us further to broaden the traditional views on scientific ethics.

So, there are a lot of cases that should be assigned to the sphere of shadow science. Though they are diverse they can nevertheless be categorized.

First, these are violations by scientists of the norms, values, and ideals that govern the process of *producing scientific knowledge*. They are *directed* toward objects of scientific research: fabrication of scientific findings, scientific forgery, description of experiments that were not conducted, etc..

Secondly, violating the norms *governing evaluation and dissemination of scientific knowledge inside science*: putting one's signature to reviews and comments on dissertations and books unread, etc.

Thirdly, breaking the norms regulating *relationships between scientists*, for instance, relying on one's status in scientific debates, presenting external, ideological arguments, ingratiating with superiors, clannish behavior, etc.

Fourth, violating the norms governing relationships *between the scientific community and the outside social-cultural environment*: putting forward distorted ideas about who is who in science in the form of fake ratings and self-presentations, inserting pop versions of scientific knowledge into it, and so on.

Fifth, violating *universal human norms* by scientists' with radically unethical behavior, for example, trading in enriched uranium or human organs.

Among general trends, one can establish, first, the growing number of segments in shadow science; second, the extension of each of these segments; third, the blurring boundary between norms and pathology; fourth, radicalization of shadow science: norms are violated in a tougher manner; fifth, a distinctive socialization of shadow science when its main manifestations are no longer a violation of internal scientific norms, but a violation of norms that govern science's relationship with society.

It is not the purpose of this article to predict which way these trends will lead. Nonetheless, it is certain that shadow science has not only its past and present, but a future ahead of it as well.

ВОСПОМИНАНИЯ О РОБЕРТЕ К. МЕРТОНЕ

Роза-Луиза Винклер

кандидат философских наук,
профессор, исследователь
Берлин, Германия;
roseluise.winkler@alice-dsl.net

Краткие заметки (немецкого) бывшего ГДРовского социолога науки

Через 20 лет после исторического перелома, принесшего радикальные преобразования в обществе, прежде всего в странах Восточной Европы, а также в организации науки как социального института, анализ науковедческих начал более чем уместен.

Один из главных моментов процесса расформирования Академии наук ГДР заключался в том, что ученые и ГДР и ФРГ, принимавшие в этом участие, исходили из своего, выработанного в собственной системе, понимания организации науки. В принципе ни те, ни другие не были достаточно знакомы с имеющимися существенными различиями в организации науки ФРГ и ГДР, включая организацию системы финансирования науки, обеспечения рабочими местами, соблюдения нравственных норм большинством работников науки. Сейчас мы знаем, послевоенное историческое развитие в обеих частях Германии привело к тому, что люди науки (за исключением так называемых Reisekader в ГДР, а также определенного круга людей в ФРГ) не знали друг друга в трудовом процессе, в лучшем случае они были знакомы через литературу, да и то очень незначительно.

Это были последствия развития науки в военный и послевоенный период. Иногда сегодня кажется: это уже дело прошлого. Но мы сами, науковеды и социологи науки, чувствуем влияние прошедшего времени на сегодняшний день. Сегодняшняя дискуссия в честь 100-летия Р. К. Мертона, дает надежду на более свободное обсуждение всех проблем научной деятельности, в том числе и вклада Р. К. Мертона в науку. Она особенно интересна тем, что акцентируется значение науковедческих идей Р. К. Мертона. Ведь до сих пор он считался прежде всего социологом науки, относительно далеким от науковедческих подходов. И западные, и восточные социологи науки неоднократно отвергали значение мертоновской концепции науки под углом зрения именно науковедческих начал.

Первые в СССР обстоятельные работы, профессионально рассматривающие мертоновскую концепцию социологии науки и развитие его парадигмы в 1960–70-е годы, принадлежат перу Е. З. Мирской и Э. М. Мирского (см.: Современная западная социология науки, 1988).

Одна из заслуг этой работы в том, что авторы анализируют соотношение социологических теоретических представлений и других дисциплинарных подходов в развитии мертоновской концепции и его школы. Так, они совершенно справедливо обращают внимание на начало формирования Мертона как социолога и показывают, что его представление о системе норм, регулирующих научную деятельность, или научном этосе, «вообще не являются открытием, сделанным как-то „вдруг“ и „сразу“ (Современная западная социология науки., 1988: 43).

Мертон не только первым подверг систематическому исследованию профессиональное поведение ученых, но и первым «сместил предмет социологического анализа из области продуктов научной деятельности в область ее процессов, из области знания в область познания, рассматривая при этом процесс познания как деятельность по правилам. Выделение этих правил в „явном виде“, более четко, чем они существуют в сознании членов научного сообщества, большая заслуга Мертона. Крайне важно и то, что вся концепция норм построена *не в философском, а в социологическом* (курсив наш. — *Р.-Л. В.*) плане и связана с большим количеством интересных эмпирических исследований». (Современная западная социология науки, 1988: 50).

Следует сказать, что «советская школа социологии науки» 20–30-х годов XX века не получила по ряду причин, в том числе исторических, возможности дорасти до этого эмпирического уровня мертоновской социологии науки. Однако многие работы названного периода представляют собой не просто предысторию науковедения и социологии науки (Винклер, 1998: 7), — они имеют самостоятельный научный вес как международное явление (Винклер, Келле, 1996: 369–400) так же, как, например, и группа левых ученых в Англии (Дж. Бернал) или школа Р. К. Мертона в США (Современная западная социология науки, 1988).

Их эмпирический и теоретический подходы существенно отличаются, они возникли на другой почве, иным было соотношение исходных дисциплинарных представлений социологии науки и науковедческих начал. Сравнение этих различных подходов в отношении этоса науки пока не проводилось. Но если бы оно состоялось, то это означало бы, что необходимо принять во внимание как национальные, так и интернациональные компоненты профессиональной деятельности ученых. В качестве наглядного примера можно было бы использовать процесс включения науки Восточной Германии в состав науки ФРГ.

Хотя процесс так называемого объединения науки Германии представляет собой в известной степени исключение в общем процессе трансформации науки Восточной Европы, мне кажется, что мы не ошибаемся в том, что он дает интереснейшую картину соотношения норм и реального поведения ученых, а это один из главных предметов исследования социологической школы Роберта Мертона.

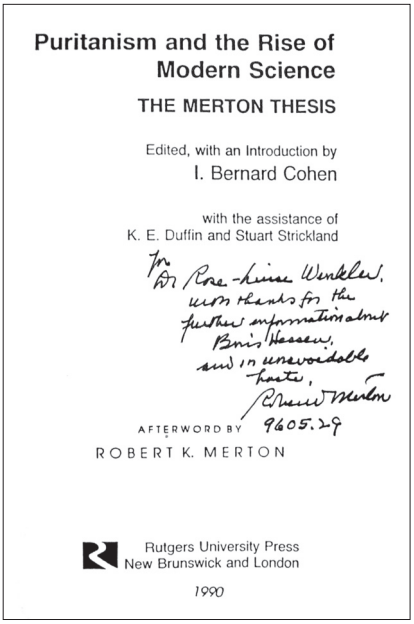
До недавнего времени в условиях ГДР представлялось невозможным идти на непосредственный личный контакт с учеными западного мира. Развитие событий после 1990-х годов сделало эту возможность реальной, и я «рискнула» совершить такой шаг: написала письмо Роберту Мертону. Я просила его объяснить мне, с какими работами советского периода развития социологии науки 20–30-х годов

XX века в России (Бухарин, Гессен и Райнов) он был знаком и какие существовали формы коммуникации. Он мне очень любезно ответил: “As it happens, I never met or corresponded with any of them. И дальше: I knew Bukharin`s Historical Materialism in its English translation, of course, and his later introductory essay to “Science at the Crossroads (1932). Checking my reference to B in my 1945 “paradigm for the sociology of knowledge” I find myself referring to “the questionable thesis” “only proletarian [social] science has valid insight into certain aspects of social reality.” And of course, like my colleagues, I was disturbed — rather, outraged- by his execution after Stalin`s notorious purge trials”.

Знакомство с работами Гессена и Райнова состоялось лишь благодаря научной литературе.[1]

Сколько выиграла бы наука, если бы она была в состоянии осуществить настоящее взаимовлияние и коммуникацию между учеными всех стран на Augenhöhe, как говорят политики в нынешней Германии, — на условиях равноправия! Роберт Мертон, может быть, поэтому и оказался у истоков создания в Международной социологической ассоциации комитета социологии науки в 1960-е годы.

Я очень жалею как социолог науки, что мне не посчастливилось с ним лично встретиться и продолжить наш только что начатый разговор. По словам моего коллеги Манфреда Боница, сам Роберт Мертон его встретил с большой вежливостью и юмором, когда он написал ему Comments recipient of the 1995 Derek Solla Price award (Bonitz, 1995, 2: III–VII).


Puritanism and the Rise of Modern Science

THE MERTON THESIS

Edited, with an Introduction by
I. Bernard Cohen

with the assistance of
K. E. Duffin and Stuart Strickland

AFTERWORD BY
ROBERT K. MERTON

Rutgers University Press
New Brunswick and London

1990

Дарственная надпись
Роберта К. Мертона
Розе-Луизе Винклер

Литература

Современная западная социология науки. Критический анализ / под ред. В. Ж. Келле, Е. З. Мирской, А. А. Игнатьева. М. : Наука, 1988.

Винклер Р.-Л. Введение // У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз — первая треть XX в.) : хрестоматия / сост. Р.-Л. Винклер. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1998. С. 7.

Винклер Р.-Л., Келле В. Ж. Социология науки // Социология в России. М., 1996. С. 369–400.

Bonitz M. Comments on Robert K. Merton, Recipient of the 1995 Derek de Solla Price Award. August 18, 1995. Scientometrics. 1995. Vol. 34 (2). P. III–VII.

[1] Личное сообщение Р. К. Мертона автору от 11 декабря 1995 года. Отрывок из ответа на письмо. (Общеизвестно, что Мертон высоко оценил знаменитый доклад Б. М. Гессена (1931) и не раз ссылался на эту работу в его диссертации и позже в книге „Science, Technology and Society in Seventeenth Century England.“ [Osiris 1938]. 2nd ed. N. Y. : Harper, 1970.)

Hessen Boris. The Social and Economic Roots of Newton's Principia // Science at the Crossroads. Papers presented to the International Congress of the History of Science and Technology held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the Delegates of theURSS. L. : Russian Foreign-Languages Press 'Kniga', 1931. P. 149–212 ; 2nd ed. L. : Frank Cass and Company Limited, 1971.

Merton Robert K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England [Osiris 1938]. 2nd ed. N. Y. : Harper, 1970.

Short Notes of a Sociologist of Science from the Former German Democratic Republic

Rose-Luise Winkler

Dr, PhD in Philosophy, senior researcher;
roseluise.winkler@alice-dsl.net

Twenty years after the historical rupture that caused dramatic changes in society — first of all in Eastern Europe — and also in the organization of science as a social institution, it now with reasonable distance that we can look back at the origins of 'science studies.'

One of the main aspects in the dissolution of the GDR Academy of Sciences was that German scientists in the East and West drew on their distinctive understandings of scientific organization that formed in their respective systems. Basically, neither of them was aware of significant differences in the 'other' organization of science in the GDR and the FRG, including science funding, employment, observing moral norms by the majority of scientists, etc. Now we know that postwar developments in both parts of Germany led to the fact that scientists (except the so called *Reisekader* in the GDR and a certain number of people in the FRG) did not know each others' work. At best there was insignificant knowledge gained only through literature.

These were the consequences of scientific developments during and after the war. But we, social studies scholars and sociologists of science, feel the impact of the past still on the present day. Today's discussion in commemoration of the 100th anniversary of R. K. Merton raises hope for a freer discussion of all scientific issues, including Merton's contribution to science. It is especially interesting because it highlights the significance of Merton's ideas in science studies. Up to now he has been regarded, first of all, as a sociologist of science, not very heavily engaged in the science studies efforts. Time and again, both western and eastern sociologists looking through the science studies perspective have rejected the significance of the Mertonian theory of science.

The first meaningful work in Russia that professionally examined Mertonian sociology of science and the transformation of his namesake paradigm in the 1960s to 1970s was written by two authors E. Z. Mirskaya and E. M. Mirsky (Современная западная социология науки, 1988).

One of the merits of this work is that the authors analyzed the relationships between sociological theories and perspectives from other disciplines in developing Merton's

conception and that of his school. They were absolutely right to pay attention to the early stages of Merton's period when he turned into a sociologist and to demonstrate that his ideas about the system of norms governing scientific work, or on the scientific ethos, "are not at all a discovery made somehow *unexpectedly* and *at once*" (Современная западная социология науки, 1988: 43).

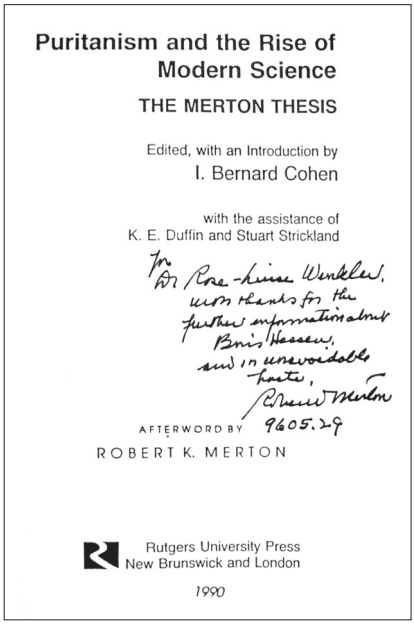
Merton was not only the first to systematically study the occupational behavior of scientists, but also the first to "transfer the subject of sociological analysis from scientific findings to the area of scientific activity, from the area of knowledge to the area of research, regarding the research process as activity to the rules. It was Merton's big achievement that he identified these rules in a pure form, clearer than they existed in the minds of scientists. It is also very important that the entire concept of norms was built *not in philosophical, but in sociological terms* (author's italics. — *R.-L. W*) and linked with a lot of interesting empirical research" (Современная западная социология науки. Критический анализ, 1988: 50).

A number of causes including historical ones did not allow the Soviet school of sociology of science in the 1920s–1930s to live up to the empirical level of the Mertonian sociology of science. Nevertheless, many works at that time were not a mere pre-history of science studies and sociology of science (Винклер, 1998: 7). They had a distinct scientific meaning in the global community (Винклер, Келле, 1996: 369–400), as well as a left-wing group of scientists in the UK (J. Bernal) or R. Merton's school in the USA (Современная западная социология науки, 1988).

Their empirical and theoretical approaches differed greatly, they emerged on different foundations and the relationship between initial disciplinary views on sociology of science and science studies was not alike. These different perspectives on the scientific ethos have not been compared so far. But if it were made it would mean that it is necessary to take into consideration both national and international components of scientific work. Incorporation of East Germany's science into the FRG's science would be a case in point.

Though the so-called unification of science in Germany was to a certain degree an exception in the overall transformation of science in Eastern Europe, I think we would make no mistake that it provided us with an illuminating picture of the relationship between norms and the real behavior of scientists, which was one of the main subjects of R. Merton's sociological research.

Up to recent days in Germany it has seemed impossible to meet western scientists in person. The developments after the 1990s made it real and I took the risk and wrote a letter to Robert Merton. I asked him to explain to me what works in the Soviet period on the development of sociology of science (Bukharin, Hessen, Rainov) he knew and whether some forms of communication existed. His answer was very kind: "As it happens,


Puritanism and the Rise of Modern Science

THE MERTON THESIS

Edited, with an Introduction by
I. Bernard Cohen

with the assistance of
K. E. Duffin and Stuart Strickland

AFTERWORD BY
ROBERT K. MERTON

Rutgers University Press
New Brunswick and London

1990

R. Merton's commemorative inscription to Rose-Luise Winkler

I never met or corresponded with any of them... (He continued): I knew Bukharin`s Historical Materialism in its English translation, of course, and his later introductory essay to "Science at the Crossroads (1932). Checking my reference to B in my 1945 "paradigm for the sociology of knowledge" I find myself referring to "the questionable thesis" "only proletarian [social] science has valid insight into certain aspects of social reality." And of course, like my colleagues, I was disturbed — rather, outraged- by his execution after Stalin`s notorious purge trials".

Hessen's and Rainov's works became known only through scientific literature[1].

Science would flourish if only scientists were capable of interacting and communicating in all countries at «Augenhöhe» (equal rights) as politicians say in the present-day Germany. Perhaps it is because of this that Robert Merton was behind the foundation of the committee on sociology of science in the International sociological association in the 1960s.

I can only regret that as a sociologist of science I did not have the chance to meet him personally and to sustain our conversation that had just started. According to my colleague Manfred Bonitz, Robert Merton was very polite and full of humor during their meeting when he wrote to him Comments recipient of the 1995 Derek Solla Price award. (Bonitz, 1995, 2: III–VII).

References

Современная западная социология науки. Критический анализ / под ред. В. Ж. Келле, Е. З. Мирской, А. А. Игнатьева. М. : Наука, 1988.

Винклер Р.-Л. Введение // У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз — первая треть XX в.) : хрестоматия / сост. Р.-Л. Винклер. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1998. С. 7.

Винклер Р.-Л., Келле В. Ж. Социология науки // Социология в России. М., 1996. С. 369–400.

Bonitz M. Comments on Robert K. Merton, Recipient of the 1995 Derek de Solla Price Award. August 18, 1995. Scientometrics. 1995. Vol. 34 (2). P. III–VII.

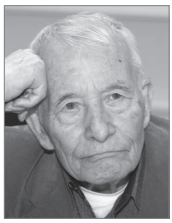
Hessen Boris. The Social and Economic Roots of Newton's Principia // Science at the Crossroads. Papers presented to the International Congress of the History of Science and Technology held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the Delegates of theURSS. L. : Russian Foreign-Languages Press 'Kniga', 1931. P. 149–212 ; 2nd ed. L. : Frank Cass and Company Limited, 1971.

Merton Robert K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England [Osiris 1938]. 2nd ed. N. Y. : Harper, 1970.

[1] Merton's personal information to the author on December 11, 1995. Excerpt from a letter.

Ядов Владимир Александрович

доктор философских наук, профессор, декан факультета социологии
Государственного университета гуманитарных наук,
член Международной социологической ассоциации,
почетный доктор Учреждения Российской академии наук
Института социологии РАН, Москва, Россия



Как мы с Галиной Андреевой вступили в публичную дискуссию с Р. Мертоном

С Мертоном я не был знаком близко. Но на конгрессе в Эвиане мы с Галиной Михайловной Андреевой вступили с Мертоном в полемику по его докладу. В нем Роберт Мертон излагал свою идею о независимости теорий среднего уровня (middle range theory) от макротеории. Мы с Андреевой возражали и, в частности, утверждали, что ролевая теория личности определенно вписывается в структурно-функциональную теорию общества. Возможна иная теория личности, говорили мы, опирающаяся на марксистскую теорию, в которой личность рассматривается как субъект деятельности. В своей деятельности субъект осваивает предметный мир (распредмечивает его) и творит новое (опредмечивает), — тем самым творит и себя. Андреева ссылалась на А. Н. Леонтьева, а я говорил, что ролевая концепция хорошо схватывает адаптацию индивида к данным социальным условиям, но не процессы практического преобразования личностью условий социального бытия. Роберт Мертон в ответ на наши замечания что-то говорил, но что именно, не помню, помню лишь, что это были вполне благожелательные слова. Каково же было наше удивление, когда во втором издании его знаменитой работы "*Social theory and social structure"* мы обнаружили сноску, в которой он констатирует «иную позицию» относительно автономии теорий среднего ранга и ссылается на Андрееву и Ядова.

How Galina Andreeva and I got into public discussion with Robert Merton

Vladimir A. Yadov

Professor, PhD in Philosophy
Dean of the department of sociology, State Humanities University ISA member
Honorary doctor, Institute of Sociology, RAS, Moscow, Russia

I did not have personal relationship with Merton. But at the congress in Évian, Galina Andreeva and I started a dispute concerning his paper where Robert Merton spelled out his idea that a middle-range theory was independent of a macro-theory. Andreeva and I raised objections and held, particularly, that the role theory of a personality definitely fit the structural-functionalist theory of society.

We said that an alternative personality theory was possible, based on the Marx' theory where an individual was treated as a social agent. In his or her actions an agent assimilated the world of things (*распредмечивает его*) and created the new (*опредмечивает*). In so doing, agents create themselves. Andreeva referred to A. N. Leontiev, and I argued that the role theory interpreted well the individual adaptation to the existing social conditions, but did not explain how a personality transformed in practice the conditions of the social reality. Responding to our remarks Robert Merton was saying something, but I do not remember what. The only thing was clear that the words were rather well-disposed.

So we were extremely surprised to see a note in his famous work *Social theory and social structure* where he mentioned a "different position" on a relative autonomy of the middle-range theories and referred to Andreeva and Yadov.

Кон Игорь Семенович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Института этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия

Воспоминания о Роберте Мертоне

Роберт Мертон был одним из первых выдающихся социологов XX века, с которыми я познакомился лично. Впервые я увидел и услышал его в начале 1960-х годов, когда они с Т. Парсонсом приезжали в Ленинград. Но эта встреча была коллективной. Больше всего меня тогда удивила ясность лекции Парсонса, который говорил значительно проще, чем писал, и к тому же отличался прекрасным произношением. Несколько лет спустя, когда на каком-то международном конгрессе мне было трудно понять речь С. М. Липсета и я приписал это плохой акустике, кто-то из американских коллег объяснил: «Чему вы удивляетесь? Парсонс происходит из богатой семьи, учился в дорогой частной школе, а Липсет — еврейский мальчик из Бруклина, откуда у него возьмется хорошее произношение?»

Книги Мертона я, разумеется, читал, они были мне интересны главным образом с точки зрения методологии, особенно интересно было разграничение явных и латентных функций. На социологическом конгрессе в Эвиане (1966) мы, наконец, смогли обменяться несколькими словами лично, но времени на это было мало. Парсонс с Мертоном пригласили меня на ланч (единственная возможность поговорить во время конгресса), но предыдущее заседание затянулось, я опоздал, так что «ланчевали» меня молодые Питер Бергер и Томас Лукман, чему я был даже рад. Их книга «Социальное конструирование реальности» в это время только что вышла, и у нас с ними обнаружились некоторые общие идеи.

Личные контакты с Мертоном продолжились во время Всемирного социологического конгресса в Варне (1970). Когда во время заключительного банкета я пустил подписной лист, предлагая создать в рамках МСА Исследовательский комитет по

истории социологии, Т. Парсонс с Р. Мертоном стали моими первыми «подписантами» и вошли в состав нового комитета. Второе знаковое для нас событие во время этого конгресса заключалось в том, что мы с В. А. Ядовым и А. Г. Здравомысловым смогли не только пригласить Р. Мертона и Т. Парсонса в ресторан, но и заплатить за них: в капиталистических странах денег у нас практически не бывало, мы могли быть только гостями.

В последующие годы мы с Мертоном вели интенсивную переписку. В это время в Стэнфорде был открыт замечательный Центр высших исследований. Туда приглашали на год нескольких выдающихся или подающих надежды ученых разного возраста и специальностей (не только обществоведов), предоставляли им все условия для теоретической работы, но не для эмпирических исследований, без каких бы то ни было обязательных планов и сроков. Единственная обязанность состояла в том, чтобы участвовать в обсуждении своего и чужих проектов с представителями других специальностей и вообще разговаривать на теоретические темы. Эти неформальные междисциплинарные разговоры были для всех участников исключительно плодотворными. Разумеется, конкурс туда был колоссальный (возможность целый год заниматься только собственным проектом, плюс — престижность самого учреждения), но по рекомендации Мертона мне прислали оттуда персональное приглашение. Увы, до меня оно не дошло, Академия наук СССР отказалась от моего имени, даже не поставив меня в известность. Я получил от Мертона только копии официальной переписки. К сожалению, они у меня не сохранились. В начале 1980-х годов история повторилась. В Вассенааре (Нидерланды) открылся центр Высших исследований, мне прислали оттуда (вероятно, по рекомендации того же Мертона) персональное приглашение, но чиновники (кагебешники) Управления внешних сношений от моего имени отказались, не известив меня. Так поступали не только со мною, хамили всем, это была одна из причин растущей ненависти ученых к КПСС и советской власти.

Переписка с Мертоном была интересной. Он писал большие и содержательные письма. Наши общие интересы касались не только истории социологии, но и, например, социологии дружбы.

До середины XX века этнографические исследования дружбы были по преимуществу описательными. Эти пестрые данные начали обобщать и теоретически осмысливать лишь в 1950-х годах. Важную роль в этом сыграл проходивший в 1955, 1956 и 1958 годах в Гарвардском университете междисциплинарный семинар о дружбе как социальном явлении, при участии крупнейших антропологов и социологов, включая Роберта Мертона и Пола Лазарсфельда, которые подготовили большую совместную статью «Дружба как социальный процесс» (Lazarsfeld P. F. and Merton R. K. Friendship as a social process: a substantive and methodological analysis // Freedom and Control in Modern Society / ed. by M. Berger, T. Abel and C. H. Page. Princeton : Van Nostrand, 1954. P. 18–66). Мертон сформулировал содержательную теорию дружбы, а Лазарфельд — модель ее методологического анализа. Когда в 1970-х годах я заинтересовался социологией дружбы, то попросил кого-то прислать мне ксерокс этой статьи. Мертон был сильно удивлен, что я ее знаю.

Большую помощь Мертон оказал мне, когда я занялся возрастными категориями. Узнав о моем интересе к этой теме, он лично прислал мне только что вышедший очень важный и дорогой трехтомник “Aging and Society” под редакцией Матильды

Райли (1972), который, в сущности, оформил появление возрастной стратификации как особого проблемного раздела социологии. Я сразу же опубликовал на него положительную рецензию в «Вестнике ЛГУ» (см.: *Кон И. С.* Рец. на: Старение и общество / под ред. М. У. Райли // Вестник ЛГУ. 1974. № 11. С. 159–160), что в те годы было весьма непросто.

А потом вышла смешная история. В 1978 году я опубликовал в «Социологических исследованиях» (№ 3) большую статью «Возрастные категории в науках о человеке и обществе», где посвятил целую страницу текста изложению этой теории, сделав соответствующую сноску (закавычить весь текст или дать несколько сносок было невозможно по цензурным условиям). Каково же было мое негодование, когда в вышедшем номере журнала даже этой единственной сноски не оказалось! Получилось, что я присвоил чужие мысли. Вообще говоря, советского плагиата на Западе, как правило, не замечали или не обращали на него внимания. Один наш коллега, издавая сборник переводов статей по современной американской социологии, снял предисловие, написанное Мертоном, заменив его своим, причем включил в него несколько страниц мертоновского текста, и никто по этому поводу ничего не сказал. Поскольку меня это не устраивало, я написал гневное письмо А. Г. Харчеву и потребовал опубликовать поправку. Через два номера в разделе опечаток было действительно сообщено, что в такой-то статье по недосмотру редакции (вероятно, так оно и было) выпала следующая сноска. Но кто читает списки старых опечаток?

Среди американских социологов Мертон имел репутацию довольно авторитарного лидера, аспиранты, отклонявшие его идеи и предложения, не могли рассчитывать на его помощь. Но к выходцам из СССР он был доброжелателен. Когда в 1975 году в США эмигрировал мой бывший аспирант Дмитрий Шалин, я окружным путем попросил нескольких западных коллег по возможности помочь ему, и они это сделали. Во время пребывания Дмитрия в Риме, его пригласил Франко Ферраротти, а Мертон посодействовал зачислению его в аспирантуру Колумбийского университета, что помогло ему стать на ноги. Оценить его советскую диссертацию о Джордже Герберте Миде американские социологи не могли, потому что никто из них не читал по-русски, но после того, как Шалин опубликовал несколько статей в ведущих социологических журналах, в Колумбийском университете ему присудили PhD по совокупности работ, что там делают редко (впрочем, это было уже после Мертона).

После перестройки, когда стало можно ездить за границу (первый раз я побывал в США в 1988 году, а первое официальное приглашение оттуда получил в 1966-м), я регулярно встречался с Мертоном в Нью-Йорке, в Russell Sage Foundation. Даже после своего ухода из Колумбийского университета, Мертон бывал там каждую среду. У него была прекрасная память. В начале 1990-х годов он пытался возобновить мне прежнее приглашение в Стэнфорд, но мне было уже за 60, так что это не получилось. Каждый мой приезд в Нью-Йорк Роберт и его жена Харриэт Закерман, тоже известный социолог, приглашали меня вечером в клуб, он — мужской, она — в женский. Это было приятно и интересно.

Remembering Robert Merton

Professor Igor S. Kon

Senior researcher
Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences,
Moscow

Robert Merton was one of the first eminent sociologists of the 20th century I met. I saw and listened to him for the first time in early 1960s when he and T. Parsons came to Leningrad. But it was not a personal encounter. Most of all I was amazed by the clarity of Parsons' lecture that sounded much simpler than his writings, and his pronunciation was very good. Some years later, at an international congress I could hardly understand S. M. Lipset's speech and I attributed it to the bad acoustics. But my American colleague explained to me: "No surprise. Parsons comes from a rich family, was educated in an expensive private school, and Lipset is a Jewish boy from Brooklyn, so where could he have acquired good pronunciation?"

Of course, I read Merton's books and found them interesting, mainly in terms of methodology. Likewise, his distinguishing between manifest and latent functions was of particular interest to me. At the 1966 congress of sociology in Evian, we were able at last to exchange several words in person, but there was little time for that. Parsons and Merton invited me for lunch (the only chance to speak face-to-face during the congress), but the previous session ended too late and I did not come on time, so instead had lunch in the company of young Peter Berger and Thomas Luckmann, which pleased me very much. Their book *The Social Construction of Reality* had just been published at the time and we found some mutual general ideas.

My personal contacts with Merton continued during the Varna world congress of sociology in 1970. During the closing banquet I passed around my proposal to set up a research committee for the history of sociology within the ISA. Parsons and Merton were the first to put their signatures and subsequently became members of the new Committee. That congress saw another significant event for us: V. A. Yadov, A. G. Zdravomyslov and I could invite Merton and Parsons to a restaurant, and moreover, we could pay for them. In capitalist countries we hardly had money, and so could only be guests.

Later on, Merton and I conducted brisk correspondence. At that time, Stanford founded its excellent Center for Advanced Studies. Several distinguished or promising researchers of various ages and from different disciplines (not only social scientists) were invited there for a year, provided with all of the necessary facilities for theoretical work, but not for empirical studies, and without any obligatory plans or terms. The only duty was to discuss their own as well as other fellows' projects with researchers from different fields, and to theorize in general. Those informal interdisciplinary discussions were extremely fruitful for all participants. Obviously, the number of applicants to get there was huge (an opportunity of working for the entire year on your own project, and, besides, the prestige of that institution) but on Merton's advice they sent me a personal invitation. Alas, it did not get through to me. The USSR Academy of Sciences declined it on my behalf without even letting me know about the fact. I only received from Merton copies of the correspondence between institutions. Unfortunately, these were lost in the ensuing years. In the early 1980s, the situation

repeated itself. The Institute for Advanced Study was founded in Wassenaar, Netherlands and they sent me a personal invitation (perhaps again on Merton's recommendation). But the External Affairs Department refused on my behalf without telling me about it. My case was not unique, however, as everyone could be treated in that brutish manner. This was one of the reasons for scientists' growing hatred toward the Communist party and the Soviet power.

My correspondence with Merton was absorbing. He wrote long informative letters. We shared interest not only in the history of sociology but, for example, in the sociology of friendship as well.

Until the mid 20th century, ethnographic studies of friendship were mainly descriptive. It is only in the 1950s that scientists started to summarize and theorize these disparate data. The interdisciplinary seminar on friendship as a social phenomenon that was held in 1955, 1956 and 1958 in Harvard University played a very important role. A number of prominent anthropologists and sociologists — Robert Merton and Paul Lazarsfeld among them — prepared a large joint paper *Lazarsfeld P. F. and Merton R. K.* Friendship as a social process: a substantive and methodological analysis // Freedom and Control in Modern Society / ed. by M. Berger, T. Abel and C. H. Page. Princeton : Van Nostrand, 1954. P. 18–66.

Merton worked out the substantive part of the friendship theory and Lazarsfeld established a pattern for its methodological analysis. When in the 1970s I took an interest in the sociology of friendship, I asked someone to send me a copy of that article. So Merton was very surprised that I knew about it.

Merton helped me a lot when I started to explore age groups. When he learned about my interest in that theme, he sent me a significant and expensive three-volume set (just published at that time) «Aging and Society» (1972) edited by Matilda Riley. Actually, it facilitated the emergence of age stratification as a special sub-discipline in sociology. I immediately published a positive review of it in Leningrad University's periodical (see: *Кон И. С.* Рец. на кн: Старение и общество / под ред. М. У. Райли // Вестник ЛГУ. 1974. № 11. С. 159–160), which was not all that easy in those years.

And then a funny thing happened. In 1978, I contributed to «Социологические исследования», № 3 ("Sociological Studies") a large article titled "Age Categories in the Sciences of Man and Society" where the entire text was devoted to setting out of a theory with an appropriate footnote (quoting the whole text or making several notes was impossible because of censorship considerations). I was absolutely infuriated when my only footnote was missing from the fresh issue of the journal! It looked as if I had taken ideas that were not mine. Generally speaking, the West, as a rule, did not pay much attention, if any, to Soviet plagiarism. One of our colleagues when publishing a collection of translated articles on modern American sociology removed the foreword written by Merton and put his own foreword, with several pages from Merton's text. Nobody said anything about it. I could not put up with that, so I wrote an angry letter to A.G. Kharchev (editor of the Journal) where I demanded that a correction be published. What happened was a notification was placed in the misprint section two issues later saying thatthe footnote had gone missing from the very article due to an editors' oversight (which probably was the case indeed). But who reads the corrections of misprints?

Among American sociologists, Merton had a reputation of a dominating leader: post graduates who declined his ideas and suggestions could not rely on his assistance. But he was friendly to migrants from the USSR. My former postgraduate studentDmitri Shalin emigrated to the USA in 1975, so I indirectly asked some of my colleagues in the West to

help him, if possible, and they did it. During Dmitri's stay in Rome, he was invited by Franco Ferrarotti, and Merton helped him get into graduate school at Columbia University, which enabled him to find his feet. American sociologists could not assess his Soviet dissertation on George Herbert Mead because nobody could read Russian. But after Shalin had published several papers in the leading sociological journals, Columbia University awarded him a PhD for his achievements as a whole, which was a rare case (though it was after Merton).

After Gorbachev's perestroika, when it was possible to travel abroad (I came to the USA for the first time in 1988, but I received my first formal invitation in 1966), I met Merton regularly in the Russell Sage Foundation, in New York City. Even after he had left Columbia, he was there each Wednesday. He had an excellent memory. In the early 1990s, he tried to renew my previous invitation to Stanford, but I was 60 already, so it did not happen. During all my visits to New York, Robert and his wife Harriet Zuckerman, also a famous sociologist, invited me in the evening to a club, for men or for women respectively. It was intriguing and I enjoyed it.

Dmitri N. Shalin

Chair, Sociology Department
Director, Center for Democratic Culture,
shalin@unlv.nevada.edu

Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives / ed. by Dmitri N. Shalin (UNLV: CDC Publications, 2009)[1]

Shalin: My dissertation was about George Mead and pragmatism. When the borders opened up, I emigrated to the U.S. where I contacted Blumer and Merton, whom Igor Kon knew, and maybe a couple of other sociologists, to see if I could study with them. Blumer wrote to me that I can come to work with him but that there is no money to support my education, nor much of a face value of the diploma at the American University (I think that's what it was), where he taught at the time. Meanwhile, Columbia University offered me a fellowship and an apartment for me and my family, so I went there, even though Columbia wasn't exactly a stronghold of interactionism and pragmatism.

Gladys Lang: When was this?

Shalin: I left Russia in August of 1975, and I came to the U. S. in January of 1976.

Kurt Lang: You said you got an apartment...

Shalin: It was at the Columbia University housing for graduate students on Broadway and 112th street. I planned to continue my work on pragmatism and Mead, but that didn't

[1] *Lang K., Lang G.* Goffman Converted His Personal Neurosis or Inferiority Complex into a Very Productive and Creative Solution // Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives / ed. by D. N. Shalin. 2009–2011 (Las Vegas: CDC Publications). URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/publications/ega2.html

come to pass. I happened to take Merton's seminar on the sociology of science where I gave a talk on the institutionalization of sociology in the Soviet Union. Rather inadvertently, my presentation advanced Merton's thesis about middle range theories challenging grand theoretical constructions. In that case it was empirical sociological research in post-Stalinist Russia which, I argued, undermined the Marxist predictions about the disappearance of alienated labor in a socialist economy. At the end of my class presentation, Merton said that he saw a dissertation and a monograph developing from my research. That was quite an encouragement. But I didn't want to become an expert on Russia in the United Sates and told Merton that much. I mean, I felt honored by what seemed like an invitation to work with the great man, but I really wanted to continue my research on pragmatism and sociology. Looking back, I realize that I might have broken an unwritten protocol — when Merton invites you to work with him, you don't tell him you have other plans. If you think there was a cult of Blumer [at the University of Chicago], you can imagine Merton's standing at Columbia.

Kurt Lang: Right.

[**Laughter**]

Shalin: I continued work on my topic, wrote some 300 pages which were supposed to be part one of my dissertation on "Romanticism, Pragmatism, and Interactionism." The idea was to track the evolution of Romantic idealism into pragmatist philosophy and then into the interactionist dialectics of self and society. Merton read the text and was clearly displeased with what he saw. He said the study was too philosophical, too theoretical, or what not. Meanwhile, I got a job at Southern Illinois University on the basis of my publications, A.B.D. from Columbia, and a Ph.D. I earned at the Russian Academy of Science Institute of Sociology. Years later, when I was on a sabbatical leave at Harvard, I ran into Allan Silver, one of my Columbia professors...

Kurt Lang: I know him!

Gladys Lang: Yes, Alan Silver.

Shalin: Allan said, "Dmitri, whatever happened to your doctoral thesis? I see you publish all those articles — did you ever submit your thesis?" I told him about my experience with Merton and the fact that he passed me on to his student and colleague, Jonathan Cole, the job I got at SIU, and tenure I earned there. The situation lost its urgency by then, and I didn't think I would get far with my research topic at Columbia. Anyway, that is when Allan told me about the *extra muros* defense option Columbia University has for people like me when...

Kurt Lang: Oh, we know that.

Shalin: ... Ph.D. is awarded to those who finished formal graduate school requirements but instead of writing a thesis submit their publications. Allan Silver told me that the other person awarded a Ph.D. at Columbia in this fashion was Daniel Bell.

Gladys and Kurt Lang: That's right!

[**Laughter**]

Shalin: And so Allan said, "I know your work. Quickly, put together a folder with your publications and send it to me. I will put together a committee, we shall set a defense date, and you will get your Ph.D." I said, "Are you serious? Can this be done?" He said something like, "Try me." I did as he told me, and guess what — Columbia awarded me a doctorate. So I got my second Ph.D. while doing research at Harvard on my sabbatical leave from Southern Illinois University.

Kurt Lang: We know a couple of other people [who did that].

Shalin: And when I came back from my sabbatical, I got a call from UNLV that was looking to hire a theorist and eventually made me an offer I couldn't refuse. Andy Fontana was the one who contacted me initially.

Kurt Lang: Yes.

Shalin: I told them that I had tenure and I couldn't leave SIU without certain guarantees. But that's a long story. I don't want to bore you with the details. This is how I came to UNLV.

Gladys Lang: This is the University of Nevada?

Shalin: University of Nevada in Las Vegas. The sociology department here has a strong presence of interactionists. *Symbolic Interaction* was housed here for a while. When Andy Fontana edited the journal, I served as an associate editor. Later Simon Gottschalk took over the editorship. The department has a notable qualitative orientation. My own research is focused on pragmatist sociology and Russian culture. For some years now I have been trying to articulate a program of pragmatist hermeneutics and conduct biocritical studies which explore the intersection of theoretical, biographical, and behavioral data. One key premise on which this work is based is that sociological imagination feeds on our emotional experience, that talented social scientists like Erving Goffman ride a strong affective impulse rather than simply straddle a discourse, apply a paradigm, and it is some personal embodied experience that allows a scholar to articulate what everybody knows yet no one notices. This applies to artists, writers as much as to humanist scholars. For instance, Anton Chekhov, a famous Russian writer and doctor by profession, has a story titled "Ward No. 6" that depicts an asylum where odd but otherwise sane people find themselves brutalized by the staff. This novella, I am convinced, reflects Chekhov's affective strains, and it also has uncanny resemblance to Goffman's *Asylums*.

Anyway, I embarked on this project, exploring the interfaces of Goffman's scholarship and biography. The web site where the project is housed features Goffman's publications, critical scholarship, media accounts, memoirs and interviews like the one I am conducting with you, which give his students, colleagues, and friends a chance to remember Erving Goffman. I can send you the web links or hard copies of my interviews. Oh, yes, there is also a section on "Comments and Dialogues" where we have a lively exchange on the ethics of fieldwork, problems of interviewing, Goffman's legacy, and so on. If someday you have any comments, I would like to post them in this section.

In a nutshell, that's where I am coming from and where I am heading.

Gladys Lang: I see. Well, that is quite remarkable. You have barely any accent.

ДОКУМЕНТЫ. ПЕРЕПИСКА П. А. СОРОКИНА И Р. К. МЕРТОНА

Редакция журнала благодарит за возможность публикации оригиналов писем куратора семейного наследия Питирима Сорокина, доктора философии Университета Висконсина Павла Петровича Кротова

Долгов Александр Юрьевич

сотрудник Центра «Наследие»
им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Республика Коми;
dolgovalexandr@yandex.ru

Питирим Сорокин и Роберт Мертон в социологии и в жизни

Питирим Сорокин и Роберт Мертон — два классика социологии, проделавшие разные пути в науке: Мертон оказался на вершине научного олимпа в годы популярности парадигмы структурного функционализма и монополии парсоновской школы, а Сорокин, пытавшийся расширить границы социологии, включив в нее анализ культурных суперсистем и позитивных девиаций, подвергся за это острой критике и, как следствие, забвению со стороны американских коллег.

Одна из главных тенденций, которую Сорокин определил в науке, — это переход от классического представления об эволюционном развитии к «неклассическому» его пониманию в социологии. Имея личный опыт наблюдения за социальными кризисами (русская революция, Первая и Вторая мировые войны), он одним из первых включил в анализ такую переменную, как ценность, обозначив тем самым «культурный поворот» в науке.

В методологическом плане исследования Сорокина способствовали «смягчению» позиции «чистого эмпиризма», или, как он выражался, «квантофрении», в науке. В некотором роде уже при жизни Сорокин получил признание «эмпириков». Парсонс в письме Сорокину признавался: «Я уже давно считаю, что в по-настоящему важной теории в нашей области значительно больше сходств, чем различий, если мы возьмем на себя труд взяться за анализ основ» (Питирим Сорокин, 2009: 107). Сорокин в своих теоретических построениях создал «мостик», соединивший человека с его ценностями и глобальный мир.

Трудно говорить о каком-либо идейном влиянии Сорокина на Мертона. В то же время стоит отметить, что становление Мертона-социолога происходило в Гарварде благодаря и при помощи Сорокина-руководителя. Сам Мертон в своей «Социальной теории и социальной структуре» называет Сорокина одним из шести коллег, у которых он «в особом долгу»: «Еще до того, как Питирим Сорокин погрузился в изучение всемирных исторических процессов (что представлено в его „Социальной и культурной динамике“), он помог мне избавиться от узости кругозора, разрушив представление о том, что эффективное изучение общества ограничивается территорией Америки, и от подсказанного трущобами представления, что основная тема социологии заключается в изучении таких периферийных проблем общественной жизни, как развод и преступность несовершеннолетних. Я с радостью и честно признаю свой долг перед ним, который я еще не отдал» (Мертон, 2006: 13–14).

Для Мертона существует «ранний» и «поздний» Сорокин, Сорокин — до и после «Социальной и культурной динамики», к которой Мертон отнесся негативно, хотя и помогал в сборе статистических материалов. Однако для Мертона Сорокин никогда не переставал быть авторитетом в общественных науках, о чем свидетельствуют частые ссылки на его работы в той же «Социальной теории и социальной структуре», где научные теории Сорокина он анализировал наряду с теориями Маркса, Шелера, Мангейма, Дюркгейма и других классиков.

Хотя в своих воспоминаниях (Мертон, 1992) Мертон довольно сдержанно отзывается о фигуре Сорокина, приведенная ниже переписка демонстрирует довольно теплые отношения между социологами. В письмах они поздравляют друг друга в связи с выходом новых работ, рассказывают о своих семьях, делятся планами на будущее, просят оказать поддержку в той или иной ситуации.

О противоречивых отношениях между социологами свидетельствует надпись, на однотомном переиздании «Динамики», которую Мертону прислал Сорокин. Мертон вспоминал: «Надпись была подчеркнута и, я думаю, не без симпатии, двусмысленна. Ее первая часть должна была напомнить о моем несогласии использовать сорокинскую теорию как тему моей диссертации; вторая намекала на наши очень тесные отношения в то время: я был молодым и трудолюбивым помощником в его преподавательской и исследовательской работе и даже ценителем его шедевра (хотя и не одобрившим его). Надпись гласила: „Моему заклятому врагу и самому дорогому другу Роберту от Питирима“» (цит. по: Зюзев, 2009: 167–168).

Если Мертон был и остается популярен, а его признание повсеместно, то ренессанс многих сорокинских идей начинается только сейчас. В сентябре 2010 года Республику Коми, родину Питирима Сорокина, в рамках работы над проектом «Возможности культурной социологии: Питирим Сорокин» посетили профессор университета Киото Татибана Митикуни Оно и его ассистентка, доцент литературного факультета университета Тэйкё, Светлана Корнеева. В одной из бесед профессор Оно рассказал, что о Сорокине он узнал в 1960-е годы именно из работ Мертона, и уже много позже, почти через 40 лет, вновь заинтересовался творчеством русско-американского социолога. Между тем, как и во всем мире, в Японии безоговорочным авторитетом в социологии был Парсонс, а Сорокин оставался «забытым мыслителем». Но события последних лет демонстрируют определенное оживление интереса к теориям Сорокина со стороны ученых из разных стран. Об этом, в частности, свидетельствует и сам визит японского социолога, который получил грант от Японского общества продвижения науки (Grant-in-Aid for Scientific Research (c),

Japan Society for the Promotion of Science: JSPS), и дальнейшие планы по популяризации имени Сорокина в Японии, где планируется создание Научного собрания последователей Питирима Сорокина.

Интерес к творческому наследию П. Сорокина проявляется и в США, где в рамках Американской социологической ассоциации идет работа над созданием новой секции «Альтруизма, морали и социальной солидарности». Цель секции состоит в том, чтобы способствовать теоретическому развитию и эмпирическому исследованию, имеющему отношение к альтруизму и социальной солидарности. Как сообщалось в официальных заявлениях и обращениях, работа секции во многом будет основана на научных достижениях русско-американского социолога Питирима Сорокина. Именно он в свое время стал пионером в области изучения амитологии и позитивных девиаций, в частности альтруизма, любви, самопожертвования и т. д.

В целом, понимание того, что структурный функционализм лишь одна из возможных альтернатив развития общественных наук, дает возможность по-новому взглянуть на многие моменты в творчестве «забытого мыслителя», а современный экономический, социальный и нравственный кризис вновь возрождает актуальность работ по исследованиям созидательного альтруизма, необходимость которых доказывал П. А. Сорокин.

Литература

Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П. П. Кротова. Вологда : Древности Севера, 2009.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006.

Мертон Р. К. Фрагменты из воспоминаний // Социологические исследования. 1992. № 10.

Зюзев Н. Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. Сыктывкар : Эском, 2009.

Pitirim Sorokin and Robert Merton in Sociology and Life

Alexander Yu. Dolgov

Sorokin Research Center,
Syktyvkar, Komi Republic;
dolgovalexandr@yandex.ru

Pitirim Sorokin and Robert Merton — two distinguished sociologists — walked two different paths in science. Merton reached his scientific peak at the time when the structural functionalism flourished and Parsons' school dominated. Sorokin tried to extend the frontiers of sociology by bringing into it the analysis of cultural super-systems and positive definitions which resulted in sharp criticism and subsequent oblivion on the part of his American colleagues.

One of the main trends that Sorokin identified in science was a transition from the classical concept of "evolution" to what is called a "non-classical" understanding in sociology. With his personal experiences having observed social crises (i. e. the Russian Revolution(s), World Wars I and II) he was one of the first scientists to include in his analyses such a variable as "value," which marked the "cultural turn" in science.

Methodologically, Sorokin's studies were conducive for "mitigating" the positions of "pure empiricism," or as he put it, "quantophrenia" in science. For this reason, Sorokin was often picked out by empiricists during his life. Parsons, in a letter to Sorokin, confessed: " I have felt for a long time that in the really important theory in our field there was far more agreement than difference if we took the trouble to analyse its basis." (Pitirim Sorokin, 2009: 107). Sorokin in his theoretical constructions built a "bridge" that connected man with his values and with global socio-cultural changes.

It is difficult to speak about Sorokin's influence on Merton. But it is worth noting that Merton emerged as sociologist at Harvard thanks to Sorokin and with his assistance as a mentor. Merton himself in his "Social Theory and Social Structure" named Sorokin as one of his six colleagues, whom he was especially "indebted" to: "Even before Pitirim Sorokin plunged into studying global historical processes (what is presented in his "Social and Cultural Dynamics") he helped me to get rid of the narrow world view by destroying the idea that an efficient study of a society could be limited by the American territory, as well as of the idea suggested by slums that the main subject in sociology was to study those peripheral problems of social life like divorce and juvenile crime. I acknowledge, with joy and honestly, my debt to him that I have yet to pay off" (Мертон, 2006: 13–14).

For Merton there was an "early" and "late" Sorokin, that is, Sorokin before and after the "Social and Cultural Dynamics" to which Merton's attitude was negative, though he helped to collect statistical evidence. Nevertheless, Merton always considered Sorokin an authority in the social sciences. Proof of this may be found in his frequent references to Sorokin in "Social Theory and Social Structure" where, along with Sorokin's theories, he analyzed the ideas of Marx, Scheler, Mannheim, Durkheim and other scholars.

Though Merton spoke in his recollections (Мертон, 1992) about Sorokin with reservations, the following correspondence pointed to a rather warm relationship between the two sociologists. In their letters, they greeted each other with new publications, told about their families, plans for the future, asked for support in various situations.

The controversial relationship between the two sociologists may be symbolized in the inscription on the one-volume republication of the "Dynamics" that was sent by Sorokin to Merton. Merton recollected: "The inscription was underlined and I think, not without sympathy, ambivalent. Its first part had to remind about my disagreement to use Sorokin's theory as the subject of my dissertation: the second one hinted at our very close relationship at the time: I was a young and hardworking assistant to his academic work and even an expert on his masterpiece (though I did not approve of that). The inscription said: "To my darned enemy and dearest friend Robert from Pitirim" (quotation from Зюзев, 2009: 167–168).

If Merton has remained popular and he is everywhere recognized, the renaissance of many of Sorokin's ideas has started only now. In September 2010, professor of sociology Michikuni Ohno of Kyoto Tachibana University and his assistant, Svetlana Alexandrovna Korneeva, a senior lecturer at the liberal arts faculty at Teikyo University, visited the Komi Republic, Pitirim Sorokin's birthplace, as part of the project "Capabilities of Cultural Sociology: Pitirim Sorokin". In one of his conversations, Professor Ohno said

that it is from Merton's writings that he had learned of Sorokin in the 1960s, and much later, nearly 40 years after, he again got interested in the works of this Russian-American sociologist.

Nevertheless, as in the whole world, it was Parsons who was regarded in Japan as an unquestioned authority in sociology, Sorokin remaining a "forgotten thinker". But the events of the recent years point to a certain revival of interest in Sorokin's theories. Witness to this is this particular visit by a Japanese sociologist, who had received a grant (Grant-in-Aid for Scientific Research) (c) from the Japan Society for the Promotion of Science (JSPS). As well, there are further plans to promote Sorokin's name in Japan where a scientific community of Pitirim Sorokin's followers might be founded.

Growing interest in Sorokin's scholarly legacy can also be observed in the USA, where a new section "Altruism, Morality and Social Solidarity" is being formed within the American Sociological Association (ASA). The aim of the section is to promote theoretical progress and empirical studies related to altruism and social solidarity. According to formal declarations and announcements the section's work will be largely based on scientific achievements of the Russian-American sociologist Pitirim Sorokin. It was he who pioneered studies of amitology and positive deviations, particularly, altruism, love, sacrifice, etc.

Summing up, the idea that structural functionalism is only one of the many possible alternatives to identifyng progress in social sciences. Recognizing this enables us to take a new look at multiple aspects in the work of this "forgotten thinker". Focus on understanding the present-day economic, social and moral crisis revives the significance of studies in creative altruism, the necessity of which were demonstrated by P. A. Sorokin.

References

Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П. П. Кротова. Вологда : Древности Севера, 2009.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006.

Мертон Р. К. Фрагменты из воспоминаний // Социологические исследования. 1992. № 10.

Зюзев Н. .Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. Сыктывкар : Эском, 2009.

Documents
Correspondence between P. A. Sorokin and R. K. Merton[1]

ROBERT K. MERTON
111 Pinecrest Drive
Hastings-on-Hudson 6
New York

8 March 1959

Dear Pitirim,

Since I am on leave of absence from the university this semester, I was away for a few weeks in order to get some work done. It was a pleasant surprise to find your letter upon my return, and so I answer it at once.

I need hardly say that I shall immediately do everything possible to find out the prospects of a financial grant to enable you to finish up the three books you have in process. It would be absurd to have these held up for want of funds for secretarial services, research assistance, and the like. In making these queries, I shall take the liberty of raising the questions about this on my own initiative, without your making a formal request until it is clear just how and when and to whom this should be made. I don't know, of course, what the best prospective sources are, but I'll try to discover these, as I proceed. In any case, I intend to begin by discussing the matter with some people at the Ford Foundation.

On one matter, however, I should say that the reports which have reached you are not quite correct. I have no affiliation with the Behavioral Sciences Division of the Ford F'd'n; indeed, I never have had. I do have an advisory connection with the Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences, which was established by the Ford people, but which has no further connection with the F'd'n. The Center simply provides fellowships to those who work there; it has no grant-making powers or funds. I should tell you also that, last year, the Ford F'd'n discontinued its special division for research in the "behavioral sciences" (i.e. sociology, psychology and anthropology), when they decided to move, rather, into engineering, the sciences, and the humanities. This means, of course, that grants for work in sociology are now difficult to come by. However, there might still be some way in which such a grant could be arranged and I intend to find out by direct inquiry. As soon as I can get the information, I'll write you whatever I have learned.

I am grateful to you for giving me the opportunity to search out possibilities of funds to enable you to get on with your work, and I'm glad that you overcame your reluctance to raise the matter at all. Perhaps I'll get nowhere, but if so, it will mean that the institutions for grants in support of scholarly work in sociology have lost all sight of fundamentals.

With all my best, Yours,

[1] The original letters are kept in The Pitirim A. Sorokin Collection, the Special Collections Department at the University of Saskatchewan Library:
3 Campus Drive
University of Saskatchewan
Saskatoon, Saskatchewan
Canada S7N 5A4
URL:http://library2.usask.ca/sorokin/Credits

Columbia University in the City of New York | *New York 27, N. Y.*

DEPARTMENT OF SOCIOLOGY

3 October 1961

Dr. Pitirim A. Sorokin
8 Cliff Street
Winchester, Mass.

Dear Pitirim:

I have seen Professor Lazarsfeld for a few minutes since his recent return from Paris, and in order to facilitate matters, I am writing you on his behalf as well as my own.

First, we do want to thank you for your warm invitation to attend the First International Congress in Salzburg next week. If there were any possibility of our obtaining a leave from the University to attend the Congress, we would surely do so. But these being the first weeks of the new semester, it is simply impossible. You have our every good wish for success of the Congress and we look forward to the Proceedings.

We are of course delighted by the thought that you will give a paper at the 1962 meetings of the ASA. I have taken the liberty of pre-empting your paper for the session I will be chairing. Plans for this session are of course still fluid, and we can correspond about your paper upon your return from Europe. It makes me particularly glad to know that you will be taking part in this session.

As for the Fifth World Congress of the ISA, neither Professor Lazarsfeld nor I have any responsibility for the program. As I understand it, the program is being arranged by a program committee with all correspondence about it being handled by the Secretary General of ISA, Pierre de Bie. He can be reached at the Association Internationale de Sociologie, 118, rue des Flamands, Louvain, Belgique. I am sure he would be very eager to hear from you and to make the necessary arrangements.

Once again, my thanks for your letter and best wishes for your trip. I look forward to seeing you before long.

Sincerely,

Robert K. Merton
ea

Robert K. Merton

RKM:ea

ROBERT K. MERTON 111 Pinecrest Drive
Hastings-on-Hudson 6
New York

6 October 1963

Dear Pitirim,

As one of the newest victims in the current mild epidemic of influenza, I am enjoying the last three days at home. Happily enough, the new issue of the ASR, with its lovely lead review of Pitirim Sorokin in Review, reached me during my bed-borne siege. I happen not to know the reviewer, Charles Tilly, but he has surely caught the spirit and intent of the volume as well as the character and significance of the work to which the book was devoted. In all frankness, I must also add that it gave me pleasure to find that he picked up several strands of the RKM-BB paper on PA for this meant that he recognized the deep seriousness with which we took the writing of the paper. As I said at the Eastern meetings, this is surely a time celebrating the Renaissance of Appreciation of PAS in those few ~~xxx~~ quarters where it has not been a continuing celebration.

I have not written you before now to congratulate the ~~xxxxx~~ members of the American Sociological Association on their collective capacity to confess to an altogether absurd and self-indicting oversight during the last twenty years and more. To have written you at once about this would have seemed to suggest that I was even minutely surprised by the event -- and I hope it is a matter of record that I was not. Do be kind -- ~~xxx~~ unlike Faraday or Spencer or Veblen or D'Arcy Wentworth Thompson or Mr. Justice Holems (or innumerable others) who were accorded a certain kind of recognition by some of their contemporaries decades after perceptive scholars had taken it for granted -- and say not a word about the absurd delay in according this particular brand of esteem. (If you will forgive it, I speak as the son of a proletarian to the son of a peasant in asking for noblesse oblige.) And by all means, épater le bourgeois by demonstrating that, in your spare time, you can turn over administrative matters to the administrators of the Association just as you can organize a memorable annual meeting of the Association.

And since this is a day ~~xx~~ in which all is said, my love to Ileana.

Yours,

Robert

П. А. Сорокин и Р. К. Мертон. Избранная переписка

Переписка публикуется по: Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П. П. Кротова. Вологда : Древности Севера, 2009. С. 86–106.

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
1 октября 1949
Доктору Р. Мертону
424 Файеруевер
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Благодарю Вас за присланный экземпляр Вашей книги. Я очень рад, что она вышла. Оставляя в стороне комплименты, я, тем не менее, очень высоко оцениваю ряд исследований, приведенных в этой работе, и искренне Вас поздравляю.

Как Ваши дела? Надеюсь, что Ваше сердце находится в хорошей форме. Пожалуйста, не перегружайте его и заботьтесь о своем здоровье. Что касается Сорокиных, то у нас всё нормально. Продолжается работа Исследовательского центра. Я только что отдал издателю том о «1000 американских добрых соседях» и «3090 христианских святых»[1] (статистические социологические исследования). Не прекращаются и другие мои исследования.

С наилучшими пожеланиями, сердечно Ваш
Питирим А. Сорокин

P. S. Получили ли Вы работу доктора Маке «Социология знания»[2]? Он достаточно много цитирует Ваши исследования в этой области. Я нашел эту книгу весьма основательной.

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
9 сентября 1952
Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой профессор Мертон!

Чтобы удовлетворить Ваше любопытство, я высылаю Вам в отдельном конверте экземпляр работы Ф. Р. Кауэлла «История, цивилизация и культура: введение в философию истории и социальную философию Питирима А. Сорокина»[3], которая представляет собой однотомное «сжатое» обобщение моих теорий.

---

[1] Имеется в виду работа: *Sorokin P. A.* Altruistic Love: A study of American Good Neighbors and Christian Saints. Boston : Beacon Press, 1950.

[2] *Maquet J. J.* Sociologie de la connaissance. Louvain : Nauwelaerts, 1949.

[3] *Cowell F. R.* History, Civilization and Culture, An introduction to the historical and social philosophy of P. A. Sorokin. Boston, 1952.

Господин Кауэлл — ученый из Оксфорда, заместитель министра образования Великобритании, глава британской делегации в ЮНЕСКО и один из редакторов литературного приложения к лондонскому «Таймс». Я не знаком с ним лично. Насколько я могу судить, его «обобщение» сделано очень неплохо. Таким образом, кроме уже существующего большого количества научных и популярных работ о моих трудах и всё возрастающего числа докторских диссертаций о моих исследованиях, сейчас они начали публиковать книги о моих книгах. В ближайшем будущем, насколько мне известно, еще пять работ будет опубликовано видными учеными из разных стран.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
16 сентября 1952

Дорогой Питирим!

Я только что получил Ваше сообщение, которое огорчило и глубоко ранило меня несправедливостью по отношению к Вам и ко мне. Отсутствие ссылки на Вашу работу в библиографии по социологии науки было непростительной оплошностью, приведшей к обесцениванию всего списка книг. Я не понимаю, как это случилось. Конечно же, я знал, что целые главы в «Динамике» посвящены социологии науки, ведь Вы даже отвлекались от основного содержания, чтобы упомянуть мое содействие при написании этой части книги. Поэтому было бы бессмысленно для меня изобретать объяснение этой абсурдной ошибке. Я просто не представляю, как такое могло произойти. Хотя мои сожаления уже не исправят ошибки, тем не менее, я хочу, чтобы Вы все-таки знали, насколько глубоко я об этом сожалею.

В то же время, с Вашей стороны говорить о том, что я ищу способы предать забвению Ваше имя и заслуги очень несправедливо по отношению ко мне. Я всегда с гордостью подчеркивал как одно, так и другое. Если же по какой-то нелепой случайности я не сделал ссылку на Вашу работу, можно предположить всё что угодно, только не то заключение, которое Вы делаете на этом основании. Как только представлялась возможность, я всегда с радостью выражал Вам свою благодарность публично, так же как и выражал ее Толкотту Парсонсу, за личную помощь и консультирование, которые вы оба оказали мне, неопытному студенту, в счастливые гарвардские годы. Когда моя диссертация была опубликована, я пытался это выразить в предисловии. Более того, в той работе я цитировал П. А. Сорокина чаще, чем любого другого из ныне живущих социологов, и чаще, чем какого-либо социолога прошлого времени, за исключением Трельча, Зомбарта и Вебера (что было неизбежно ввиду самого предмета). Но, может быть, это объяснялось тем фактом, что тогда я еще был молодым преподавателем в Гарварде?

Держа это в уме, я обратился к своему указателю работ, который точно регистрирует степень интеллектуальной признательности, выраженной (или не выраженной) Вам как в социологии науки, так и в других областях. Здесь я еще раз убедился, насколько несправедливо Ваше обвинение в том, что я ищу возможности

«замолчать» Ваше имя. В указателе к «Социальной теории и социальной структуре» я цитировал П. А. С.[1] двадцать два раза — вновь больше, чем я цитировал любого из ныне живущих социологов, что было превышено только Дюркгеймом, Марксом и Вебером среди социологов-классиков прошлого. Это должно объяснить мои чувства по поводу Вашего замечания.

Мне вспомнился еще один эпизод, имеющий отношение к данной теме. После приезда в Колумбийский университет меня попросили подготовить аналитический материал, дающий оценку социологии знания. Я сконцентрировал свое эссе на пяти фигурах, которые, как я полагал, каждая по-своему, сделала выдающийся вклад в эту область: Маркс, Шелер, Мангейм, Дюркгейм и Сорокин. То, что я включил в работу П. А. С., было не актом преданности, но здравым суждением, что он вместе с остальными оказал заметное влияние на указанную область (если бы подобное влияние оказал Толкотт Парсонс, я бы включил его, как я это делал, когда видел, что такое имело место). И когда Маке написал свою книгу о Вашем вкладе в социологию знания, он искренне признался, что он нашел мое обсуждение Вашей работы очень полезным.

Я мог бы с тем же успехом привести и другие доказательства. Упоминаю же всё это только для того, чтобы объяснить, почему Ваше замечание поражает так болезненно. Оплошность, даже повторяющаяся, — это одно дело, но обвинение в систематическом пренебрежении значительной частью Вашей работы — совсем другое. У меня никогда не было намерения игнорировать или предавать забвению Вашу работу.

Ваше замечание особенно задело, поскольку к Вам и Толкотту Парсонсу я всегда испытывал огромную преданность. Подобное раздвоение, как Вы знаете, может привести к сильному напряжению. Я всегда это ощущал, но никогда не поступился бы ни одним, ни другим, даже если бы сложилась ситуация конфликта, что делало бы исключительно трудным сохранение обоих.

Обидно еще и потому, что Ваше сообщение пришло как раз в момент, когда я только собирался писать Вам, чтобы поблагодарить за книгу Кауэлла, прочитанную мной с большим интересом. Более того, поскольку я недавно начал собирать фотографии современных исследователей в области социальных наук, оставивших свой след в общественной мысли нашего времени, я в том же письме собирался просить Вашу фотографию, дабы повесить ее на стене моего кабинета наряду с портретами Парето, Дюркгейма, Вебера, Гилберта Мюррея, а также я надеялся добавить в мою маленькую коллекцию и фото Кребера. Таким образом, было большим потрясением среди всего этого получить Ваше письмо, обличающее мои побуждения, вместо того, чтобы просто привлечь мое внимание к оплошности, которой я нисколько не горжусь. Если я раздосадовал Вас, то мне очень жаль, и я могу понять причины. Вместе с тем, счел своим долгом сказать, что Ваше обвинение является абсолютно беспочвенным.

Я, конечно же, сделаю всё, что Вы просите и приготовлю Кауэлла, чтобы вернуть Вам. В четверг я буду в университете и попрошу секретаря выслать Вам книгу.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш Роберт Мертон

[1] П. А. С. (PAS) — Питирим Александрович Сорокин.

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
18 сентября 1952
Специальная доставка
Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест драйв, Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я надеюсь, что Вы получили мое второе письмо, написанное на следующий день после отправки моего первого письма и до того, как я получил от Вас ответ. Из этого второго письма, я надеюсь, Вы сможете понять, что я сожалею о своем первом послании и прошу не обращать на него внимания. Я очень благодарен Вам за Ваш ответ и еще раз приношу Вам свои извинения за мое первое письмо. Пожалуйста, оставьте у себя книгу Кауэлла.

С моими искренними и наилучшими пожеланиями Вам и всей семье Мертонов.

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
22 сентября 1952

Дорогой Питирим!

Прежде всего, спасибо за сообщение, которое Вы послали мне еще до того, как получили мое письмо. Это был благородный поступок человека, выбирающего цельность собственной личности вопреки кратковременной удовлетворенности собственного «эго». Часто жизнь делает трудным выражение перед другими того, что мы чувствуем глубоко внутри.

Я поистине рад, что этот недавний эпизод произошел. Поскольку он позволяет мне сказать Вам, что я не забуду недавнее выражение Вашей подлинной личности, также как я не забыл Ваше великодушие ко мне, когда я был студентом полных двадцать лет тому назад. Более поздние разногласия никогда не сотрут это из моей памяти.

Как я уже писал Вам, мне бы очень хотелось получить Вашу фотографию, если у Вас на руках есть лишний экземпляр. Помимо просто желания ее получить, фотография содействовала бы моим усилиям оживить для моих детей истории людей, которые сделали современную социологию. Если же нет лишней, то я был бы признателен за возможность снять копию с одной из Ваших фотографий, если Вы ее пришлете на короткое время.

С наилучшими пожеланиями госпоже Сорокиной
и с личной благодарностью Вам,
Ваш Роберт

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
5 ноября 1957
Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я глубоко тронут Вашим письмом и Вашими двумя книгами с посвящениями, которые Вы мне любезно прислали. Они безошибочно демонстрируют Вашу искреннюю привязанность ко мне и настоящую дружбу. Что же до меня, то в моем сердце всегда есть теплый уголок для Вас и для госпожи Мертон. И я рад, что теперь мы выразили нашу взаимную привязанность друг к другу. Надеюсь, что эти нынешние отношения будут соединять нас и в будущем. Вам хорошо известно, что пока Вы были студентом, равно как и во время Вашей преподавательской работы, я считал Вас практически самым лучшим студентом среди всех выпускников Миннесоты и Гарварда. С великим интересом я следил за Вашим последующим ростом, который привел Вас к тому, что Вы заняли положение, возможно, наиболее влиятельного лидера американской социологии младшего и среднего поколений. Я рад видеть, что это лидерство сохраняется.

Хотя у меня есть первое издание Вашей «Социальной теории и социальной структуры», я счастлив иметь второе издание, улучшенное и дополненное. К настоящему моменту у меня было время только просмотреть работу, но в ближайшем будущем я собираюсь изучить специально ее новые дополнения.

Что до меня, то, кроме издания практически каждый год какого-либо нового труда, я также занят какой-нибудь легкой работой, связанной с многочисленными переводами моих работ на иностранные языки, кратким изложением моей «Динамики», подготовкой нескольких статей, главным образом, для сборников статей по философии и религии, публикуемых издательством «Харперс», и, наконец, исследованиями и управлением маленьким Исследовательским центром и учреждением нового Общества исследования созидательного альтруизма, которое в октябре провело свою первую публичную конференцию в Массачусетском технологическом институте.

В добавление к этому, из многих приглашений почитать лекции, которые я получил из Сорбонны, университетов Рима, Бразилии, Мексики, от правительства Индонезии и университета в Джакарте, а также нескольких американских и других иностранных университетов и правительств, я принял только несколько приглашений от близлежащих университетов и колледжей на февраль и март — от университета Флориды, и на этот год — от четырех университетов Джорджии, где в эти месяцы как раз лучший сезон, а здесь — худшие зимние месяцы.

Как раз сейчас я пытаюсь закончить небольшую работу «Преступность правящих групп» для одного из нью-йоркских издательств. Я бы добавил, что я увеличиваю время своего досуга, главным образом, для сада (в прошлом апреле я получил золотую медаль за свой сад, что было отмечено полностраничной цветной фотографией в нескольких национальных журналах), а также для «ничегонеделанья» в моей летней резиденции в Квебеке.

Вы правы — действительно “tempus fugit”[1]. Ваша дочь уже в Рэдклиффе. Мой старший сын только что закончил всё, что нужно для получения докторской степени по физике, и с сентября он работает с IBM[292] в качестве ученого-физика, проводя исследования на темы, которые сам свободно выбирает. Мой младший сын, Сергей, сейчас учится на четвертом курсе в Медицинской школе в Гарварде, и на следующий год он собирается в интернатуру, главным образом, заниматься исследованиями, и не планирует становиться практикующим врачом[2].

Госпожа Сорокина несколько лет назад возобновила свою исследовательскую работу, которую она довольно успешно вела, и стала одним из ведущих исследователей в области цитологии.

Если будете в наших краях, Елена и я всегда очень рады Вас видеть с госпожой Мертон и Вашей дочерью. А пока с наилучшими пожеланиями от нас двоих вам двоим,

искренне Ваш

Питирим А. Сорокин

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
2 января 1958

Дорогой Питирим!

Пару слов, чтобы пожелать Вам и Вашей семье хорошего нового года и сказать Вам, как мне понравилась маленькая зарисовка в «Нью-Йоркере». В ней удалось уловить суть подлинного и, что так непохоже на распространенную практику этих колонок, избежать фальшивого подтекста.

С наилучшими пожеланиями по этой и всем другим причинам,

Ваш Роберт

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
6 января 1958
Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест драйв
Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Спасибо за Ваше дружеское послание.

18 ноября я был вынужден выехать в Нью-Йорк на день и дать пять интервью для «Нью-Йоркер», для радиостанции «Нью-Йорк Таймс», «УОР Нетворк», «Ассошиэйтед пресс» и для Майка Уолласа[3]. Заметка в «Нью-Йоркере» — один из результатов

[1] Время бежит (лат.).

[2] Сергей Питиримович Сорокин занимался исследованиями в области биологии клетки, в настоящее время сочиняет музыку.

[3] Майк Уоллас — известный американский тележурналист, комментатор CBS News, ведущий популярной общественно-политической программы «60 минут».

всех этих интервью. Вообще, во время Рождества несколько увеличился «урожай» работ обо мне и моих теориях.

За неделю до Рождества я получил норвежскую работу, озаглавленную «Kultur og Fred: Pitirim A. Sorokins Sosiale og Historiske Filosofi»[1], написанную доктором Йоханом Рейтцем Гйермо[2] из Норвегии, посвященную мне и моим трудам. Затем я получил книгу французского профессора Мориса Крюбелье под названием «Sens de l'histore et religion»[3], которая посвящена Огюсту Конту[298], Тойнби, Нортропу и мне, где, по меньшей мере, четверть тома отведена мне. В начале декабря я получил только что вышедшую книгу профессора Кребера, наиболее авторитетного из ныне живущих американских антропологов, озаглавленную «Стиль и цивилизации», в которой от одной четвертой до одной трети работы вновь посвящена моим теориям. Не говоря уже о нескольких больших немецких репринтах статей из исторических журналов и так далее, посвященных проблемам античности и ее интерпретациям современными историками и философами истории. Эти книги и большие главы, все весьма хвалебные, стали для меня очень приятными рождественскими подарками.

Я, наверное, упоминал в предыдущем письме, что отклонил большинство предложений от американских, а также от европейских, латиноамериканских и восточных университетов и правительств, но всё-таки принял приглашения от университетов Флориды и Джорджии на февраль и март будущего года; а на этот год принял приглашение на февраль от Университета Огайо и Гейдельбергского колледжа прочитать несколько лекций (немногочисленных, но весьма хорошо оплачиваемых). В последние несколько недель у меня обострился хронический ларингит и позавчера я был вынужден отменить лекции в Университете Огайо и в колледже в Гейдельберге. Но я всё-таки надеюсь поехать в Джорджию и Флориду на семь или восемь лекций, а также вновь провести некоторое время во Флориде почетным гостем университета штата.

Сейчас я завершаю небольшую работу «Преступность и мораль правящих групп»[4]. После этого планирую начать, возможно, мою последнюю значимую работу, посвященную имеющей сегодня место существенной переоценке всех основных ценностей, и особенно нравственных, которая будет рассматриваться с позиций моей интегральной философии. По всей видимости, эта работа займет следующие несколько лет.

Наилучшие пожелания Вам и госпоже Мертон, а также подрастающему поколению Мертонов в наступающем новом году.

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

---

[1] «Культура и мир: социальная философия и философия истории П. А. Сорокина» (норв.).

[2] Йохано Рейтц Гйермо (Johanne Reutz Gjermoe, 1896–1989) — норвежский экономист. В 1964–1965 годах был сотрудником Международного научно-исследовательского института Мира в Осло (The International Peace Research Institute, PRIO). В 1957 году написал работу, посвященную исследованиям П.А.Сорокина в области социальной философии и философии истории (*Gjermoe J. R.* Kultur oa fred. P. A. Sorokints sosiale og historiske filosofi. Oslo : Olaf Norlis Forlag, 1957).

[3] «Смысл истории и религии» (фр.).

[4] Вероятно, «Преступность правящих групп» ("Criminality of Ruling Groups") — это рабочее название книги: *Sorokin P. A. and W. A. Lunden.* Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? Boston : Porter Sargent, 1959. («Власть и нравственность»).

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
24 февраля 1959
Профессору Роберту К. Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

После долгого периода нерешительности я все же решился попросить Вашего совета и помощи по следующему вопросу. Прежде чем я стану дряхлым или умру, я хочу закончить следующие три работы, которые уже начаты и прогрессируют некоторым образом, но для своего завершения требуют два-три года работы, а именно: 1) «Динамика нравственных явлений и ценностей»; 2) «Современные социологические теории»; 3) «Интегральная философия (интегральная теория реальности, ценностей, познания, личности и природы психологических и социокультурных феноменов)». Планируется, что каждая из этих работ будет самостоятельным внушительным томом.

Из приложенного отчета Исследовательского центра (последняя страница) Вы можете видеть, что гранты Лилли Эндоумент[1] этому центру почти полностью израсходованы. Как отмечено в отчете, я никогда не просил этих грантов, но они были выделены по инициативе Лилли Эндоумент и господина Эли Лилли[2]. Весьма вероятно, что если я напишу коротенькое письмо господину Эли Лилли с просьбой о дополнительном гранте, эта просьба будет поддержана. Однако прежде, чем это делать, я подумал, что можно получить скромный грант от 10 до 30 тысяч долларов для завершения упомянутых работ от Фонда Форда[3]. Я никогда не просил ни Фонд Форда, ни какой-либо другой фонд о какой-либо финансовой поддержке. Но в нынешних обстоятельствах я подумал, что, возможно, наступило время, когда мне нужно сделать такую попытку.

К моей великой радости, Вы являетесь одним из влиятельных членов департамента наук о поведении Фонда Форда. Раз так, то Вам должно быть известно, что можно было бы посоветовать мне предпринять для составления упомянутой заявки, желаете ли Вы и имеете ли возможность помочь мне в получении такого гранта. Это моя к Вам просьба. Если Вы найдете возможным ответить на нее, я буду Вам очень благодарен. Если Вы найдете более благоразумным пренебречь ею, подобный ответ также будет для меня хорош.

С искренними извинениями за эту просьбу и наилучшими пожеланиями,

с уважением,
Питирим А. Сорокин

---

[1] Лилли Эндоумент Инк. (Lilly Endowment Inc.) — один из самых больших в мире частных благотворительных фондов. Фонд основан в 1937 году владельцем фармацевтической компании “Eli Lilly and Company” Эли Лилли.

[2] Эли Лилли (1 апреля 1885 — 24 января 1977) — известный американский промышленник, бизнесмен и благотворитель. Благодаря грантам, предоставленным Э. Лилли, П. Сорокин провел множество исследований в рамках изучения созидательного альтруизма.

[3] Фонд Форда (Ford Foundation) — американский благотворительный фонд, созданный в 1936 году Эдселом Фордом, сыном Генри Форда, дирекцией “Ford Motor Company”. Согласно уставу Фонд осуществляет деятельность в сфере выделения грантов и займов в целях укрепления демократических ценностей, искоренения бедности и устранения несправедливости, развития международного сотрудничества, распространения достижений человечества.

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
8 марта 1959

Дорогой Питирим!

Поскольку я нахожусь в отпуске и отсутствую в университете в этом семестре, я уезжал на несколько недель для того, чтобы доделать одну работу. Было приятным сюрпризом по возвращении найти Ваше письмо, так что я отвечаю сразу.

Едва ли мне нужно говорить, что я немедленно сделаю всё возможное, чтобы узнать о перспективах финансового гранта, который позволил бы Вам закончить три книги, которые Вы сейчас пишете. Было бы абсурдным задерживать работу из-за недостатка средств на секретарские услуги, исследовательскую помощь и тому подобное. Занимаясь этим делом, я возьму на себя смелость поднять вопросы по поводу всего этого по своей собственной инициативе без необходимости для Вас делать какой-либо формальный запрос до тех пор, пока не прояснится, каким образом, когда и кому он должен быть сделан. Я, конечно, не знаю, каковы наиболее перспективные источники, но я постараюсь это выяснить, как только приступлю. В любом случае, я намереваюсь начать обсуждение вопроса с некоторыми людьми из Фонда Форда.

По этому поводу, однако, я должен заметить, что информация, дошедшая до Вас, не вполне соответствует истинному положению дел. Я не имею никакого отношения к Отделению наук о поведении Фонда Форда и на самом деле никогда не имел. У меня есть консультативные связи с Центром повышения квалификации в области наук о поведении, который был основан представителями Фонда Форда, но который никак в дальнейшем с этим фондом связан не был. Этот центр просто предоставляет стипендии тем, кто там работает; у него нет никаких ресурсов или фондов для грантовой деятельности. Я также должен Вам сообщить, что в прошлом году Фонд Форда прекратил существование особого Отделения для проведения исследований в области «поведенческих наук» (таких, как социология, психология или антропология), когда было решено перейти в области технических, естественных или гуманитарных наук. Это, конечно, означает, что получить грант для проведения работы в социологии сейчас трудно. Однако всё же должен быть какой-нибудь вариант, позволяющий получить грант, и я намереваюсь найти его посредством прямого обращения. Как только я смогу получить информацию, я напишу Вам, что бы я ни узнал.

Я благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность заняться поисками вариантов финансирования, которые позволили бы Вам продолжать работу, и я рад, что Вы преодолели нежелание вообще поднимать этот вопрос. Возможно, что я и не получу ничего, но, если так, то это будет означать, что грантовые учреждения, направленные на поддержку научной деятельности в области социологии, потеряли всяческое видение основ.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш Роберт Мертон

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
11 марта 1959
Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест драйв
Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я глубоко тронут Вашим письмом и Вашим желанием помочь мне в вопросе поиска грантов для завершения моих исследований. Безотносительно к тому, будут или нет предпринимаемые Вами энергичные попытки успешными, я тепло благодарю Вас за Вашу доброту.

Когда бы Вы только ни оказались по соседству, Елена и я будем очень рады принимать Вас и долго беседовать на бесконечные темы, интересующие нас обоих.

11 апреля я должен прочитать две лекции в Филадельфии и затем с 15 по 17 апреля провести конференцию в Йельском университете. 22 апреля я приглашен на обед к министру труда господину Митчеллу и к его заместителям с тем, чтобы после обеда выступить с докладом перед сотней высших руководителей в департаменте труда по поводу двух-трех основных проблем, касающихся Соединенных Штатов и организации Управления труда этой страны. Затем, если я не уеду в Индию, Мексику или Европу (я получил в третий раз предложения от организаций и правительств этих стран), надеюсь пробыть здесь весь май и июнь, а затем летом поехать недель на шесть или восемь в мою летнюю резиденцию в Квебек.

С наилучшими пожеланиями Вам, госпоже Мертон и молодому поколению Мертонов, сердечно Ваш

Питирим А. Сорокин

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
30 марта 1959
Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Благодарю Вас за Ваше теплое письмо и поздравляю Вас и других редакторов с выходом Вашей «Социологии сегодня»[1].

До сих пор у меня было совсем немного времени, чтобы мельком просмотреть различные статьи Вашей «Социологии сегодня». И при этом спешном просмотре я нашел несколько статей, как Вашу собственную, так и несколько других, значимыми и интересными, в то же время некоторые другие произвели на меня впечатление вполне посредственных.

[1] *Merton R. K.* Sociology Today. Problems and Prospects. N. Y., 1960.

Я глубоко ценю Ваши попытки помочь мне в получении грантовой поддержки фондов. С другой стороны, мне не хотелось бы перегружать Вас этой задачей.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
1 мая 1959

Дорогой Питирим!

Как Вы увидите из приложения, я предпринял еще одну попытку обратиться к представителям Фонда Форда, чтобы узнать, существует ли какая-нибудь перспектива получить индивидуальный исследовательский грант сейчас, когда они отказались от отделения общественных наук. (Я четко обозначил, что это был мой запрос, не Ваш, но даже в этом случае он был безуспешен. Я должен отметить, что они всячески демонстрировали желание помочь в предоставлении гранта, если бы только это было возможно. Они просто связаны своими собственными нормами и правилами.)

Сейчас, когда вариант с Фордом ни к чему не привел, я беру на себя смелость попробовать другие ходы. Во всяком случае, я должен получить информацию к десятому числу этого месяца. Основное впечатление, которое у меня сложилось, заключается в том, что существует много перспектив получения индивидуальных исследовательских грантов для подготовки к изданию готовящихся книг, предоставляемых в области гуманитарных наук. Но кажется, что в области общественных наук существует совсем немного подобных грантов. Если бы только было возможно выяснить, какие из более «мелких» фондов предоставляют гранты второго рода, я уверен, вопрос был бы сразу же урегулирован. Но никто из тех, с кем я говорил, — обрисовывая ситуацию в общих словах и не упоминая имен, — не смог направить меня в один из таких фондов. Я нахожу, что мир американских фондов — не столько страна чудес, сколько пустыня. Трудно найти выход.

Если Вы согласитесь потерпеть, я бы хотел попробовать другие возможности, хотя бы ради удовлетворения собственного любопытства. Должны же существовать фонды, которые предоставляют секретарскую и иную подобную помощь выдающимся исследователям в области общественных наук. С наилучшими пожеланиями,

Ваш Роберт Мертон

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
4 мая 1959
Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Примите мою сердечную благодарность за Ваше добрейшее письмо и за все те усилия, которые Вы предпринимали в моих интересах. Вне зависимости от того,

принесут они результат или нет, я глубоко ценю их. Однако я не хочу, чтобы Вы продолжали загружать себя этой задачей, хотя какой-нибудь финансовый грант и мог бы быть полезным для моей работы, но, тем не менее, он не является решающим фактором. До тех пор, пока не вмешается мой возраст, я еще смогу продолжать, по крайней мере, одну из двух упомянутых мною работ. В самом худшем случае я могу попросить помочь в этом вопросе Лилли Эндоумент, и я вполне уверен, что какая-то помощь от них придет.

Что же касается моих расходов на жизнь, если доллар не будет сильно обесцениваться, то мы с моей женой сможем жить так же, как и жили до выхода на пенсию. (Оба моих сына теперь живут самостоятельно и не нуждаются в дальнейшей поддержке с моей стороны.)

Я только что вернулся из короткой трехдневной поездки на конференцию и чтение лекций в Йельском университете; затем — еще одно выступление в Принстонском университете и после — прием и беседа с министром труда господином Митчеллом и его заместителями. После двухчасового выступления, главным образом, о моих взглядах и теориях по поводу современного состояния мира, меня попросили выступить с лекцией и ответить на вопросы перед сотней высших должностных лиц департамента труда. Вся поездка заняла около шести дней, и сейчас я вернулся.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
9 ноября 1959
Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Спасибо за экземпляр Вашего «Социального конфликта». Я читаю его с интересом и нахожу, что согласен с основными моментами Вашей статьи.

В отдельном конверте я высылаю Вам экземпляр моей и Лундена небольшой работы «Власть и нравственнность». Я надеюсь, что Вы найдете в ней некоторые свежие идеи в противовес довольно избитой литературе современной политической науки и политической социологии.

«Причуды и недостатки», которые Вы упоминаете в своей статье, уже были изданы в испанском и французском переводе, а немецкий и японский переводы готовятся к выходу. Два дня назад я получил экземпляр нового издания моей «Социальной мобильности» с дополнительной сотней страниц, посвященных мобильности культурных феноменов в пространстве. На той неделе я получил индийское издание моей «Американской сексуальной революции» (которая уже вышла в свет на японском, шведском и испанском).

В августе я сделал две магнитофонных записи моих лекций в рамках серии записей лекций, осуществленных фирмой «Кампус Ворлд»[1]. До окончания года я ожидаю

[1] Компания “Campus World” осуществляла записи лекций известных ученых.

получить испанское издание моей книги «Общество, культура и личность» и, возможно, моей «Социальной и культурной динамики». Не упоминая нескольких статей, всё это подводит итоги моим публикациям в этом году.

В сентябре я был вынужден лечь в больницу по причине острой анемии, которую обнаружили доктора. Через восемь дней меня выписали и прописали инъекции с содержанием железа. Они мне очень помогли, и в настоящее время моя кровь совершенно в норме. Эта анемия помешала мне поехать как гостевому профессору в Валей Стейт Колледж в Сан-Фернандо и в другие колледжи и университеты в Калифорнии; но я, возможно, поеду туда в феврале или марте, если мое здоровье будет удовлетворительным.

Таков краткий обзор моей «бумагомарательной» деятельности и моего здоровья на сегодняшний день.

Наилучшие пожелания госпоже Мертон и остальным членам семьи.

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
6 декабря 1960
Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест Драйв
Гастингс-на-Гудзоне 6
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый профессор Мертон!

Сердечное Вам спасибо за дружеское послание. Мои чувства сродни Вашим. Я всегда испытывал смешанное чувство гордости и уважения к Вашим достижениям.

Мне очень жаль, что не смог Вас увидеть на социологической сессии, где я пробыл всего лишь несколько часов и 30 апреля улетел на 19-й Международный социологический конгресс в Мексику, где я выступил с двумя основными докладами «В поисках интегральной системы социологии» и «Конвергенция США и СССР». По решению конгресса и редакторов «Zeitschrift für Politik»[1], “Journal of Comparative Sociology” и «Revista Mexicana de Sociologia»[2] эти доклады, кроме того, что они будут опубликованы в материалах конгресса, также будут опубликованы в этих журналах в качестве статей и выйдут отдельными брошюрами на испанском и английском языках.

Кстати, такое отношение к моим докладам резко контрастирует с тем, как отнеслись к моему докладу «Вариации спенсерианской темы в милитаризованном и индустриальном обществах» в АСА. Как Вы, возможно, знаете, я не планировал принимать участие в сессии, но профессора Беккер и Чамблис неоднократно настаивали на моем докладе. Как тоже, возможно, знаете, доклад привлек наибольшую аудиторию на сессии и был встречен с наибольшим энтузиазмом. Думая, что этот доклад являлся ведущим, я послал его в «Американское социологическое обозрение». Недавно этот материал вернулся от нынешнего редактора «Обозрения» без всяких объяснений. Я отнесся к этому решению с философским спокойствием

[1] «Политический журнал» (нем.).

[2] «Мексиканский социологический журнал» (исп.).

и даже с юмором, не протестуя и без раздражения. Вполне возможно, что упомяну об этом интересном факте в моей автобиографии, над которой я сейчас работаю.

Помимо этого, несколько статей и 4–5 переводов моих книг вышло в этом году, достигнув 40 в их общем количестве. В этом году я читал лекции в 15 американских университетах и колледжах, кроме того, получил приглашения от большого числа других университетов в этой стране, Индии, Мексике, Турции и других странах. Некоторые из этих университетов предлагали мне по 25000 долларов за два семестра в качестве гостевого профессора. Пока что я отклонил все эти приглашения, за исключением университетов Южной Каролины и Флориды, где я хотел бы провести отпускные зимние месяцы с оплатой расходов. Прошлое лето я провел в Калифорнии.

Госпожа Сорокина и сыновья продолжают свои научные исследования. Сергей работает младшим преподавателем в медицинской школе Гарварда, Петр — физик в Ай-Би-Эм[1]. Несколько недель назад он сделал заметное открытие — изобретение нового поля физики, оптического MASER. В следующем номере «Физического обозрения» появится его статья, описывающая открытие, после чего, может быть, оно найдет отражение и в общей прессе. Пока же юристы Ай-Би-Эм оформляют патент на это изобретение, а его зарплата увеличилась на 2000 долларов.

С моими и Елениными наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
23 декабря 1960

Уважаемый Питирим!

У меня странное чувство, что быстро сделанная мною опечатка — это намек на длинное и путаное письмо, которое может стать испытанием Вашего терпения. На самом деле, может Вашего терпения и не хватит дочитать его до конца. Как бы то ни было, я обдумывал его в течение последнего часа и, в конце концов, поддался импульсу и решился написать, своими разбросанными мыслями и пометками рискуя чересчур обременить Вас.

Причина, сподвигнувшая меня, следующая: сейчас почти уже семь утра и первые лучи солнца уже заблестели над Палисадами (не знаю насколько Вы знакомы с окрестностями Гастингса, в котором мы проживаем с тех пор, как вернулись из Нью-Орлеана в эту часть страны почти 20 лет назад. Я должен объяснить, что Палисады — это скалистая часть западного берега Гудзона, простирающаяся почти на 15 миль. Мой стол очень удачно расположен напротив окна с открывающимся чудным видом, и я встречаю каждый день, уверенный в божественной красоте природы). Три часа назад я сидел за столом с твердым намерением написать главу в учебник, который

[1] В ноябре 1960 года Петр Питиримович Сорокин с коллегами создал первый урановый лазер, второй вид лазера вообще. В 1984 году Петр Сорокин стал лауреатом Премии Харви за крупный вклад в развитие квантовой электроники и лазеров. Премия Харви (Harvey Prize) — международная премия в области технических наук, ежегодно присуждаемая Технионом (Хайфа) ученым за выдающиеся достижения в области медицины, естественных и гуманитарных наук.

я редактирую; моя первая попытка была подготовить методическое пособие для студентов, эта же книга пишется по скучному предмету, обычно определяемому как «Социальные проблемы». Крайний срок предоставления книги — 1 января, иначе мне придется отложить ее на целый год, не говоря уже об ответственности перед десятком соавторов. Но, вместо того чтобы приступить к написанию главы, о чем я «твердо» решил, я взял книгу, которую только вчера получил, и забылся в ней вплоть до сего момента. Эта книга — письма Зигмунда Фрейда под редакцией его сына Эрнеста.

Конечно же, я в курсе Ваших устойчивых сомнений в истинности и значении работ Фрейда, однако, даже будучи Вашим учеником, я не разделяю существенной части Вашей критики. Тем не менее, я возьму на себя смелость послать Вам экземпляр «Писем...» с надеждой, что, может быть, они пополнят Ваше ночное чтиво. Тем более что в центре внимания в этой подборке писем не работы Фрейда, а качества человека. И какова бы ни была оценка идей, я думаю, что не может быть сомнений в монументальности личности Фрейда, которая проступает из его писем значительно явственнее, чем из объемной, подробной, но бесконечно плоской и неинтересной биографии Джоунса[1]. Так, по крайней мере, мне показалось. Читая письма, я вспомнил то счастливое обстоятельство, что Вас убедили написать автобиографический фрагмент для готовящейся книги, именно поэтому, как я полагаю, я и решил Вам написать о письмах Фрейда. Оставляя в стороне различия в мыслях, я почти не сказал о различиях в доктринах, не думаю, что Вы оспорите ВЕЛИЧИЕ Фрейда, его неустанные и нарастающие усилия исследовать новую область, которая, хотя и затрагивалась иногда, но не была подробно систематизирована. И это много значит для тех из нас, кому повезло быть частично современниками и знать, хотя бы немного, об этом человеке, который проделал такую важную для нас и громадную работу. По тем же причинам я призываю Вас расширить и углубить Вашу автобиографию настолько, насколько позволят время, энергия и интерес. Я, конечно, не знаю, какой масштаб «самоистории» Вы выбрали для Вашей автобиографии. Возможно, Вы уже сделали то, к чему я Вас сейчас призываю. Но, в том случае, если Вы решили ограничиться только самыми крупными событиями, определившими развитие, я, как навсегда обязанный Вам студент, прошу Вас подумать о возможности расширения насколько возможно сферы Вашей автобиографии. Конечно же, написанная Марианной Вебер биография ее мужа подготовлена всеобъемлюще, но, с точки зрения тех, кто никогда его не знал, она может показаться неинтересной, косной и неуклюжей. Дюркгейм более известен нам не как человек, а как социологическая машина, способная вторгнуться на территорию, на которую многие заглядывали, но только он умел найти силы освоить ее. Кули был застенчивым, работящим и честным человеком, но, в итоге, даже те, кто уважали его, признавали, что о нём просто нечего сказать. Он был по понятным причинам переоценен, поскольку был одним в пустыне американской социологии и поэтому все были ему признательны, что кто-то хоть как-то выделяется из массы карликов зарождающейся дисциплины. Самнер был куда более личностью, но страдал проблемой следования тем принципам, о которых сам заявлял. Список можно продолжать, но пока что все они были фигурами из папье-маше, в основном, в силу собственной ограниченности, но также и ввиду почти полного отсутствия материала в автобиографии. Здесь лучше остановиться, а то уже попадаю под влияние того, что

[1] Альфред Эрнест Джонс (1 января 1879 — 11 февраля 1958) — уэльский невропатолог, психоаналитик и официальный биограф Зигмунда Фрейда.

пишу. Надеюсь, что мои усилия не пропали даром, и Вы существенно пересмотрите краткость Вашего автобиографического фрагмента.

Подытоживая мою повторяющуюся просьбу, я напомнил себе, и не без причины, высказывание, которое приписывают молодому дарованию норвежских математиков Нильсу Абелю, смерть коего в 29 лет прервала цепь выдающихся открытий. На полях своих математических записей в дневнике он с восхищением пишет о Лапласе: «Я думаю, чтобы достичь прогресса в математике, надо учиться у мастеров, а не у учеников». Дюркгейм сказал что-то подобное в отношении социологии. (Недавно я обратил внимание, как нельзя кстати, что Тед Абель, перефразируя высказывание своего великого однофамильца, отметил, что даже случайное наблюдение, сделанное великим человеком, заслуживает внимания.) Но знать работы мастера — недостаточно, важно также знать что-то о его плоти и крови, за исключением тех немногих учеников, которым довелось узнать о мастере, да и то, только то, что он выбрал для них.

После всех своих намеков на Вашу книгу, я должен сделать признание. Когда Аллен обратился ко мне написать главу для его книги, я с большим энтузиазмом согласился[1]. Причем, по признанию Аллена, именно мой энтузиазм вдохновил его начать этот новый для него проект. Моя глава будет о Ваших работах в области социологии науки. Одновременно Аллен обратился к Барберу написать сопутствующую работу о Вашей социологии знания. Я высказал свое сомнение правомерностью такого разделения. Действительно, в некоторых Ваших наблюдениях Вы отмечаете особенности социального контекста науки. Но самая значительная и с неизбежностью наиболее важная часть Вашей теории в социологии знания, конечно же, относится к особым областям знания, содержащимся в науке (технологии). Аллен оказался очень восприимчивым к моим замечаниям. Он тут же согласился и должен переговорить с Барбером, чтобы писать совместную главу, иначе не избежать повторений. Вот всё, что касается предшествующих событий, теперь же, с некоторой болью, к моему признанию. Барбер уже закончил черновик главы, но я еще не сумел расширить и отредактировать ее до должного состояния. Что еще хуже, я не вижу возможности обратиться к этому до конца января. Причина такой долгой задержки не делает мне чести. Вы, конечно же, не могли знать, что всю свою взрослую жизнь я страдал очень долгой подготовкой к написанию любой научной работы. На то, что другие ученые делают в течение дней, у меня уходят недели, что у других занимает недели, у меня занимает месяцы. Когда я говорю о конце января, я имею в виду то, что мне необходимо закончить главу, о которой я упоминал в начале этого путаного письма, которая уже очень просрочена, и которую я должен представить издателю в начале года, чтобы не нарушить издательского процесса на целый год. Не позднее этого я должен подготовить материал для заседания Американского философского общества, посвященного 400-летию со дня рождения Бэкона. Конечно же, эту работу я уже давно выносил в своих мыслях. Это работа, связанная с социологией науки, к которой я обращаюсь периодически буквально в течение вот уже 25 лет, и только сейчас я осознал, что разбираюсь здесь достаточно хорошо. Как бы то ни было, каждый свободный момент в январе я задействую для написания главы. Хотя январь с его избытком докторских и других экзаменов, оставляет совсем мало времени

[1] *Merton R. K. and Barber B.* Sorokin's Formulations in the Sociology of Science // Pitirim Sorokin in Review / ed. by P. J. Allen. Durham, N.C. : Duke University Press, 1963.

для «своей работы». Как я написал Аллену, я не при каких обстоятельствах не хочу задерживать публикацию книги о Вас. Учитывая мое расписание и необходимость подготовки главы для книги для ее своевременного выхода, получается так, что я не смогу присоединиться к тем, кто освещает Ваш прижизненный вклад в науку. Это и есть мое признание; mea culpa[1], которая ничем не умаляется, за исключением, может быть, ограниченности моего духа.

Когда Вы мне написали о предстоящем объявлении открытия Вашего сына, Петра, я не представлял очевидной значимости его вклада. С тех пор же «Таймс» переполнена подробными уважительными статьями, указывающими на существенность природы его открытия для всего прогресса. Если обыденные граждане могут лишь хранить важное молчание на этот счет, то глава нашего департамента физики, специалист в области MASER, расценивает открытие Петра, как поистине выдающееся. Это, должно быть, доставляет госпоже Сорокиной и Вам истинное наслаждение. В королевство науки многие позваны, но лишь единицы избраны.

Я не нахожу подходящих слов, чтобы выразить мое негодование по поводу отклонения Вашей статьи о Спенсере «Американским социологическим обозрением». Конечно же, для Вас это не имеет никаких последствий, да и каковы они могут быть? Но даже мысль о том, что это произошло, оставляет у меня неприятный осадок. Следующее, что можно от них ожидать, это то, что «Социальная мобильность» безвестного гарвардского социолога Питирима Сорокина не получит даже обычной рецензии. Блошиные укусы нельзя воспринимать всерьез, но они раздражают.

Но и мне пора заканчивать. С надеждой, что Вы всё-таки добрались до этой части письма, мне хотелось бы привести короткие выдержки из писем Фрейда. В 1901 году он пишет Елизе Гомперс, жене Гейнриха, который пытается убедить министра дать Фрейду профессорство: «Если это содержание и направление моей работы, в которой, согласно Экснеру, определенные круги найдут „над чем посмеяться“, тогда, по крайней мере, я узнаю, что ей мешает и смогу решить поменять направление либо сменить название. Путь совершенствования не должен быть закрыт заблудшим душам. Или же, до того как я пришел к этому решению (здесь я уже слышу иронию), не будет ли Ваш муж, Хофрат Гомпес, для которого не чужд научный мир, столь любезен обратить внимание его Величества на то, сколь мало правды в насмешках кругов, мне неизвестных, и как часто забывчивое человечество пыталось высмеять идеи, которые в один день оно вынуждено частично или полностью признать? Сейчас я слышу, что моя деятельность только раздражает людей, и я нахожу это вполне понятным, такой первая реакция и должна быть» (с. 243–244).

И снова, в 1907 году, Юнгу: «Не беспокойся, всё будет нормально. Ты доживешь до этого дня, даже если я не доживу. Мы не первые, кто вынужден ждать, пока человечество поймет наш язык. Я всегда думаю, что у нас значительно больше скрытых последователей, чем мы знаем; я уверен, Вы не будете в одиночестве на конгрессе в Амстердаме. Каждый раз, когда над нами смеются, я убеждаюсь, что мы владеем чем-то выдающимся. В некрологе, который Вы в свое время напишете мне, не забудьте указать, что были свидетелем, как всей оппозиции ни разу не удалось заставить меня отречься от моей цели» (с. 254).

Поздравления с новогодними праздниками от всех моих всем Вашим.

Роберт Мертон

[1] Моя вина (лат.).

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Колумбийский университет, департамент социологии
3 октября 1961
Доктору Питириму Сорокину
8 Клифф Стрит
Винчестер, Массачусетс

Дорогой Питирим!

Я встретился с профессором Лазарсфельдом после его возвращения из Парижа всего лишь на несколько минут и пишу это письмо от его и своего имени, чтобы посодействовать решению вопроса.

Во-первых, мы хотим поблагодарить Вас за приглашение в Зальцбург на международный конгресс, начинающий работу на следующей неделе. Если бы у нас была хоть малейшая возможность оставить университет на это время, мы бы, конечно же, это сделали. Но учитывая, что начинаются первые недели нового семестра, это просто нереально. Мы передаем Вам пожелания самого большого успеха конгрессу и с нетерпением ждем его рабочие материалы.

Конечно же, сама мысль о том, что Вы выступите с докладом на сессии АСА в 1962 году, нас радует. Я взял на себя смелость уже включить Ваш доклад в программу секции, в которой я председательствую. Программа еще окончательно не определена, и мы можем обсудить Ваш доклад уже после Вашего возвращения из Европы. Я особенно рад тому факту, что Вы примете участие в работе нашей секции.

Что касается пятого конгресса Международной социологической ассоциации, то ни я, ни профессор Лазарсфельд не имеем отношения к формированию его программы. Насколько я понимаю, программой занимается программный комитет во главе с генеральным секретарем МСА Пьером де Би. Я уверен, он будет рад получить от Вас известия и сделать всё, что необходимо.

Еще раз благодарю Вас за письмо и желаю приятного путешествия. Надеюсь скоро Вас услышать. Искренне,

Роберт К. Мертон

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
6 октября 1961
Профессору Роберту К. Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый профессор Мертон!

Я очень благодарен за включение моего доклада в работу Вашей секции. Передайте также мои приветствия профессору Лазарсфельду. Не будете ли так добры подсказать, к какому аспекту тематики секции Вы хотели бы отнести мой доклад и каким он должен быть по продолжительности? Со своей стороны, как пример эффективности воздействия и практического применения теории, я хотел бы рассмотреть, как мне кажется, наиболее глубокий эффект влияния социальной теории

на практику: правые и неправые общественные теории, такие как марксизм, фрейдизм, позитивизм, теории Джона Локка, Адама Смита, Гитлера и так далее. Эта форма практического воздействия различных социологических теорий, философий и идеологий требует, по крайней мере, очень четкой систематизации.

Следуя Вашему совету, я одновременно обращаюсь к доктору Де Би с тем, чтобы выяснить возможность моего более активного участия в международном конгрессе. Через несколько часов я вылетаю в Зальцбург. Подробности моего доклада можно будет получить по возвращении с конгресса 16 октября.

Вместе с госпожой Сорокиной направляем Вам и Вашей семье наилучшие пожелания. Преданный Вам

П. А. Сорокин

P. S. Если будете в наших краях, мы были бы рады видеть Вас у нас дома и отужинать с бордо или бургундским.

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
11 января 1962

Дорогой Питирим!

Я сконфужен первой частью Вашего послания. Дело в том, что я не получал письма, на которое Вы ссылаетесь, нет необходимости поэтому говорить о том, что Вы не получили на него ответа. Я единственно могу предположить, что, либо оно не дошло до моего офиса, либо пришло тогда, когда мой секретарь уже уволился и письмо куда-то положили. Естественно, мой новый секретарь письмо найти не смог. Примите мои глубочайшие извинения за доставленные хлопоты.

Я рассчитываю на Ваш доклад на моей секции Американской социологической ассоциации по многим причинам. Председательствовать на секции, где Вы будете выступать с докладом — очень почетно; помимо важности предмета Вашего доклада, я всегда помню, что я Ваш ученик сейчас, как и много лет назад. Кроме того, как я, так и аудитория секции проявляют большой интерес к развиваемым Вами идеям. Этого более чем достаточно, чтоб принять Ваш доклад на секции. Безусловно, будет очень интересно услышать Ваш анализ «практических влияний» абстрактных теорий, тематика эта еще очень слабо анализируется глубоко и систематически, хотя время от времени и появляются отдельные работы историков, затрагивающие эту тему. Наконец, Ваш доклад полностью соответствует тематике конгресса этого года, а именно ИСПОЛЬЗОВАНИЕ социологии, не в узком прагматичном смысле, а в более широком и диверсифицированном смысле влияния идей на интеллектуальную и прикладную стороны жизни общества.

Я буду очень рассчитывать на Ваш доклад. Если Вам потребуется для изложения Ваших идей и материала 40–45 минут, я буду рад организовать Вам это время, хотя в других секциях установленная продолжительность докладов меньше. Но я не хочу, чтобы Вы чувствовали какое-либо ущемление во времени.

У меня есть лишь небольшие предложения и Вам самому решать, в какой мере ими воспользоваться. Они касаются названия доклада «Глубочайшее практическое влияние абстрактных социологических теорий». Я, конечно, не знаю, какие именно

влияния Вы собираетесь излагать. Я только предполагаю, что это могут быть институциональные, организационные, возможно, политические, экономические и подобные влияния. Как бы то ни было, Вы, по всей видимости, не хотите ограничивать название идеологическими влияниями. Если это так, то я предложил бы название, которое, как мне кажется, будет более правомерным для содержания Вашего доклада. Например, «Основные социальные воздействия абстрактных социологических теорий», или «Фундаментальные социальные последствия...», или «Основные последствия АСТ для общества и культуры».

Через несколько дней я уезжаю в Чили на две недели. Это моя первая поездка в Южную Америку и я ожидаю ее с большим нетерпением. По возвращении в феврале я начну заниматься программой секции, и я буду более чем рад это делать, зная, что Вы будете принимать участие в ее работе. Пока же я займусь качеством других докладов, хотя не понятно, что я могу с ним поделать.

С наилучшими пожеланиями, Ваш
Роберт К. Мертон

P. S. Каким-то чудесным образом, Ваш доклад совершил вокруг меня магический круг. Мне помнится, около 25 лет назад, в 1928 или 1929 году, Социологическое общество собиралось в Вашингтоне. Тогда, будучи студентом младших курсов колледжа, я принял участие в его сессии. Это бы мой первый опыт. Именно тогда я услышал Ваш доклад о современных идеях Хорнелла Харта. В результате я принял для себя два решения: во-первых, что я посвящу себя социологии и, во-вторых, что пойду в аспирантуру под Ваше руководство.

П. А. Сорокин — Р. К. Мертону
13 апреля 1962
Профессору Роберту Мертону
111 Пайнкрест Драйв
Гастингз-на-Гудзоне
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый Роберт!

Высылаю машинописную копию доклада, который планирую представить на заседании Вашей секции Американской социологической ассоциации. Ограниченный во времени и пространстве, он представляет небольшое эссе, которое, тем не менее, приводит существенные доказательства практических последствий воздействия общих социологических теорий.

Я надеюсь, что Вы найдете его приемлемым для Вашей секции. Наверно, профессор Ганс Зеттерберг уже сообщил Вам, что «Бедминстер Пресс» в конце месяца готовит новое издание моей «Динамики...». Я получил образцы переплета и обложки, которые выполнены с большим вкусом.

Профессор Аллен, по-видимому, Вам написал, что получил от меня «Ответ...» на ваше с профессором Барбером замечательное эссе для его книги, которая сейчас уже готова, на ее издание подписан контракт с «Дюк Юниверсити Пресс» и в конце этого года или в конце следующего она должна выйти в свет.

Наряду со всем прочим в последнем выпуске «Saeculum» его редактор, доктор Оскар Келер, опубликовал подробный отчет о Первом международном конгрессе сравнительных исследований цивилизаций, который прошел в Зальцбурге в октябре прошлого года[1], и сопроводил отчет двумя прекрасными фотографиями меня и Тойнби. Как мне сообщили, в следующем номере «Saeculum» должна выйти статья о моих теориях с подробной библиографией моих работ и с краткой библиографией работ обо мне. Это один из лучших исторических журналов, который обращает внимание историков на мои исследования. Профессор Тириакьян сообщил мне о том, что подписал контракт на том юбилейного сборника с «Фри Пресс Оленкоу» и этот труд должен выйти в течение года. Переводы моих работ продолжаются и на данный момент их число достигло 42.

Мне удалось получить 5000 долларов на издание рабочих материалов первого международного конгресса в Зальцбурге и ряд европейских историков уже готовят свои статьи для него.

Вы как-то упомянули, что, может быть, будете в наших краях. В таком случае, мы были бы рады видеть Вас у нас дома и побеседовать.

Наш сад, если не помешает изменчивая погода, в этому году должен быть очень хорош.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
П. А. Сорокин

Р. К. Мертон — П. А. Сорокину
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
6 октября 1963

Дорогой Питирим!

Будучи новой жертвой эпидемии гриппа, я уже три дня наслаждаюсь домашним уютом. К счастью, новый выпуск «Американского социологического обозрения» с хорошей рецензией на работу «Питирим Сорокин в обозрении» застал меня во время постельной осады. Так случилось, что я не знаком с рецензентом Чарльзом Тилли, но ему без сомнения удалось передать дух, содержание и значимость объекта, которому она посвящена. С честностью должен признать, что особое удовольствие мне доставило то, что автор подметил ряд ограничений РКМ-ББ[2] книги о ПА, свидетельствующее о признании автором глубокой серьезности, с которой мы писали эту книгу. Как я уже отмечал на встрече Восточной конференции, этот период является периодом продолжающегося празднования ренессанса ПАС.

До сих пор я не писал Вам о том, что поздравил членов Американской социологической ассоциации за способность коллективно признать общий абсурд и близорукость последних двадцати лет. Написав об этом, значило бы, что я хотя бы

[1] В 1960 году в Зальцбурге по инициативе западноевропейских ученых было создано «Международное общество сравнительного изучения цивилизации». П. А. Сорокин был избран его первым президентом. В 1961 году состоялся первый съезд этого общества.

[2] Имеется в виду работа Роберта Кинга Мертона и Бернарда Бабера, посвященная П. Сорокину: *Merton R. K. and Barber B.* Op. cit.

на минуту усомнился в этом событии, но это не так, и это моя официальная позиция. Будьте снисходительны, не как Фарадей, Спенсер, Веблен, Д'Арси Вентворт Томпсон, судья Холмс и бесчисленное множество других, которых современники воспринимали как данность и по настоящему оценили их только десятилетия спустя; не говорите ни слова об абсурдной задержке в должном признании. (Да простите Вы их, обращаюсь как сын пролетария к сыну крестьянина с просьбой о благородном снисхождении.) Во всяком случае, épater le bourgeois[1], продемонстрировав, что в свое свободное время Вы можете передать административные дела администраторам Ассоциации, так же, как Вы организовали памятное годовое собрание Ассоциации.

Это был день, когда я выразил всё вышесказанное. Мой поклон Елене.

Ваш Роберт Мертон

Пер. с англ. П. П. Кротова

[1] Фраза, ставшая лозунгом французских поэтов, представителей декадентского движения в конце XIX века, означавшая «шокируйте мещанина».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н. А. Ащеулова, С. А. Душина

XXVI сессия Международной школы социологии науки и техники: социология науки в XXI веке и идейное наследие Р. Мертона

1—3 ноября 2010 года в малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук состоялась очередная XXVI сессия Международной школы социологии науки и техники «Наука, технологии, инновации в XXI веке: взгляд сквозь призму социологии».

Сессия была подготовлена Центром социолого-науковедческих исследований СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН (http://ihst.nw.ru/), Советом по науковедению и организации научных исследований Санкт-Петербургского научного центра РАН (http://www.spbrc.nw.ru/), 23 исследовательским комитетом социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации (The Research Committee on the Sociology of Science and Technology of International Sociological Association — RC23 of ISA (http://www.dsa-ateneo.net/rc23/).

В работе сессии приняли участие представители академических и образовательных учреждений, научных фондов, консультационно-экспертных отделов и координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Совете при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию: академики, профессора, доценты, научные сотрудники, аспиранты и студенты. С первых лет существования Школе был свойственен ярко выраженный межпоколенческий характер. Нынешняя сессия — не исключение, однако отмечался сдвиг возрастной шкалы в сторону старшего возраста, что является, пожалуй, отражением общей ситуации в отечественной науке. Всего в работе сессии участвовало более 200 человек, из них 4 — академики и члены-корреспонденты РАН (академик Е. Б. Александров, академик Н. Н. Никольский, член-корр. РАН И. И. Елисеева, член-корр. РАН В. В. Окрепилов); 51 — профессора и доктора наук; 59 — доценты, старшие научные сотрудники, кандидаты наук; 102 — научные сотрудники, аспиранты, магистры и студенты из Санкт-Петербурга, Москвы, Балашова, Воронежа, Волгограда, Новосибирска, Рыбинска. С докладами выступили также ученые из Белоруссии (Минск), Казахстана (Караганда), Польши (Познань), США (Флорида), Индии (Дели).

Программа сессии Школы включала 7 заседаний, на которых было представлено 53 доклада, два заседания за круглым столом: первое — «Науковедческие идеи Р. Мертона в перспективе XXI века. К 100-летию Р. Мертона», второе — «Новые медицинские технологии и их роль в решении социальных проблем»

Архитектоника выступлений выстраивалась вокруг тематического ядра Школы — социологического анализа современной науки. В фокусе внимания оказались проблемы взаимодействия власти и научного сообщества (Е. Б. Александров, А. М. Аблажей, Я. М. Гилинский), институциональной структуры науки и образования, научной политики государства, воспроизводства научно-педагогических кадров и интеллектуальной мобильности (И. Г. Дежина, А. Ю. Азбель, Н. А. Ащеулова, В. М. Ломовицкая, С. А. Душина, Ю. Загваздин, Т. Н. Тихомирова). Серьезное внимание было уделено анализу инновационного потенциала отечественной науки и проблемам его реализации, использованию ИКТ (С. А. Кугель, А. Я. Вуль, Д. Кханна, Е. А. Иванова, Е. З. Мирская, И. Ф. Богданова), исследованию новых тенденций в научном сообществе, обусловленных глобализационными процессами (О. А. Волкова, Г. Г. Дюментон, Н. И. Диденко). Большой резонанс получило освещение актуальной темы оценки эффективности научной деятельности в рамках библиометрического подхода (И. В. Маршакова-Шайкевич).

Понятно, что в год 100-летия Роберта К. Мертона в центре внимания оказались доклады, так или иначе связанные с проблематикой Мертонианы, а также круглый стол — «Науковедческие идеи Р. Мертона в перспективе XXI века. К 100-летию Р. Мертона». Институциональным особенностям науки, рассматриваемым в свете идей Р. Мертона, был посвящен доклад Н. В. Мотрошиловой (Институт философии РАН, Москва), воспринятый с большим вниманием. Н. В. Мотрошилова, коснувшись исторического контекста творчества Р. Мертона, подчеркнула актуальность его идей, в том числе знаменитых норм научной деятельности (CUDOS): «коллективизм», «универсализм», «незаитересованность» и «организованный скептицизм». Она убедительно показала, что они носят, по сути, абсолютной характер, так как исходят из существа самой научной деятельности, по отношению к которой национальность, материальная выгода и прочее оказываются нерелевантными обстоятельствами. В этом смысле формулирование Мертоном правил научного этоса сродни категорическому императиву И. Канта. Следует отметить, что такого рода подход к наследию Р. Мертона в определенной степени противостоит мейнстриму интерпретаций этих норм в отечественной (и не только) социологии науки.

И второе выступление Н. В. Мотрошиловой, в котором анализировалась интереснейшая работа Р. Мертона по социологии науки «Эффект Матфея II», было подчеркнуто актуально. Отталкиваясь от метафоричного библейского положения «ибо каждому имеющему будет дано, и у него будет изобилие, а у не имеющего будет взято и то, что он имеет», докладчик представила специфические способы накопления преимуществ в науке и охарактеризовала особенность интеллектуальной собственности. Само понятие накопления преимуществ связано с особенностями ведения научной деятельности, доступа к ресурсам и получения материального и морального вознаграждения. Н. В. Мотрошилова продемонстрировала, что социальные процессы накопления преимуществ в науке далеки от социальной справедливости, отечественная наука здесь — не исключение. В продолжение этой темы Ю. Загваздин (Juri Zagvazdin) (College of Medical

Sciences Nova Southeastern University, Fort Lauderdale, Florida, USA) точно и емко на примерах из истории медицины проиллюстрировал механику перераспределения благ в пользу «статуса» и «имени».

Этос науки, сформулированный Р. Мертоном, — это не нравы научного сообщества, а нормы-идеалы, на которые оно должно ориентироваться (М. Г. Лазар, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург). Это такие нормы, которые в сетке этических категорий следует соотнести с «должным», в то время как нравы характеризуют реальное положение дел и коррелируют с категорией «сущего». Расхождение «должного» и «сущего» (моральной практики, нравов) — нормальный способ функционирования морали в обществе, оно не означает устаревания норм и ценностей, образующих профессиональную этику современной науки, напротив, свидетельствует о значимости мертоновских принципов как регулятивных идеалов.

Интеллектуальный ландшафт творчества Р. Мертона был дополнен личными воспоминаниями Н. В. Мотрошиловой, С. А. Кугеля, Е. З. Мирской, воссоздавшими не только образ ученого — классика социологии науки, но образ живого человека, «настоящего джентльмена» (И. В. Маршакова-Шайкевич), чрезвычайно внимательного к своим зарубежным коллегам.

В целом следует признать, что состоявшаяся сессия Школы имела продуктивный характер, позволила выявить некоторые современные тенденции развития науки, особенности ее финансирования, обозначить новые проблемы деятельности ученого, «болевые» точки организации современной науки, описать изменения в этосе научного работника, привлечь внимание науковедов к еще не решенным вопросам.

Круглый стол «Основание(я) социологии науки: К 100-летию со дня рождения Роберта Мертона»[1]

7 мая в Конференц-зале Европейского университета (Санкт-Петербург) состоялся круглый стол «Основание(я) социологии науки: К 100-летию со дня рождения Роберта Мертона», организованный факультетом политических наук и социологии ЕУСПб и факультетом социологии ГУ–ВШЭ (Москва). На круглом столе выступили: Екатерина Губа (факультет политических наук и социологии ЕУСПб), Андрей. Кожанов (факультет социологии ГУ–ВШЭ), Михаил Соколов (факультет политических наук и социологии ЕУСПб), Григорий Юдин (факультет социологии ГУ–ВШЭ) и другие исследователи.

На конференции обсуждалось несколько тем, имеющих как историко-теоретический, так и практический характер:

— теоретические источники идей Роберта Мертона;

— основные интерпретации ключевых вопросов и понятий в социологии науки Мертона и пересмотр этих интерпретаций;

[1] Печатается по материалам сайта Европейского университета (Санкт-Петербург). URL: http://www.eu.spb.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2541&lang=ru

— рецепция идей Мертона в социологии научного знания (в том числе в конструктивистской социологии науки);

— современное развитие идей Мертона и перспективы их использования в социологии науки.

Отмечалось, что Роберт Кинг Мертон (1910–2003), открывший для социологии науки тему признания и репутации в академическом мире, за свою долгую жизнь получил все мыслимые символы почтения коллег, включая один из самых редких: на десятилетия его имя стало эпонимом, частью наименования целой научной области («мертоновская социология науки»). При этом теоретические идеи Мертона не только послужили плодотворной почвой для постановки эмпирически проверяемых гипотез, но и стали отправной точкой для критического запала новой социологии науки. Сравнивая его фигуру с Т. Куном, следует отметить не только «переходный» характер его работ, но и огромное множество толкований и интерпретаций, за которыми зачастую сами идеи Р. Мертона остаются незамеченными. Ввиду этого целью данной конференции являлось стимулирование исследовательского интереса к классическим и малоизвестным работам Р. Мертона, стремление взглянуть на наследие социолога-классика сквозь толщу интерпретаций.

SCIENTIFIC EVENTS

XXVI session of the International School for Sociology of Science and Technology and the Mertonian Issues

Nadia A. Asheulova, Svetlana A. Dushina

The XXVI regular session of the International School for Sociology of Science and Technology "Science, Technologies, Innovations in the 21st Century: Looking Through a Sociological Lens" was held in the Small conference hall of the Saint Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences on November 1–3, 2010.

The session was prepared by the Center for Sociology of Science and Science Studies, Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences (http://ihst.nw.ru/); Scientific Council for Science Studies and Research Management, Saint Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (http://www.spbrc.nw.ru/) and the Research Committee on the Sociology of Science and Technology of International Sociological Association — RC23 of ISA (http://www.dsa-ateneo.net/rc23/).

Among participants were academic and educational institutions, research foundations. The Russian President's Council for science, technology and education was represented by consultant and expert departments, as well as the Co-ordination council for youth in science, technology and education. The academicians, professors, lecturers, researchers, post- and undergraduate students came to the session. The School, since its very inception, has attracted participants from all age groups. The recent session was not an exception, though it saw a shift to older generations, which could be attributed to the general situation in the Russian science. There were more than 200 participants. Among them were: four academicians and corresponding members of the Russian Academy of Science (RAS) (academician E. B. Alexandrov, academician N. N. Nikolsky, corresponding members I. I. Eliseeva and V. V. Okrepilov); 51 professors and doctors of science; 59 senior lecturers, senior research fellows, candidates of science; 102 research fellows, post- and undergraduates, masters of science from St Petersburg, Moscow, Balashov, Voronezh, Volgograd, Novosibirsk, Rybinsk. The papers were also presented by contributors from Belarus (Minsk), Kazakhstan (Karaganda), Poland (Poznań), USA (Florida), India (New Delhi).

The session involved seven sittings with 53 papers. There were two round tables:

1). R. Merton's science-studies ideas from the 21st century perspective. To the 100th anniversary of R. Merton's birth. 2). New medical technologies and their role in solving social problems.

Papers were structured around the School's subject core that is the sociological analysis of the present-day science. The attention was concentrated on relationship between the authorities and scientific community (E. B. Alexandrov, A. M. Ablazhey, Ya. M. Gilinsky), the institutional structure of science and education, state science policies, reproduction of academics, intellectual mobility (I. G. Dezhina, A. Yu. Azbel, N. A. Asheulova, V. M. Lomovitskaya, S. A. Dushina, Yu. Zagvazdin, T. N. Tikhomirova). Close attention was paid to the analysis of the Russian science's innovation potential and how to bring it into effect, IT applications (S. A. Kugel, A. Ya. Vul, D. Khanna, E. A. Ivanova, E. Z. Mirskaya, I. F. Bogdanova), exploration of the new trends in scientific community that have been brought about by the globalization processes (O. A. Volkova, G. G. Dumenton, N. I. Didenko). The audience listened with a vivid interest to Irena V. Marshakova-Shaikevich's paper on how to evaluate efficiency of the scientific work with the bibliometric method.

This year marks the 100th anniversary of Robert K. Merton's birth, so it is only natural that the attention should focus on the wide range of the Mertonian issues, as well as the round table "R. Merton's science-studies ideas from the 21st century perspective. To the 100th anniversary of R. Merton". The institutional aspects of science were analyzed by N. V. Motroshilova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow) in the light of R. Merton's ideas. In her paper, which was followed with a keen interest, N. V. Motroshilova looked at the historical context of R. Merton's work, highlighted the significance of his ideas today, including those famous scientific norms (CUDOS): communalism universalism, disinterestedness, and organized skepticism. She presented plausible arguments that they were actually of absolute nature that is they originated from the essence of scientific activity to which the nationality, material advantage, and so on, are irrelevant. In this sense, Merton's formulation of the ethos of science is similar to I. Kant's categorical imperative. It should be noted that this approach to Merton's legacy runs counter, to a certain extent, to the mainstream interpretation of these norms in the Russian (not the only one) sociology of science.

In her second talk, N. V. Motroshilova examined "The Matthew Effect II", R. Merton's fascinating work on the sociology of science. Based on the metaphorical biblical statement "For to all those who have, more will be given, and they will have an abundance; but from those who have nothing, even what they have will be taken away", the speaker demonstrated particular ways of how advantages accumulated in science. She also showed distinctions of the intellectual property. The notion of accumulated advantage is connected with specific features of scientific work, access to resources, material and moral reward. N. V. Motroshilova made clear that social processes of the accumulated advantage in science were far from social justice, and the Russian science was no exception. This topic was also illustrated by Yuri Zagvazdin (College of Medical Sciences Nova Southeastern University, Fort Lauderdale, Florida, USA) with his vivid examples from the history of medicine of how benefits had been redistributed in favor of the status and fame.

The ethos of science formulated by R. Merton is not the mores of the scientific community but the norms as ideals to be adhered to (M. G. Lazar, Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg). These are the norms that within ethical categories must be correlated with "as should be" whereas the mores reflect the real situation and correlate with the category of "being, reality". The discrepancy between these "ought" and "is" (moral practice, mores) is a normal way of how morality functions in a society, it does not mean that norms and values, which form the professional ethics in the present-day science, become obsolete; on the contrary, it points to the significance of the Mertonian principles as the regulatory ideals.

The intellectual scenery of R. Merton's work was supplemented with personal recollections from N. V. Motroshilova, S. A. Kugel, E. Z. Mirskaya that restored not only the image of a scientist, a classic of the sociology of science, but the image of a human being, a "real gentleman" (I. V. Marshakova-Shaikevich) who had been very attentive to his foreign colleagues.

On the whole, the School's session was productive, it helped to identify some current trends in the development of science, the ways of its funding, new issues in the scientists' work, "sore points" in the organization of modern science, to describe changes in the ethos of scientists, to attract attention of science scientists to the problems unsolved.

The Round table of the European University at St Petersburg (EUSP) "Foundations of Sociology of Science: the 100th Anniversary of Robert Merton"[1]

May 7, a Round table organized by the EUSP Department of Political Science and Sociology and the Department of Sociology of the Higher School of Economics was held at the EUSP Conference Hall

Robert King Merton (1910–2003) the "discoverer" the meaning of recognition for the academic world, in his long life he received all of conceivable symbols of respect of his colleagues, including one of the rarest: over the decades his name became a part of the title of an entire academic field (Merton Sociological Science).

However, the theoretical ideas of Merton not only ensured the productive soil for the planting of empirical examinations of hypotheses, but also became the departure point for the critical ignition of a new sociological science. Comparing him with Thomas Kuhn, one must notice not only the "transitional" character of his work, but also the enormous quantity of theories and interpretations, for which the very ideas of Robert Merton go unnoticed. In response, when reading Robert Merton has become clearly unpopular, and discussing him very easy, the conference proposes to discuss several topics, stimulating interest (as historical-theoretical, as well as "practical"), about both the classic and not very well-known works of Merton:

— the theoretical references of the ideas of Robert Merton;

— the basic interpretations of keys questions and understandings in the sociological science of Merton and a reconsideration of these interpretations;

— the reception of the ideas of Merton in sociological scientific understanding (particularly in constructivist sociological science);

— the contemporary evolution of the ideas of Merton and the perspectives of its use in sociological science.

Discussants:

Ekaterina Guba (Department of Political Science and Sociology of the EUSP)

Andrei Kozhanov (Department of Sociology of the Higher School of Economics)

Mikhail Sokolov (Department of Political Science and Sociology of the EUSP)

Grigorii Iudin (Department of Sociology of the Higher School of Economics)

---

[1] European University at St Petersburg (EUSP) URL: http://www.eu.spb.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2541

Информация для авторов и требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Социология науки и технологий»

Социология науки и технологий

Sociology of Science and Technology

Единственный в России научный журнал, специализирующийся на проблемах социологии науки и технологий.

Журнал учрежден в 2009 г. и издается под научным руководством Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. Учредитель: Издательство «Нестор-История». Издатель: Издательство «Нестор-История». Периодичность выхода — 4 раза в год. Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-36186 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 7 мая 2009 г.

Журнал публикует оригинальные статьи на русском и английском языках по следующим направлениям: наука и общество; наука и политика; научно-технологическая политика, коммуникации в науке; мобильность ученых; демографические аспекты социологии науки; женщины в науке; социальные позиции и социальные роли ученого; оценка деятельности ученого и научных коллективов; наука и образование; история социологии науки, социальные проблемы современных технологий и др.

Публикации в журнале являются для авторов бесплатными.

Гонорары за статьи не выплачиваются.

Требования к статьям:

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. Статьи могут быть представлены на русском или английском языках. Статьи должны быть представлены в формате Word. Объем рукописи не должен превышать 1,5 п.л. (60 000 знаков). Шрифт Times New Roman, размер 12 pt, интервал 1,5, размещение — по ширине, название статьи — жирным по центру, ФИО — в правом верхнем углу; в сносках — 10 pt, через один интервал), сохраняется в формате .doc или .rtf (форматы .docx и .odt не принимаются). Фотографии и рисунки подаются в отдельных файлах формата .tif или .jpg. Объем материалов по разделам «Рецензии» и «Хроника научной жизни» — до 0,3 п.л. (не более 12 тысяч знаков).

2. Сокращения и аббревиатуры допустимы, но при первом упоминании в тексте должно стоять полное название с указанием в скобках ниже используемого сокращения. Цитаты из других источников заключаются в кавычки, и дается ссылка с указанием номера страницы (или архивной единицы хранения). Пропуски в цитате обозначаются отточиями в угловых скобках: <...>, уточняющие слова и расшифровки даются в квадратных скобках.

3. Список литературы в алфавитном порядке и без нумерации помещается в конце статьи. Названия журналов пишутся полностью, указываются том, номер (выпуск), страницы для книг — город, издательство, год, количество страниц. Для сборников необходимо указывать ФИО редактора.

Пример оформления литературы: Андреев Ю. Н. Потенциал взаимодействия регионов и федеральных органов власти в научно-технической сфере // Наука. Инновации. Образование. М. : Парад, 2006. С. 320–335.

4. Ссылки на литературу даются в тексте статьи. В круглых скобках указывается фамилия автора, год выхода и, если нужно, страница. (Wagner, 2008: 66). Все документы в статьях по возможности предоставляются на языке оригинала и, в случае необходимости, переводятся.

5. В том случае, если автор в один год опубликовал несколько работ, то они помечаются буквами как в списке литературы, так и в ссылке. Например: (Майзель, 1978a), (Майзель, 1978b). В случае ссылки на иностранную литературу фамилию автора следует повторить в ее оригинальном написании, например: «Р. Мертон (Merton, 1976: 7) утверждал, что...».

6. Если в списке литературы содержится источник с интернет-сайта, то следует ссылку оформлять так: автор, название статьи, дата публикации, интернет-адрес.

7. В статье допустимы краткие подстрочные сноски. Дополнительные тексты большого объема оформляются в виде примечаний или приложений в конце статьи.

8. К рукописи прилагаются:

- аннотация — не более 100 слов на русском и английском языках;
- на русском и английском языках должны быть также указаны ключевые слова и название статьи;
- авторская справка: ФИО (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором (телефоны, электронный адрес);
- фотография (разрешение 300 dpi).

9. Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

10. Каждая рукопись проходит обязательное рецензирование. Ответ автору должен быть дан в течение трех месяцев со дня поступления рукописи в редакцию. Редколлегия сообщает автору заключение рецензентов, но не вступает в дискуссии с авторами по поводу отвергнутых рукописей.

11. Принятый к печати текст далее заверяется подписью автора на бумажном варианте статьи и сопровождается подписью на Договоре о временной передаче авторских прав (текст договора можно посмотреть на сайте журнала).

12. Автор несет ответственность за точность сообщаемых в статье сведений, цитат, правильность написания дат и имен. В отношении прилагаемых иллюстраций должен быть указан их источник и право собственности.

13. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии, редакции.

14. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Адрес редакции:
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5
Тел.: (812) 328-59-24
Факс: (812) 328-46-67
E-mail: school_kugel@mail.ru
http: // ihst.nw.ru

Sociology of Science and Technology

Guidelines for Contributors

The journal "Sociology of Science and Technology" specialises in problems in sociology of science and technology.

The journal is published under the scientific guidance of the Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences.

The journal publishes original articles in the Russian and English languages on the following topics: science and society; science and policy; science-technology policy, communications in science; mobility of scientists; demographic aspects of sociology of science; women in science; social positions and social roles of scientists; views of the activities of scientists and scientific personnel; science and education; history of sociology of science; social problems of modern technologies; and other related themes.

Requirements for Manuscripts:

1. Manuscripts can be presented in Russian or English.

2. Manuscripts should be presented in Word format, the volume of the manuscript should not exceed 10 000 words; font Times New Roman, size 12 pt; interval 1.5 pt; wide layout; the title of article — bold in the centre; full name(s) in the top right corner; footnotes — size 10 pt, interval 1; for citations font Arial; in the format .doc or .rtf

3. Photos and figures should be sent in separate files, in the format .tif or .jpg.

4. Volume of articles in the "Review" and "Scientific Life" sections — up to 3 000 words.

5. Abbreviations are permitted, but the first mention in the text must include the full name. Citations from various sources quoted are referenced with indication of the page number (or archival storage unit) given. Spaces in citations are designated by angular brackets: <...>.

6. The literature list is in alphabetic order and without numbering is located on the last page. Titles of journals are written in full, along with volume, number (release), city, publishing house, year. For collections it is necessary to specify editors.

7. References to literature are to be given in the article text. In parentheses, the surname of the author, year of publication and, if necessary, the page number is given. For example: (Wagner, 2008:66). All documents in articles are whenever possible given in the original language and translated if necessary.

8. If the author in one year has published several works, they are marked with letters both in the literature list and in the reference. For example: (Maizel, 1978a), (Maizel, 1978b). In case of references to foreign literature, the surname of the author should be repeated, for example: "R. Merton (Merton, 1976:7) claimed that..."

9. In articles, brief footnotes are admissible. Additional large texts are made out in the form of endnotes or appendices at the end of the article.

10. To the manuscript should be attached:

- an abstract/summary of no more than 100 words in Russian or English;

- keywords in Russian or English and the name of article;
- the author's details: names (in full), place of work, position, scientific degree, and phones, e-mail;
- a photo (sanction 300 dpi).

11. Manuscripts that do meet the specified requirements will not be considered.

12. All manuscripts must pass obligatory reviewing. Answers should be given to the author within three months from the date of receiving the manuscript.

13. The journal's editorial board informs the author of the reviewers' conclusion, but does not enter into discussions with authors in the case of rejected manuscripts.

14. Texts accepted for publication are further assured by the signature of the author on a paper copy of their article.

15. Articles are also accompanied by the author's signature on a contract regarding the time transfer of author's rights (the text of the contract can found at on the site of the journal).

16. The author bears the responsibility for accuracy of data in the article, including citations, and correct spelling dates and names. Illustrations should specify their source and the property rights.

17. Published materials do not reflect the point of view of the founder, editorial board, or editors.

18. Presenting their article manuscript to the editors, authors take on the obligation not to publish it in its entirety or in part in other journals without consent of the editorial board.

Address of Editors:
199034, St. Petersburg, 5 University nab.,
Tel.: (812) 328-59-24
Fax: (812) 328-46-67
E-mail: school_kugel@mail.ru
http: // ihst.nw.ru

Читайте в ближайших номерах журнала:

М. К. Петров. Личное и безличное в научной деятельности

Е. В. Васильева. Мотивация научной деятельности ученых Дальнего Востока в условиях вторичной институционализации отечественной науки

Gregory Sandstrom. A Comparative Analysis of Russian and Canadian Sociologies of Science and Technology

А. А. Борейшо, А. Н. Цветков. Роль особых экономических зон в формировании инновационного менталитета населения

In the next issues

Mikhail K. Petrov. Personal and Impersonal in Science

Elena V. Vasilieva. Motivation of Scientific Work for Scientists in the Far East during the Second Institutionalization of Russian Science

Gregory Sandstrom. A Comparative Analysis of Russian and Canadian Sociologies of Science and Technology

Aleksey A. Boreisho, Aleksey N. Tsvetkov. The Role of Special Economic Zones in Shaping the Innovative Mentality of Population